

ISSN 2687-0126

PROFESSIONAL DISCOURSE & COMMUNICATION

**Дискурс
профессиональной
коммуникации**

VOLUME 8 ISSUE 3
2026

Editor-in-Chief

Dmitry S. Khramchenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board

Biljana Marić

University of Belgrade, Serbia

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Moscow, Russia

Seda K. Gasparyan

Yerevan State University, Armenia

Svetlana V. Ivanova

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Dragana Popovic

University of Novi Sad, Serbia

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, USA

Liu Ruomei

Beijing Foreign Studies University, China

Viktoria L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia

Elena N. Malyuga

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Arto Mustajoki

The University of Helsinki, Finland

Evgeniya V. Ponomarenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Enrique F. Quero-Gervilla

The University of Granada, Spain

Galina V. Sinekopova

Eastern Washington University, USA

Ali Dabbagh

Gonbad Kavous University, Iran

Geoffrey M. Maroko

Machakos University, Kenya

Anna Wing Bo Tso

The Hang Seng University of Hong Kong

Yau Ni Jenny Wan

Hong Kong Shue Yan University (HKSYU), Hong Kong, China

Sofia Kamenetskaia

Autonomous University of Mexico City, Mexico

The Founder: MGIMO University

Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Professional Discourse & Communication is an international, peer-reviewed quarterly journal dedicated to discussing various theoretical and applied problems of professional communication. Its articles provide researchers and practitioners with the most up-to-date, comprehensive and important research, paying specific attention to modern linguistic approaches to professional discourse as well as practical aspects of teaching methodology as related to the language of particular professional spheres.

PDC specifically addresses readers in any field of professional communication (business, legal, diplomatic, economic, political, academic, medical, art and any other professional sphere) who are interested in qualitative discourse analytical approaches, on the one hand, and scholars who are interested in issues of professional communication (discourse studies, functional linguistics, pragmatics, semiotics, rhetoric, linguosynergetics, sociolinguistics, cognitive linguistics, stylistics, cross-cultural communication, cultural studies, country studies, second language acquisition and teaching methodology, and related fields), on the other hand.

ISSN 2687-0126

Website: <https://pdc-journal.com>

Главный редактор

Храмченко Дмитрий Сергеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры
английского языка №4 МГИМО МИД России

Редакционная коллегия

Биляна Мариц

доктор филологических наук, профессор кафедры
славистики, филологический факультет,
Белградский университет, Сербия

Гаспарян Седа Керобовна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой английской филологии, Ереванский
государственный университет, Армения

Дженни Ван

PhD, доцент кафедры английского языка
и литературы, Гонконгский университет
Сюянь, Китай

Иванова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры «Английский язык в сфере филологии
и искусств», Санкт-Петербургский
государственный университет

Клюканов Игорь Ангелевич

доктор филологических наук, профессор,
Восточный Вашингтонский университет, США

Куеро-Гервилья Энрике Ф.

PhD, декан факультета перевода Университета
Гранады, Испания

Лю Жомэй

доктор филологических наук, иностранный
член Российской академии естественных наук,
профессор Пекинского университета
иностранных языков

Малахова Виктория Леонидовна

доктор филологических наук, доцент
кафедры английского языка №4,
МГИМО МИД России

Малюга Елена Николаевна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой иностранных языков
экономического факультета, Российский
университет дружбы народов

Мустайоки Арто

PhD, декан Гуманитарного факультета,
Хельсинкский университет, Финляндия

Пономаренко Евгения Витальевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры английского языка №4
МГИМО МИД России

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, директор
института межкультурной коммуникации
и международных отношений, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет

Синекопова Галина Васильевна

кандидат филологических наук, профессор,
Восточный Вашингтонский университет, США

Драгана Попович

доктор филологических наук, доцент кафедры
славистики, философский факультет,
Новисадский университет, Сербия

Чеснокова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов
Али Даббаг	PhD, доцент кафедры иностранных языков, Университет Гомбеде-Кавус, Иран
Джеффри Мароко	PhD, профессор прикладной лингвистики, Университет Мачакоса, Кения
Анна Тцо	PhD, профессор, заведующий кафедрой английского языка, Хэнг Сэн университет Гонконга
Софья Каменецкая	доктор лингвистических наук, преподаватель-исследователь Академии языка и мышления Автономного Университета города Мехико, Мексика

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

«Дискурс профессиональной коммуникации» - международный рецензируемый электронный научный журнал, издающийся с периодичностью 4 раза в год. Журнал публикует статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и теоретических исследований в области профессиональной коммуникации. Основное направление журнала - современные подходы к изучению лингвистических аспектов профессионального дискурса и практических вопросов преподавания языка конкретных профессий.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-76677 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки) и 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN 2687-0126

Официальный сайт журнала: <https://pdc-journal.com>

Contents

Introduction to Volume 8 Issue 3	7
Editor-in-Chief Dmitry S. Khramchenko	

Original article

Political Narratives in the Presidential Discourse of Yamandú Orsi and Their Linguistic Representation	11
by Irina V. Zaalishvili	

Metaphor, Metonymy and Conceptual Integration in Satirical Discourse: British and American Political Cartoons	40
by Svetlana Y. Pavlina, Natalia G. Milashchenko	

Discursive Legitimation of Chinese Automobile Brands in the Russian Market: A Mixed-Methods Analysis of Online Consumer Discourse	66
by Anna Tikhomirova	

Terminological Field Structure as a Reflection of Legal Institutions in English-Russian Legal Terminology	85
by Irina A. Zhilina	

Variation and Diachronic Change in Epistemic Stance: Testing Promotional Trends in NSF Grant Proposal Abstracts	114
by Dmitriy Tulyakov	

Rhetorical Structure of an Occluded Academic Genre: A Corpus-Based Move Analysis of Teaching Philosophy Statements	131
by Atekah Abaalkhail	

Содержание

Слово главного редактора	7
Храмченко Д.С.	
Оригинальные статьи	
Политические нарративы президентского дискурса Яманду Орси и их языковая репрезентация	11
Заалишвили И.В.	
Метафора, метонимия и концептуальная интеграция в сатирическом дискурсе: политические карикатуры британских и американских СМИ	40
Павлина С.Ю., Милащенко Н.Г.	
Discursive Legitimation of Chinese Automobile Brands in the Russian Market: A Mixed-Methods Analysis of Online Consumer Discourse	66
by Anna Tikhomirova	
Структура терминополья как отражение правового института в англо-русской юридической терминологии	85
Жилина И.А.	
Variation and Diachronic Change in Epistemic Stance: Testing Promotional Trends in NSF Grant Proposal Abstracts	114
by Dmitriy Tulyakov	
Rhetorical Structure of an Occluded Academic Genre: A Corpus-Based Move Analysis of Teaching Philosophy Statements	131
by Atekah Abaalkhail	

INTRODUCTION TO VOLUME 8, ISSUE 3

Dmitry S. Khramchenko, Editor-in-Chief

1. Introduction

Professional discourse is, before anything else, discourse spoken from a role. The president addressing the General Assembly, the cartoonist on the editorial payroll, the forum user certifying an engine on the strength of his own mileage, the translator facing a foreign statute, the applicant pleading for federal funds, the teacher writing for a tenure committee – each of these figures uses language under an institutional constraint, and each text carries the imprint of the institution behind it. Volume 8, Issue 3 of *Professional Discourse & Communication* brings together six empirical studies that examine precisely this imprint, in political, media, market, legal and academic communicative spheres. In doing so, the issue addresses the core of our journal's scope: the strategic use of language and semiotic resources by people acting as members, representatives, agents or critics of institutions.

The composition of the authorship spans two countries – Russia and Saudi Arabia – and six research centres. The empirical ground stretches far beyond the affiliations. Between the virtual covers of this issue the reader will find Uruguayan presidential speeches delivered in Montevideo and at the United Nations, editorial cartoons published in London and in Washington, Russian consumer forums arguing about automobiles assembled in China, British and American statutes and supreme-court decisions, 99.4 million words of abstracts archived by the US National Science Foundation, and teaching statements posted on North American university websites. An issue thus reads the institutions of four continents through a common analytical lens – precisely the cross-cultural and cross-linguistic dialogue this journal was created to sustain.

2. The structure of the issue

We arranged the papers along a descending gradient of institutional authority, which is at the same time a movement from the most public utterance to the most occluded text. The issue opens with a head of state – the institutional role par excellence – and closes with a solitary applicant producing a document hidden from public view by design. Between these poles the chain passes through the press that comments on power, the lay public that answers professional journalism in the comment section, the codified vocabulary of the law, and the promotional paperwork of science. Read in sequence, the six studies show how an institutional voice is claimed, echoed, contested, codified, promoted, and accredited.

3. About the articles

Irina Zaalishvili's "*Political Narratives in the Presidential Discourse of Yamandú Orsi and Their Linguistic Representation*" opens the issue at the highest point of institutional speech. Analysing 34 addresses of the Uruguayan president, the author identifies five governing narratives – democracy as foundation, pluralism and alternation in office, continuity of power, socio-economic stability, peaceful coexistence – and shows how Orsi turns the very

absence of drama into a national brand: a president who walks among citizens without a security detail becomes living proof of public trust, and the metaphor of Uruguay as a “lighthouse of democratic republicanism” converts a small country’s moderation into a moral mission. The study reads as a fine illustration of institutional communication in the strict sense: Orsi never speaks as a private person, and his ideologemes, anaphoric parallelisms, intertextual appeals to José Mujica and domestic metaphors of construction perform the office of the presidency even while they describe it.

From the podium we step to the press. In “*Metaphor, Metonymy and Conceptual Integration in Satirical Discourse: British and American Political Cartoons*,” Svetlana Pavlina and Natalia Milashchenko examine 200 editorial cartoons from The Guardian and The U.S. News & World Report and demonstrate that Richard Trim’s six-level model of figurative decoding, built for verbal political texts, collapses into a five-level architecture once the image enters the message: cultural and political contexts fuse on a single level, and the visual or verbal figure itself becomes the entry point of decoding. The most arresting pages of the article follow the red necktie of Donald Trump, which in one cartoon doubles as a lasso thrown around Greenland and, splitting at its tip, into a snake – a single polycode sign in which metonymy and metaphor function inseparably. The cartoonist, as the authors remind us, is himself an institutional actor, a visual commentator whose figures are licensed by the editorial line of the paper, so satire here is professional discourse twice over.

The third article hands the floor to the public that talks back. Anna Tikhomirova’s “*Discursive Legitimation of Chinese Automobile Brands in the Russian Market: A Mixed-Methods Analysis of Online Consumer Discourse*” tracks 1,144 forum comments from 2014 to 2023 and finds that legitimation proceeds out of step with itself: pragmatic legitimacy, argued through price-benefit calculations and mileage statistics, consolidates first, while moral legitimacy remains stubbornly hostile, with two thirds of its comments coded negative even in the final period. The linguistic journey is equally telling – the early delegitimizing synecdoche “they were only recently collecting rice” gives way to the precise statistical lexicon of the lay expert (“my Omoda has 170,000 km”), and the comment section emerges as a battleground where ordinary consumers validate or overturn the verdicts of professional automotive journalists. For our journal’s concern with institutional communication, the lesson is that legitimacy is negotiated from below as much as it is declared from above.

The middle of the issue turns from institutions speaking to institutions codified in language. Irina Zhilina’s “*Terminological Field Structure as a Reflection of Legal Institutions in English-Russian Legal Terminology*” argues that a legal term borrows its meaning from the system that authorises it, and that the divergence between English and Russian equivalents is graduated rather than uniform. Her four-case scale runs from the status of a single office – the English magistrate is by default a lay volunteer sitting in a bench of three, while the Russian “mirovoy sudya” is a professional judge sitting alone – through the basis of categorical classification and the category of the legal remedy, up to the structure of the whole terminological field, in which six English names for a lawyer answer one Russian “advokat.” Corpus evidence sharpens the argument: in the British National Corpus the strongest collocate of *magistrate* is *stipendiary*, a fossil of the pre-2003 court system, and the frequency gap between *solicitor* (3,069 tokens) and *barrister* (508) reproduces the division of the profession itself. The proposed “institutional label” for bilingual dictionaries follows directly, and the paper situates translation firmly within institutional communication: the translator negotiates between legal systems as much as between lexicons.

The fifth article follows money into science. Dmitriy Tulyakov's "*Variation and Diachronic Change in Epistemic Stance: Testing Promotional Trends in NSF Grant Proposal Abstracts*" puts the widespread claim that academic writing is growing more promotional to a 38-year test on a 99.4-million-word corpus of successful NSF applications, and the test fails. Boosters and hedges decline together across most directorates, and within the modal system the normative *should* retreats while the capability-marking *can* advances – a shift from obligation to potential that suits a genre selling feasibility and impact. Education stands out as the sole directorate with rising boosters, yet the rise dissolves under inspection into multifunctional verbs such as *highlight* and *demonstrate*. Grant abstracts are institutional communication under competitive pressure, and Tulyakov's finding that their authors grow more restrained rather than more loud complicates the promotionalisation thesis on which much current ESP research rests.

The issue closes where authority is most hidden. Atekah Abaalkhail's "*Rhetorical Structure of an Occluded Academic Genre: A Corpus-Based Move Analysis of Teaching Philosophy Statements*" reports fourteen moves in 46 authentic statements, of which five qualify as conventional, and delivers the genre's central irony: the document named after philosophy is overwhelmingly about practice, since the move "focus on teaching practices" occurs in every single text and dwarfs the philosophical declarations in word count. The genre proves hybrid – academic prose in its prepositional-phrase n-grams, CV and application letter in its self-promotional moves – and the comparison of faculty with graduate writers shows expertise at work: established academics reach for philosophical concepts and acknowledge their mentors, while novices foreground concrete classroom activities together with technology use, and dwell on learners of different backgrounds far more often than their senior colleagues. Writing guides, the author adds, silently omit moves that authentic texts practise, so the empirically derived model corrects the advice literature. As a gatekeeping document required for hiring, tenure, promotion and award decisions, the teaching statement is institutional accreditation condensed into a page, and its occlusion makes the article a fitting close to our gradient from the podium to the hidden file.

4. Major themes of the issue

Four thematic lines bind the six papers together.

The first is the *institutional embeddedness of professional language*: the dependence of a unit's meaning on the institution that licences it – the dependence of a legal term on its legal system, of a presidential narrative on the office that utters it, of a brand name on the market community that grants or withholds acceptance, of a cartoon figure on the editorial line behind it. Zhilina demonstrates the point at the level of the term, Zaalishvili at the level of the narrative, Tikhomirova at the level of the brand, Pavlina and Milashchenko at the level of the satirical image. Conceptually, the theme carries the journal's core premise: professional meaning cannot be decoded from the dictionary alone, because the institution is part of the semantics.

The second line is *promotion and legitimation under competitive pressure*. Grant applicants, job candidates, market entrants and even heads of state compete for attention, funds, posts and trust, and their language registers the pressure. Tulyakov tests the promotionalisation hypothesis on the longest time series in the issue and finds restraint rather than hype; Abaalkhail shows self-promotion fused with academic prose in an occluded genre; Tikhomirova watches legitimacy being granted and withheld, comment by comment, in a digital

marketplace. Read together, these papers suggest that promotional force is real yet uneven across genres – a conclusion with direct consequences for ESP teaching and for the study of academic and market communication.

The third line is the *figurative and conceptual machinery of professional meaning*. Metaphor, metonymy, conceptual blending, narrative schemas and terminological fields are the cognitive instruments through which institutions are made thinkable: a lighthouse for a republic, a snake-lasso for a foreign policy, a sponge for a hesitant premier, a bare interior and a fully loaded one for competing car markets, a field of six names for a split profession. Pavlina and Milashchenko supply the multimodal decoding model, Zaalishvili and Tikhomirova the verbal evidence, Zhilina the conceptual mirror between field and institution. The theme speaks to the cognitive strand of our journal's scope, showing that figurative thought is at work in statutes and forums no less than in poetry.

The fourth line is *time* itself. Professional discourse has a history, and the issue repeatedly uses that history as evidence: Tulyakov's 38-year corpus exposes a slow convergence of stance categories, Tikhomirova's decade divides into three legitimation epochs, Zhilina's corpus preserves a pre-reform vocabulary in which *stipendiary* still collocates with *magistrate*, and Abaalkhail's 2004-2016 sample stands as a pre-pandemic baseline against which the teaching statement of the online era can one day be measured. The conceptual payoff is methodological: without diachronic depth, a synchronic snapshot mistakes a phase for a norm.

5. Conclusion

Taken together, the issue covers six types of professional and institutional discourse: the political discourse of the head of state; the satirical discourse of the editorial cartoon; the digital consumer discourse of the automotive forum; the legal discourse of the statute, the court decision, the dictionary entry and the translation equivalent; the scientific discourse of the grant abstract; and the pedagogical-professional discourse of the teaching statement. Each type is studied with the same conviction – that language at work inside an institution is the proper object of linguistics.

We are grateful to the authors for entrusting their work to this journal, and to the anonymous reviewers whose careful reports strengthened every paper in the issue. We invite readers to continue the conversation through citations, correspondence, classroom use and submissions to future volumes, and we look forward to the studies these six papers will provoke.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-11-39>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА ЯМАНДУ ОРСИ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

И.В. Заалишвили

НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

selivanova-irina@inbox.ru

Аннотация: В настоящее время Уругвай является одной из наиболее социально, экономически и политически развитых и стабильных стран Латинской Америки, что обуславливает особую актуальность анализа политических нарративов как инструмента стратегической институциональной коммуникации в президентском дискурсе Яманду Орси. Теоретико-методологическую основу исследования составили труды в области политической лингвистики, лингвокультурологии и лингвопрагматики, включая критический дискурс-анализ Н. Фэркло, социокогнитивный подход Т. ван Дейка, дискурсивно-исторический метод Р. Водак и риторико-критический подход Дж. Чартерис-Блэка. Цель исследования заключается в выявлении ключевых политических нарративов президентского дискурса Я. Орси, а также анализе механизмов их языковой репрезентации и дискурсивных функций. Методологический инструментарий работы включает методы критического дискурс-анализа, нарративного анализа и лингвоидеологического анализа. Эмпирическим материалом послужили 34 публичных выступления Яманду Орси, произнесенных в период с 1 марта 2025 года по 18 апреля 2026 года. Проведенный анализ позволил установить механизмы стратегического конструирования институционального образа Уругвая как внутри страны, так и на международной арене, а также определить национально-специфические особенности риторики его лидера. В ходе исследования были выделены пять ключевых политических нарративов (тематических осей) президентского дискурса. Во-первых, демократия осмысливается как фундамент существования государства, источник его стабильности и общественного согласия. Во-вторых, плюрализм мнений и сменяемость власти рассматриваются как неотъемлемые принципы демократического развития, обеспечивающие баланс интересов и защиту прав граждан. В-третьих, преемственность власти интерпретируется как гарантия стабильности и общественного благополучия, формируя ощущение предсказуемости политической системы. В-четвертых, устойчивость экономической и социальной сфер трактуется как производная политической стабильности. Наконец, мирное сосуществование внутри страны и за ее пределами представляется необходимым условием устойчивого развития. Совокупность указанных нарративов, выраженных различными языковыми механизмами (идеологемы, метафоры, синтаксический параллелизм, интертекстуальные отсылки), формирует образ Уругвая как стабильного и динамично развивающегося государства, руководство которого ориентировано на диалог, социальную

справедливость и международное сотрудничество. Полученные результаты вносят вклад в изучение национально-специфических вариантов латиноамериканского политического дискурса.

Ключевые слова: политический нарратив, президентский дискурс, латиноамериканский дискурс, языковая репрезентация, идеологемы, Уругвай, Яманду Орси.

Для цитирования: Заалишвили, И.В. (2026). Политические нарративы президентского дискурса Яманду Орси и их языковая репрезентация. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(3), 11–39. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-11-39>

1. ВВЕДЕНИЕ

Изучение латиноамериканского дискурса представляет собой динамично развивающееся направление современного языкознания, привлекающее внимание лингвистов и специалистов смежных гуманитарных дисциплин (Бочаров, 2024; Давтян, Крюкова, 2022; Моисеенко, 2019; Филаткина, 2015; Grassetti, 2020; Slimovich, 2016). В последние годы появились работы, посвященные механизмам формирования и трансляции латиноамериканской идентичности — ее символическим и идеологическим компонентам (Ларионова, 2024, 2025; Хейфец, Коновалова, 2022; Чеснокова, Котеняткина, Гишкаева, 2024). Наряду с общими закономерностями латиноамериканского политического дискурса значительный интерес вызывает его национально-специфическая реализация на материале отдельных государств региона. Одним из наиболее показательных примеров здесь служит Уругвай, по праву считающийся одной из самых примечательных стран Латинской Америки.

Для Уругвая характерны устойчивая приверженность демократическим институтам (за исключением периодов диктатур 1933–1938 и 1973–1985 гг.) и высокий уровень зрелости гражданского общества, благодаря чему за страной закрепилось неофициальное название «латиноамериканская Швейцария». Государство отличается укорененной партийной системой, развитой моделью социальной защиты и длительной традицией демократического участия. Уругвай одним из первых среди стран региона законодательно закрепил всеобщее избирательное право. Кроме того, страна занимает ведущие позиции в Южной Америке по уровню жизни и уровню грамотности населения. Последовательная поддержка научных исследований и инноваций со стороны государства, а также сформировавшийся стабильный инвестиционный климат способствуют притоку внешних ресурсов и укреплению экономической устойчивости страны (Селиванова, 2022, с. 101). В связи с этим особую **актуальность** приобретает изучение политического дискурса президента Яманду Орси, в котором не только отражается, но и конструируется уникальная модель стабильной демократии и социально ориентированного государства в латиноамериканском контексте. Несмотря на растущий интерес к политическим дискурсивным практикам стран данного региона, риторика современного уругвайского руководства до настоящего времени не становилась предметом специального научного анализа.

Целью настоящего исследования является выявление ключевых политических нарративов в публичном дискурсе Яманду Орси, а также анализ механизмов их языковой репрезентации и выполняемых ими дискурсивных функций. Данная цель конкретизируется в решении следующих задач, сформулированных в виде вопросов:

а) Какие ключевые нарративы задействуются в президентском дискурсе для описания и легитимации образа Уругвая как «латиноамериканской Швейцарии», закрепившегося за страной в академической и публицистической литературе?

б) Различается ли образ Уругвая, конструируемый в публичных выступлениях президента Яманду Орси, в зависимости от адресата — внешней аудитории (международное сообщество, инвесторы, зарубежные партнеры) или внутренней (граждане Уругвая)?

в) Посредством каких языковых средств, помимо идеологем, выражаются нарративы в текстах официальных выступлений Яманду Орси и какие дискурсивные функции они выполняют?

Решение поставленных вопросов призвано заполнить лакуну, связанную с отсутствием специальных лингвистических исследований политической риторики современного уругвайского руководства, и внести вклад в изучение национально-специфических вариантов латиноамериканского политического дискурса. При этом следует обозначить ряд ограничений исследования. Во-первых, хронологические рамки работы охватывают лишь начальный этап президентства Орси (с 1 марта 2025 г. по 18 апреля 2026 г.), что не позволяет в полной мере проследить эволюцию дискурсивных стратегий и их трансформацию в условиях возможных политических или экономических кризисов. Во-вторых, исследование ограничивается анализом официальных публичных выступлений и не включает иные формы политической коммуникации — интервью, публикации в социальных сетях или неформальные высказывания, — которые также могут играть значимую роль в конструировании политического образа лидера. В-третьих, работа с переводами испаноязычных текстов на русский язык потенциально связана с частичной утратой коннотативных оттенков значения и прагматического потенциала оригинальных высказываний. Учет указанных ограничений позволяет более корректно интерпретировать полученные результаты и одновременно задает перспективные направления для дальнейших исследований.

2. АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологическая база исследования носит междисциплинарный характер и опирается на положения критического дискурс-анализа, представленные в работах Н. Фэркло, Т. ван Дейка, Р. Водак и Дж. Чартерис-Блэка.

Основу исследования составляет критический дискурс-анализ Нормана Фэркло, рассматривающий дискурс как форму социальной практики, посредством которой воспроизводятся и легитимируются отношения власти, идеологические установки и модели коллективной идентичности (Fairclough, 1995). Использование трехмерной модели анализа (текст – дискурсивная практика — социальная практика) позволяет исследовать президентский дискурс Яманду Орси как механизм символического конструирования политической реальности и национального образа Уругвая.

Подход Т. ван Дейка (van Dijk, 2008) дополняет данную перспективу за счет акцента на когнитивном измерении дискурса. В рамках социокогнитивной модели дискурс рассматривается как механизм формирования коллективных представлений, социальных знаний и идеологических установок. Такой подход позволяет проследить, каким образом в президентских выступлениях закрепляется образ Уругвая как государства стабильности, институциональной надежности и демократической преемственности.

Концепция дискурсивно-исторического подхода Р. Водак (Wodak, 2009) позволяет рассматривать президентский дискурс в широком историческом и социополитическом

контексте. Особую значимость для настоящего исследования приобретает анализ интертекстуальности, исторической памяти и стратегий легитимации, с помощью которых воспроизводится и адаптируется образ Уругвая как «латиноамериканской Швейцарии». Подход Р. Водак дает возможность выявить, каким образом президентский дискурс апеллирует к коллективным представлениям о национальной исключительности, политической умеренности и культуре общественного согласия.

Риторико-критический подход Дж. Чартерис-Блэка (Charteris-Black, 2011), в свою очередь, сосредоточен на анализе языковых средств — прежде всего метафор, риторических стратегий и символических образов — как инструментов убеждения аудитории и легитимации политической власти. Данный подход объединяет элементы критического дискурса-анализа и классической риторики. В центре внимания оказывается не только содержание политического высказывания, но и его персуазивный потенциал — способность воздействовать на ценности, эмоции и представления аудитории. Чартерис-Блэк рассматривает политический дискурс как форму стратегической коммуникации, в рамках которой языковые конструкции формируют общественное восприятие событий, политических акторов и национальной идентичности.

Особое значение в его концепции придается метафоре как инструменту когнитивного и эмоционального воздействия. Посредством метафор политические лидеры упрощают сложные социально-политические процессы, создают понятные аудитории интерпретационные схемы и укрепляют определенные идеологические установки. В контексте анализа президентских выступлений Яманду Орси данный подход позволяет исследовать, какие метафорические модели используются для конструирования позитивного образа государства («маяк республиканизма», «президент без охраны», «спокойная страна»), каким образом формируется доверие к власти, а также как через риторические средства воспроизводятся коллективные ценности и элементы национальной идентичности.

Сочетание указанных подходов обеспечивает комплексный анализ политических нарративов президентского дискурса, позволяя исследовать их одновременно на идеологическом, когнитивном, историко-контекстуальном и языково-риторическом уровнях.

В последнее время активно изучается влияние политических нарративов на общественное сознание с привлечением разнообразного языкового материала (Заалишвили, 2025; Островская, Хачмафова, 2024; Скрынникова, Генералова, 2024; Тамерьян, Шаипова, 2024; Ульданов, 2024). Интерес к этой проблематике объясняется способностью нарративов напрямую воздействовать на интерпретацию и оценку социополитических явлений в обществе — именно это свойство превращает их в ключевой инструмент современных политиков во взаимодействии с избирателями и оппонентами, а также в ходе дебатов и сложных переговоров (Ульданов, 2024, с. 69).

В настоящей статье под *нарративом* понимается «символическая форма продвижения политических смыслов», используемая политическими акторами в дискурсивном пространстве для легитимации собственных идейных приоритетов и ценностных ориентаций (Соловьев, 2025а, с. 73). В силу выраженной прагматической направленности и высокой коммуникативной эффективности нарративов в последнее время намечается тенденция к их более активному использованию в политической коммуникации (Скрынникова, Генералова, 2024).

Как отмечает А.И. Соловьев, «мнимое простодушие нарративов (не требующих от человека ни особых компетенций, ни даже политического опыта)» помогает политическим месседжам проникать в глубинные структуры сознания, формируя у аудитории, как правило,

схематичное и чрезвычайно упрощенное восприятие окружающей действительности (Соловьев, 2025b, с. 22). При этом их задача заключается не в трансляции объективной истины, а в закреплении определенных интерпретационных схем в зависимости от текущего социополитического контекста (Соловьев, 2025a, с. 74). Следовательно, значимость политических нарративов заключается в их способности управлять коммуникацией и направлять общественное сознание в желаемое для политического субъекта русло. К характерным признакам политического нарратива относятся доступность изложения, актуальность транслируемых идей для широких масс населения, высокая степень воздействия, превосходящая зачастую научные и иные виды аргументативных практик, эмоциональная заряженность (Тамерьян, Шаипова, 2024).

Анализ теоретических источников свидетельствует не только о росте интереса к теме политических нарративов, но и о наличии сходных подходов к трактовке данного феномена. В частности, в работе Т.А. Островской и З.Р. Хачмафовой нарратив определяется преимущественно как инструмент трансляции идеологических смыслов, а также как «объясняющее» повествование, сочетающее изложение событий с их интерпретацией; подчеркивается субъективный характер рассказа-толкования, в котором доминирующую роль играют личные эмоции и авторская оценка события (Островская, Хачмафова, 2024). Сходной позиции — понимания нарративов как средства формирования политических взглядов — придерживаются И.В. Скрынникова и Л.М. Генералова, отмечая, что умелое применение нарративных практик в политическом дискурсе неизменно ведет к политической победе (Скрынникова, Генералова, 2024, с. 124). Особого внимания заслуживает точка зрения А.И. Соловьева (2025a; 2025b), который последовательно обосновывает, что эффективность нарратива напрямую зависит от его способности маскировать сложные политические смыслы, облекая их в доступные для широкой аудитории формы. В развитие уже начатых исследований представляется целесообразным обратиться к изучению политических нарративов с позиций лингвоидеологии и политической лингвистики на материале дискурса уругвайского президента Я. Орси.

Политический нарратив, будучи формой продвижения идеологических смыслов, нуждается в материальных репрезентантах в ткани дискурса. Таковыми выступают единицы когнитивно-дискурсивного порядка, среди которых центральное место занимают *идеологемы*. Однако их анализ в лингвоидеологическом ракурсе требует предварительного терминологического размежевания с *концептом* и *политико-правовой формулой* ввиду их содержательной и функциональной близости.

Политико-правовая формула — устойчивое теоретическое или нормативное выражение, кратко отражающее взаимосвязь политики и права, а также основные принципы организации государственной власти и правового регулирования (например, «правовое государство», «разделение властей», «социальное государство», «верховенство закона»). Подобные формулы широко используются в политологии, теории государства и права, конституционном и международном праве.

Под *идеологемой* понимается когнитивная единица, в структуре которой «актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» (Малышева, 2009, с. 35). Семантическим ядром идеологемы является идеологически нагруженная лексема, содержательная специфика и оценочные смыслы которой определяются прагматической рамкой — коммуникативной ситуацией, особенностями

общественно-политического порядка, а также политическими взглядами участников коммуникации. К ключевым признакам идеологемы относятся: национальная специфика, изменчивость семантики, высокая аксиологическая насыщенность, частотность употребления и разнообразие форм выражения (лексемы, клише, метафоры и др.). Посредством идеологем политический текст не только транслирует программные установки, но и задает систему ценностных координат, формируя у аудитории определенное представление о социополитической реальности.

В настоящей статье под *концептом* понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (Попова, Стернин, 2007, с. 24). Вместе с тем вербализация концепта не является обязательным условием его существования: выделяется множество концептов, не обладающих устойчивым языковым обозначением, однако их концептуальный статус не подлежит сомнению.

Сходство между концептом и идеологемой заключается в их принадлежности к сфере мышления и когнитивных процессов. Ни концепт, ни идеологема не сводятся непосредственно к слову или тексту: оба явления лишь вербализуются посредством языка, актуализируя свое содержание через лексические единицы. При этом каждая из этих категорий включает элементы смысла, которые остаются вне языкового выражения и не поддаются полной вербализации.

Основное различие между концептом и идеологемой заключается в характере и объеме их содержания. Концепт аккумулирует исторические и современные представления, социальные и индивидуальные интерпретации, а также взгляды различных социальных групп. Идеологема, напротив, отражает более обобщенное и культурно закрепленное представление о явлении или предмете, который она обозначает (Безродная, 2013, с. 144).

В отношении оценочности и эмоциональной окраски рассматриваемых феноменов следует отметить, что концепт характеризуется вариативностью и неоднозначностью аксиологической оценки, сопровождающей его на протяжении генезиса и дальнейшей эволюции. Идеологеме, напротив, свойственен относительно устойчивый и однозначный аксиологический модус, актуальный на конкретном этапе ее функционирования. Кроме того, идеологема неизбежно включает авторскую оценочность, определенную интерпретацию действительности и специфическую стилистическую манеру репрезентации в рамках конкретного дискурса (Малышева, 2009, с. 38).

При анализе соотношенности данных феноменов с денотатом выявляется их принципиальное различие: концепт в большинстве случаев обладает референтностью и непосредственно отсылает к объекту действительности, тогда как идеологема либо подменяет собой элемент реальности, либо наделяет его дополнительными смыслами, служащими целям информационного воздействия и манипуляции.

Различия между концептом и идеологемой проявляются в том числе и на функциональном уровне. Выполняя когнитивную функцию, концепт характеризуется широким смысловым содержанием, сохраняет непосредственную связь с денотатом и отражает как коллективные, так и индивидуальные представления. Идеологема, напротив, ориентирована прежде всего на манипулятивное воздействие, то есть на целенаправленное влияние

адресанта на сознание адресата. В силу этого она транслирует стереотипизированные представления, подменяет собой действительность и отличается высокой степенью оценочности (Безродная, 2013, с. 144).

Таким образом, если политико-правовые формулы задают нормативную рамку политического дискурса, а концепты обеспечивают когнитивную основу осмысления политических явлений, то именно идеологемы выступают ключевым инструментом целенаправленного идеологического воздействия во властном дискурсе. Данное обстоятельство обуславливает выбор лингвоидеологического подхода в качестве методологической основы дальнейшего анализа политических нарративов Яманду Орси.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составляет корпус из 34 публичных речей Яманду Орси, опубликованных на официальном сайте Правительства Уругвая¹. Цель статьи заключается в выявлении ключевых нарративов президентского дискурса, участвующих в конструировании образа страны и нации, а также способов их языковой репрезентации.

Для достижения поставленной цели был использован комплекс взаимодополняющих методов. Дискурс-анализ позволил рассмотреть политический дискурс как социальное явление, выявить скрытые смыслы и манипулятивный потенциал высказываний. Нарративный анализ дал возможность установить, каким образом посредством «объясняющих» повествований политические смыслы и идеологические установки переводятся с абстрактного уровня на конкретный, становясь доступными широкой аудитории. Лингвоидеологический анализ, в свою очередь, позволил определить языковые репрезентанты, посредством которых в президентском дискурсе закрепляются ценностные ориентиры и формируется образ страны.

Процедура вычленения нарративов в настоящем исследовании осуществлялась в соответствии с тематическим анализом, предложенным В. Браун и В. Кларк (Braun, Clarke, 2006). Данная процедура предполагает последовательный переход от первичного кодирования текстового материала к выявлению устойчивых смысловых структур, репрезентирующих политические нарративы президентского дискурса. В частности, на первом этапе осуществлялось формирование корпуса текстов, включающего официальные выступления президента Яманду Орси, с учетом их тематической релевантности и коммуникативной направленности (внутренняя или внешняя аудитория). На втором этапе проводилось первичное кодирование материала. В текстах выделялись повторяющиеся смысловые элементы, связанные с репрезентацией государства, власти, общества, демократии, стабильности, национальной идентичности и международного образа Уругвая. Кодирование осуществлялось как на лексико-семантическом уровне (ключевые слова, оценочная лексика, идеологемы, метафоры), так и на уровне более сложных смысловых конструкций. На третьем этапе выделенные коды группировались в более крупные тематические категории, отражающие устойчивые способы интерпретации политической реальности. На данном этапе особое внимание уделялось повторяемости дискурсивных паттернов, их функциональной значимости и контексту употребления.

¹ Источник: Presidencia de la República Oriental del Uruguay. (n.d.). *Discursos del presidente*. Retrieved May 24, 2026, from <https://www.gub.uy/presidencia/tematica/discursos-presidente?page=0>

В настоящем исследовании идентификация политических нарративов в президентском дискурсе Яманду Орси осуществляется с опорой на нарративный подход К. Риссман (Riessman, 2008), в рамках которого нарратив рассматривается как форма интерпретативной организации социального опыта. В качестве критериев идентификации нарратива выделяются наличие временной и причинно-следственной последовательности, системы акторов и их ролевого распределения (государство, правительство, граждане, международное сообщество), выраженной оценочной доминанты, а также смысловой целостности и повторяемости дискурсивных паттернов. Особое внимание уделяется риторическим стратегиям, посредством которых в выступлениях Орси формируются и легитимируются нарративы стабильности, политической умеренности, институциональной устойчивости и «спокойной страны». Такой подход позволяет рассматривать президентский дискурс не как совокупность отдельных политических заявлений, а как систему взаимосвязанных интерпретаций, направленных на формирование определенного образа Уругвая как внутри страны, так и во внешнеполитическом контексте.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе исследования были выделены пять основных политических нарративов президентского дискурса Я. Орси: а) демократия осмысливается как фундамент существования государства, источник его стабильности и общественного согласия; б) плюрализм партий и мнений рассматривается как необходимый принцип демократического развития, обеспечивающий баланс интересов и защиту прав граждан; в) преемственность власти интерпретируется как гарантия стабильности и общественного благополучия; г) устойчивость экономической и социальной сфер трактуется как производная политической стабильности; д) мирное сосуществование внутри страны и за ее пределами представляется необходимым условием устойчивого развития. Анализ данных нарративов проводится в лингвоидеологическом ракурсе, предполагающем выявление не только их содержательного наполнения, но и конкретных языковых репрезентантов — прежде всего идеологем. Именно через них в президентском дискурсе закрепляются ценностные ориентиры, конструируется образ Уругвая как стабильного, демократического и социально ответственного государства, а также осуществляется воздействие на массовое сознание как внутри страны, так и за ее пределами.

Нарратив о демократии как фундаментальном принципе существования государства представляет собой ключевую тематическую ось публичного дискурса уругвайского президента Яманду Орси как внутри страны, так и за ее пределами. Его частотная воспроизводимость связана со стремлением утвердить демократические ценности в качестве основы национальной идентичности и политической культуры страны. С помощью данного нарратива, выраженного в первую очередь идеологемами *democracia* («демократия»), *republicanismo democrático* («демократический республиканизм»), *igualdad ante la ley* («равенство перед законом»), *igualdad de oportunidades* («равенство возможностей»), *institucionalidad democrática* («демократическая институциональность»), *solidez institucional y política* («институциональная и политическая устойчивость»), становится возможным укрепить доверие граждан к институтам власти, указать на устойчивость демократической традиции и обозначить ответственное отношение руководителя к мандату, полученному в результате свободного волеизъявления народа:

*El 1° de marzo de 1985 el país recobraba la **institucionalidad democrática** luego de trece años de dictadura cívico-militar. Atrás quedaba el período más doloroso de nuestra historia contemporánea, marcado por la persecución política y la crueldad humana como método de Gobierno, y por el saqueo económico como parte central de ese proyecto político (01.03.2025) (1 марта 1985 года страна восстановила **демократическую институциональность** после тринадцати лет гражданско-военной диктатуры. Позади остался самый болезненный период нашей новейшей истории, отмеченный политическими преследованиями и жестокостью, возведенной в метод государственного управления, а также экономическим разграблением, являвшимся центральной частью того политического проекта) (здесь и далее перевод наш);*

*La histórica **solidez institucional y política** ha permitido que Uruguay aún se destaque en la región por su alto nivel de desarrollo humano o sus políticas de distribución del ingreso (23.09.2025) (Исторически сложившаяся **институциональная и политическая устойчивость** позволяет Уругваю по-прежнему выделяться в регионе благодаря высокому уровню человеческого развития и политике распределения доходов);*

*Rendir cuentas de las obligaciones que mi gobierno asumió para que el Uruguay siga siendo lo que ha sido, es y será: **un faro del republicanismo democrático, de la seguridad jurídica y de la calidad institucional, de la democracia plena y del respeto por la ley, del desarrollo económico con inclusión social** en un mundo cada vez más radicalizado y extremista, porque estoy convencido de que rendir cuentas es el ejercicio máximo de la **democracia** (02.03.2026) (Отчитаться по обязательствам, которые взяло на себя мое правительство, чтобы Уругвай и впредь оставался тем, чем он был, остается и навсегда останется: **маяком демократического республиканизма, правовой определенности, институциональной состоятельности, полновесной демократии и верховенства закона, экономического развития с социальной инклюзией** в мире, который становится все более радикальным и экстремистским. Ибо я глубоко убежден: отчетность перед народом — это высшее проявление **демократии**);*

*Decidimos defender la **igualdad ante la ley** y promover la **igualdad de oportunidades** (18.04.2026) (Мы решили защищать **равенство перед законом** и продвигать **равенство возможностей**).*

Приведенные примеры демонстрируют, что нарратив о демократии в президентском дискурсе Яманду Орси формируется посредством устойчивого набора лингвистических и риторических механизмов: обращения к исторической памяти, аксиологической лексики, метафорических моделей, а также конструкций, подчеркивающих коллективную ответственность и институциональную преемственность. Данные механизмы и соответствующие им дискурсивные функции систематизированы в Таблице 1.

Таблица 1. Нарратив о демократии как фундаментальном принципе существования государства

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>El 1° de marzo de 1985 el país recobraba la institucionalidad democrática luego de trece años de dictadura cívico-militar. Atrás quedaba el período más doloroso de nuestra historia contemporánea, marcado por la persecución política y la crueldad humana como método de Gobierno, y por el saqueo económico como parte central de ese proyecto político (01.03.2025).</i>	Темпоральная предикация; оценочная лексика («más doloroso», «crueldad»); историческая антитеза («dictadura / institucionalidad democrática»)	Конструирование демократии как ценностной противоположности авторитаризму; легитимация демократического порядка через коллективную память о диктатуре

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>La histórica solidez institucional y política ha permitido que Uruguay aún se destaque en la región por su alto nivel de desarrollo humano o sus políticas de distribución del ingreso (23.09.2025).</i>	Аксиологическая лексика («solidez institucional»); причинно-следственная предикация; сравнительная региональная репрезентация	Репрезентация институциональной устойчивости как основы социального развития и региональной исключительности Уругвая
<i>Rendir cuentas de las obligaciones que mi gobierno asumí para que el Uruguay siga siendo lo que ha sido, es y será: un faro del republicanismo democrático, de la seguridad jurídica y de la calidad institucional, de la democracia plena y del respeto por la ley, del desarrollo económico con inclusión social en un mundo cada vez más radicalizado y extremista, porque estoy convencido de que rendir cuentas es el ejercicio máximo de la democracia (02.03.2026).</i>	Пространственная метафора («faro»); перечислительная синтаксическая конструкция; темпоральная триада («ha sido, es y será»); эпистемическая модальность («estoy convencido»)	Конструирование образа Уругвая как демократического ориентира и институционально зрелого государства; легитимация принципа подотчетности власти
<i>Decidimos defender la igualdad ante la ley y promover la igualdad de oportunidades (18.04.2026).</i>	Инклюзивная предикативная конструкция; комиссивный речевой акт; параллелизм инфинитивных конструкций («defender / promover»)	Репрезентация демократических принципов как сознательного политического обязательства власти; конструирование образа коллективной ответственности

Таким образом, нарратив о демократическом развитии выполняет в дискурсе Яманду Орси системообразующую функцию, репрезентируя Уругвай как государство с устойчивыми институтами, прочной правовой традицией и социально ориентированной экономикой. Этот нарратив не ограничивается описанием существующего положения дел, а конструирует нормативную модель политического устройства, в рамках которой демократия осмысливается как исторически достигнутая и необратимая ценность.

Посредством обращения к исторической памяти (прежде всего к восстановлению демократии в 1985 году), идеологемам *democracia*, *igualdad ante la ley*, *igualdad de oportunidades* и метафоре «маяка демократического республиканизма» президент легитимирует власть, подчеркивает преемственность политического курса и конструирует образ Уругвая как устойчивого демократического государства. Данный образ выполняет как внутривнутриполитическую, так и внешнеполитическую функцию: внутри страны он способствует укреплению коллективной идентичности и общественного согласия, а во внешнем дискурсе позиционирует Уругвай как надежного партнера, региональный ориентир демократической стабильности и социальной инклюзии. Тем самым усиливается легитимность президентского курса как на национальном, так и на транснациональном уровнях.

Нарратив о плюрализме мнений и сменяемости власти как неотъемлемых принципах демократического развития, выраженный через идеологемы *partidos políticos* («политические партии»), *ideologías* («идеологии»), *pluralismo* («плюрализм») и *alternancia en el poder* («сменяемость власти»), подчеркивает приверженность Уругвая демократическим ценностям и одновременно дистанцирует страну от негативного опыта ряда латиноамериканских государств, где попытки установления однопартийных режимов и подавления оппозиции приводили к авторитаризму, социальным конфликтам и экономической нестабильности.

Акцент на политическом многообразии и свободе выражения различных точек зрения отражает стремление к формированию устойчивой системы сдержек и противовесов, основанной на диалоге, институциональной конкуренции и уважении к правам человека. Подобная риторическая стратегия способствует укреплению доверия граждан к государственным институтам, расширяет пространство политического участия и легитимирует демократический порядок как условие стабильного и поступательного развития общества:

*Este es un país de **partidos políticos**, de **alternancia en el poder**, de **acuerdos**, un país en el que la confianza sigue siendo un elemento central para su funcionamiento. Por eso decimos que el Uruguay funciona (01.03.2025) (Это страна **политических партий**, **сменяемости власти** и **соглашений**, страна, в которой доверие по-прежнему остается ключевым условием ее функционирования. Именно поэтому мы говорим, что Уругвай функционирует).*

В выступлении перед парламентом, посвященном годовщине своего правления, Яманду Орси акцентирует внимание не на личных достижениях, а на сорокалетию непрерывного демократического развития. Трехчастный повтор («40 лет демократии — 40 лет мирной передачи власти — 40 лет институциональной стабильности») формирует градацию, в которой каждый последующий элемент усиливает предыдущий. Имплицитно противопоставляя Уругвай региональному контексту, президент репрезентирует страну как исключение из латиноамериканской политической нормы, а демократическую устойчивость — как ключевую национальную ценность. Лингвистически данный эффект достигается посредством синтаксического параллелизма и анафорического повтора конструкции «40 años», акцентирующих идею исторической непрерывности демократического процесса:

*Hace un año, asumí el gobierno de un país que celebraba **40 años ininterrumpidos de democracia**. **40 años de alternancia pacífica**. **40 años de institucionalidad estable** en una región donde no siempre fue la norma. Hoy esa estabilidad vale más que entonces (02.03.2026) (Год назад я возглавил правительство страны, которая праздновала **40 лет непрерывной демократии**. **40 лет мирной передачи власти**. **40 лет стабильных институтов в регионе**, где это далеко не всегда было нормой. Сегодня эта стабильность ценится дороже, чем когда-либо).*

В выступлении перед Генеральной Ассамблеей ООН Яманду Орси представляет смену власти не как кризисный или исключительный акт, а как естественную часть политической жизни. Через три взаимосвязанных тезиса — совместные визиты действующего президента и бывших лидеров от других партий, отсутствие институциональных кризисов при смене власти и восприятие смены власти как «акта абсолютной нормальности» — конструируется образ Уругвая как государства с устойчивой демократической культурой.

Подобное позиционирование выполняет функцию «мягкой силы»: имплицитно противопоставляя Уругвай странам с нестабильными политическими системами, президент формирует образ «предсказуемой демократии», повышающий международное доверие, инвестиционную привлекательность и дипломатический авторитет страны:

*Vengo de un país donde ya es práctica corriente que un presidente concurra a países vecinos acompañado por sus antecesores de otros **partidos políticos**. Un país donde la **alternancia de los partidos** en un gobierno no se traduce en una crisis de carácter institucional. Es más, esa **alternancia** se constituye en un acto de pura normalidad (23.09.2025) (Я приехал из страны, где уже стало обычным делом, когда президент едет в соседние страны вместе с бывшими главами государства от **других партий**. Из страны, где **смена** правящих партий не приводит к институциональному кризису. Более того, эта **смена** воспринимается как нечто совершенно естественное).*

Приведенные примеры демонстрируют, что данный нарратив формируется посредством устойчивого комплекса лингвистических и риторических механизмов: аксиологической лексики, синтаксического параллелизма, анафорического повтора, инклюзивной национальной репрезентации и стратегий противопоставления региональному контексту. Данные механизмы и соответствующие им дискурсивные функции систематизированы в Таблице 2.

Таблица 2. Нарратив о плюрализме мнений и сменяемости власти как неотъемлемых принципах демократического развития

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>Este es un país de partidos políticos, de alternancia en el poder, de acuerdos, un país en el que la confianza sigue siendo un elemento central para su funcionamiento. Por eso decimos que el Uruguay funciona (01.03.2025).</i>	Перечислительная синтаксическая конструкция; аксиологическая лексика («confianza», «acuerdos»); репрезентативная предикация («Uruguay funciona»)	Конструирование образа Уругвая как пространства политического консенсуса и институциональной «нормальности»; легитимация плюрализма как основы устойчивости государства
<i>Hace un año, asumí el gobierno de un país que celebraba 40 años ininterrumpidos de democracia. 40 años de alternancia pacífica. 40 años de institucionalidad estable en una región donde no siempre fue la norma. Hoy esa estabilidad vale más que entonces (02.03.2026).</i>	Анафорический повтор темпоральной конструкции («40 años»); синтаксический параллелизм; сравнительная региональная репрезентация; аксиологическая предикация («vale más»)	Репрезентация демократической сменяемости власти как исторической нормы и признака институциональной зрелости; противопоставление Уругвая региональной нестабильности
<i>Vengo de un país donde ya es práctica corriente que un presidente concurra a países vecinos acompañado por sus antecesores de otros partidos políticos. Un país donde la alternancia de los partidos en un gobierno no se traduce en una crisis de carácter institucional. Es más, esa alternancia se constituye en un acto de pura normalidad (23.09.2025).</i>	Инклюзивная национальная репрезентация («vengo de un país»); отрицательная предикативная конструкция («no se traduce en una crisis»); оценочная номинация («acto de pura normalidad»)	Конструирование образа неконфронтационной политической культуры; нормализация сменяемости власти как естественного и институционально безопасного процесса

Таким образом, нарратив о плюрализме мнений и сменяемости власти в дискурсе Яманду Орси преобразует смену политических сил из потенциально конфликтного события в признак институциональной зрелости и демократической устойчивости государства. Демократия в данном случае репрезентируется не как хрупкое достижение, нуждающееся в постоянной защите, а как укорененная и самовоспроизводящаяся система, основанная на политическом консенсусе, доверии к институтам и признании легитимности идеологического многообразия.

Рутинность электорального процесса и «нормализация» смены власти приобретают значение символического капитала, который одновременно укрепляет внутреннюю легитимность власти и формирует позитивный международный образ Уругвая как «предсказуемой демократии». В результате данный нарратив конструирует представление об Уругвае как об «аномалии стабильности» в латиноамериканском регионе и закрепляет его статус государства с устойчивой демократической культурой и высокой институциональной надежностью.

Нарратив о преемственности власти как гарантии устойчивого развития и общественного благополучия подчеркивает предсказуемость политического курса, согласованность стратегических целей государства и непрерывность исторического развития страны. Одним из ключевых средств его реализации выступают речевые акты похвалы и признания заслуг предшественников.

Подобная риторика формирует образ политической преемственности, снижая потенциал конфронтации: власть воспринимается не как радикальный разрыв курса каждые пять лет, а как последовательная передача политической ответственности. Одновременно акцентируется идея коллективного характера государственного развития, являющегося результатом усилий различных политических сил, а не исключительно отдельного лидера. Признание вклада предшественников также выступает маркером культуры политического диалога, основанной на умеренности, институциональном уважении и стремлении к компромиссу — качествах, традиционно ассоциируемых с современным уругвайским обществом:

[...] llego también con las enseñanzas de los queridos Marcos Carámbula, Tabaré Vázquez y José Mujica (01.03.2025) ([...] я вступаю в должность, опираясь на наставления дорогих мне Маркоса Карамбулы, Табаре Васкеса и Хосе Мухики);

Es bueno reconocer que, desde el retorno a la democracia, cada gobierno democrático ha aportado lo suyo para afianzar las libertades y la democracia (06.04.2026) (Следует признать, что с момента возврата к демократии каждое демократическое правительство внесло свой вклад в укрепление свобод и демократических институтов).

В следующем фрагменте образ власти строится на противопоставлении устойчивости и политического спектакля. Яманду Орси акцентирует не эффективность власти, а ее способность обеспечивать непрерывность и порядок: «постоянство» противопоставляется «показным жестам», а реальные управленческие решения — риторике «магических» выходов из кризиса. В результате власть репрезентируется как рациональная и сдержанная сила, основанная не на харизме лидера, а на ясности политического курса, ответственности и поддержании общественной стабильности:

*No tengan dudas, mi compromiso es la **constancia**, no los gestos grandilocuentes. Mis decisiones son las que sostienen, no la que declaran soluciones mágicas, porque la verdadera fortaleza de un gobierno está en la **claridad** de su dirección y en la **responsabilidad** de cuidar este país tranquilo que tanto nos identifica (02.03.2026) (Не сомневайтесь: моя сила — в **последовательности**, а не в показных жестах. Я принимаю решения, которые действительно поддерживают страну, а не обещают чудесные и легкие решения. Потому что подлинная сила власти заключается в **ясности** курса и в **ответственности** за сохранение этой спокойной страны, которая так точно отражает нашу сущность).*

В приведенном ниже фрагменте нарратив о преемственности власти раскрывается через идею ценностного континуитета. Фраза «Мы никого не копируем — создаем свое» формирует образ уругвайской модели как самостоятельного пути развития, опирающегося на собственную политическую традицию. Преемственность при этом осмысливается не как сохранение статус-кво, а как последовательное продолжение национального проекта.

Особую символическую функцию выполняет метафора «маяка» в мире, который «распадается на части и ищет легких путей». Образ маяка становится метафорой институциональной устойчивости и противопоставляется «коротким путям» популизма и авторитарных решений. Триада «терпение, убежденность, инклюзивность» формирует нормативную модель политического развития: терпение связывается с долгосрочной стабильностью, убежденность — с верностью демократическим ценностям, а инклюзивность — с легитимностью политического курса. Тем самым преемственность власти интерпретируется как форма динамической устойчивости — способность государства обновляться, сохраняя институциональную непрерывность и демократические основания:

*No copiamos a nadie, **construimos algo propio**. Hoy, en un mundo que se fragmenta y busca atajos, Uruguay tiene la misma obligación de siempre, **ser el ejemplo de que las transformaciones profundas se construyen con paciencia, con convicción y con la gente adentro. Fuimos faro entonces, podemos serlo ahora** (02.03.2026) (Мы никого не копируем — создаем свое. Сегодня, в мире, который распадается на части и ищет легких путей, у Уругвая остается прежняя обязанность — **быть примером того, что глубокие преобразования совершаются терпеливо, убежденно и вместе с народом. Мы уже были маяком — можем стать им и сегодня**).*

Приведенные примеры демонстрируют, что нарратив о преемственности власти в дискурсе Яманду Орси формируется посредством комплекса лингвистических и риторических механизмов: стратегий символической преемственности, аксиологической лексики, антитез, метафорических моделей и инклюзивной национальной репрезентации. Данные механизмы и соответствующие им дискурсивные функции систематизированы в Таблице 3.

Таблица 3. Нарратив о преемственности власти как гарантии устойчивого развития и общественного благополучия

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>[...] llego también con las enseñanzas de los queridos Marcos Carámbula, Tabaré Vázquez y José Mujica (01.03.2025).</i>	Интертекстуальность; стратегия символической преемственности; положительно маркированная оценочная лексика («queridos»); перечислительная конструкция	Легитимация собственного политического курса через апелляцию к политическому наследию Frente Amplio; включение Орси в символическую цепь демократической преемственности
<i>Es bueno reconocer que, desde el retorno a la democracia, cada gobierno democrático ha aportado lo suyo para afianzar las libertades y la democracia (06.04.2026).</i>	Аксиологическая предикация («es bueno reconocer»); инклюзивная репрезентация политических акторов; темпоральная перспектива («desde el retorno a la democracia»); лексика институционального укрепления («afianzar»)	Репрезентация демократического развития как коллективного и надпартийного процесса; конструирование образа политического консенсуса и институциональной преемственности
<i>No tengan dudas, mi compromiso es la constancia, no los gestos grandilocuentes. Mis decisiones son las que sostienen, no la que declaran soluciones mágicas, porque la verdadera fortaleza de un gobierno está en la claridad de su dirección y en la responsabilidad de cuidar este país tranquilo que tanto nos identifica (02.03.2026).</i>	Антитеза («constancia / gestos grandilocuentes», «sostienen / soluciones mágicas»); комиссивная конструкция («mi compromiso»); оценочная предикация; аксиологическая лексика («responsabilidad», «fortaleza»)	Формирование образа последовательной, ответственной и антипопулистской власти; легитимация постепенной и институционально ориентированной модели управления
<i>No copiamos a nadie, construimos algo propio. Hoy, en un mundo que se fragmenta y busca atajos, Uruguay tiene la misma obligación de siempre, ser el ejemplo de que las transformaciones profundas se construyen con paciencia, con convicción y con la gente adentro. Fuimos faro entonces, podemos serlo ahora (02.03.2026).</i>	Антитеза («copiamos / construimos»); доместическая метафора строительства; деонтическая модальность («tiene la misma obligación»); пространственная метафора («faro»); инклюзивная предикация	Конструирование образа Уругвая как самостоятельного, устойчивого и нормативно ориентированного государства; легитимация постепенных реформ и модели коллективного развития, противопоставленной популистским «быстрым решениям»

Таким образом, нарратив о преемственности власти выполняет в президентском дискурсе Орси легитимирующую и стабилизирующую функции, представляя политическое развитие Уругвая как непрерывный и коллективный процесс. Преемственность осмысливается не как механическое сохранение существующего порядка, а как форма динамической устойчивости, при которой обновление политического курса не разрушает институциональные основания государства. Посредством апелляции к заслугам предшественников, образам последовательности, умеренности и «спокойной страны», а также метафоре Уругвая как «маяка» формируется модель власти, основанная на ответственности, диалоге и долговременной стратегической ориентации. В результате Уругвай репрезентируется как государство с высокой институциональной культурой, где смена лидеров не означает отказа от базовых демократических ценностей и национального проекта развития.

Нарратив об устойчивости социально-экономического развития как производной политической стабильности направлен на укрепление легитимности власти в рамках демократического строя и поддержание общественного консенсуса. В его рамках экономическая устойчивость и социальное благополучие репрезентируются как ключевые показатели эффективности государственного управления и важнейшие элементы национальной политической идентичности.

Обращение к категории стабильности выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно служит средством институциональной самопрезентации власти как гаранта предсказуемости и рациональности политических решений; с другой — выступает механизмом символического конструирования доверия между государством и обществом. При этом стабильность осмысливается не как пассивное состояние, а как активная стратегия поступательного развития и, более того, как своеобразное «знамя» (*bandera*):

*Somos un país de reglas claras, un país de convivencia, un país que entiende que la **estabilidad** no es inmovilidad, sino la plataforma para transformar, porque en un mundo inestable la estabilidad es una activa estrategia y en un mundo desigual, la justicia social es una obligación moral* (02.03.2026) (*Мы — страна с прозрачными правилами, страна согласия, страна, осознающая, что **стабильность** — это не оцепенение, а платформа для преобразований. Ибо в нестабильном мире стабильность выступает активной стратегией, а в мире неравенства социальная справедливость является моральным долгом*);

*Un país para crecer es un país que cuida su convivencia, que no improvisa ni cambia de dirección según el ruido del momento, que entiende que la **estabilidad** es un valor y que hace de ese atributo una bandera* (02.03.2026) (*Страна для роста — это страна, которая бережет мирное сосуществование, не импровизирует и не меняет курс под влиянием сиюминутного шума, знает цену **стабильности** и превращает это качество в свое знамя*).

В условиях глобальной нестабильности способность государства обеспечивать устойчивость и предсказуемость «правил игры» становится важным конкурентным преимуществом. В этом контексте отказ от краткосрочных популистских мер репрезентируется как осознанный стратегический выбор, направленный на сохранение доверия к институтам. Подчеркивается, что устойчивое развитие возможно лишь при опоре социальной политики на прочный экономический фундамент. Тем самым макроэкономические принципы выводятся за пределы технократического регулирования и превращаются в значимый элемент политической идентичности современного Уругвая:

*Podremos discrepar en los instrumentos para lograr un mayor y mejor reparto de los frutos del trabajo nacional... pero no vamos a ignorar las reglas del funcionamiento de la economía que Uruguay **mantiene desde su reinstauración democrática*** (01.03.2025) (*Мы можем иметь разные взгляды на инструменты, позволяющие добиться более справедливого и эффективного распределения результатов национального труда... но мы никогда не будем пренебрегать основополагающими правилами функционирования экономики, которые Уругвай **сохраняет с момента восстановления демократии***).

Приведенные примеры демонстрируют, что нарратив об устойчивости социально-экономического развития в дискурсе Яманду Орси формируется посредством комплекса лингвистических и риторических механизмов: анафорического повтора, антитезы, метафор, аксиологической лексики, отрицательных предикативных конструкций и др. Данные механизмы и соответствующие им дискурсивные функции систематизированы в Таблице 4.

Таблица 4. Нарратив об устойчивости социально-экономического развития как производной политической стабильности

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>Somos un país de reglas claras, un país de convivencia, un país que entiende que la estabilidad no es inmovilidad, sino la plataforma para transformar, porque en un mundo inestable la estabilidad es una activa estrategia y en un mundo desigual, la justicia social es una obligación moral (02.03.2026).</i>	Анафорический повтор конструкции «un país»; антитеза («estabilidad / inmovilidad»); метафора платформы; деонтическая предикация («obligación moral»); аксиологическая лексика («convivencia», «justicia social»)	Конструирование образа Уругвая как социально ответственного и институционально устойчивого государства; легитимация стабильности как активной стратегии развития и морально обоснованной модели управления
<i>Un país para crecer es un país que cuida su convivencia, que no improvisa ni cambia de dirección según el ruido del momento, que entiende que la estabilidad es un valor y que hace de ese atributo una bandera (02.03.2026).</i>	Дефиниционная предикация («un país para crecer es...»); отрицательные предикативные конструкции («no improvisa», «no cambia»); аксиологическая лексика («estabilidad», «convivencia»); метафора символического знамени («una bandera»)	Репрезентация стабильности и социальной согласованности как ключевых условий развития; противопоставление институциональной последовательности ситуативной и популистской политике
<i>Podremos discrepar en los instrumentos para lograr un mayor y mejor reparto de los frutos del trabajo nacional... pero no vamos a ignorar las reglas del funcionamiento de la economía que Uruguay mantiene desde su reinstauración democrática (01.03.2025).</i>	Концессивная конструкция («podremos discrepar... pero»); инклюзивная предикация; деонтическая импликация нормативности; темпоральная перспектива («desde su reinstauración democrática»)	Легитимация экономической преемственности и институциональной предсказуемости; конструирование образа демократического консенсуса при сохранении базовых правил экономического порядка

Таким образом, нарратив устойчивости социально-экономического развития в современном политическом дискурсе Уругвая выполняет не только прагматическую, но и символично-идентификационную функцию. Стабильность репрезентируется как ключевое условие демократической легитимности, общественного согласия и долгосрочного развития государства. При этом она интерпретируется не как консервация существующего порядка, а как активный ресурс преобразований, обеспечивающий способность общества адаптироваться к глобальной нестабильности без утраты институциональной преемственности.

Через акцент на предсказуемости, уважении к «правилам игры» и отказе от ситуативного популизма власть формирует образ государства как рационального и ответственного актора, способного сочетать экономическую эффективность с социальной справедливостью. В результате макроэкономическая устойчивость приобретает статус не только инструмента управления, но и важного элемента национальной политической идентичности, связывающего демократическую традицию, доверие к институтам и представление о будущем страны.

Нарратив о мирном сосуществовании внутри Уругвая и за его пределами как необходимом условии устойчивого развития выступает важной составляющей в создании образа миролюбивой страны, с помощью которого не только формируется национальная идентичность, основанная на принципах толерантности, взаимоуважения и социального согласия, но и укрепляются дипломатические позиции государства на международной арене. Поддержание этого образа (через идеологемы *paz, tierra fraterna y hospitalaria, un país tranquilo*) способствует росту доверия со стороны партнеров, повышению международного авторитета и привлечению внимания к Уругваю как к стабильному, демократическому и предсказуемому актору в регионе:

[...] Uruguay es reconocido en el mundo por su vocación de paz, por su incansable brega en pos de la solución pacífica de los conflictos y por ser una tierra fraterna y hospitalaria con migrantes de todas las latitudes (01.03.2025) ([...] Уругвай признан во всем мире за свою неизменную приверженность миру, за неустанные усилия по мирному разрешению конфликтов и за то, что он остается братской и гостеприимной землей для мигрантов со всех уголков планеты).

В приведенном ниже примере домашняя метафора (*estamos construyendo*) подчеркивает процессуальный, коллективный и повседневный характер политических преобразований, противопоставляя созидательную модель деструктивным формам радикальных реформ. «Строительство» Уругвая разворачивается в двух временных плоскостях — настоящее как опора и будущее как цель — что позволяет избежать как утопизма, так и застоя. Аксиологический компонент метафоры («никто не остался за бортом») вводит моральное обязательство власти перед всеми социальными группами. Сочетание глаголов *hacer crecer* («приумножать») и *cuidar* («беречь») задает модель «ответственного развития», в которой динамика не противоречит сохранению национальной идентичности:

Ese es el Uruguay que estamos construyendo con los pies en la tierra y con la mirada al futuro, con la convicción de que gobernar es todos los días hacer crecer y cuidar lo que somos sin que nadie quede atrás (02.03.2026) (Именно такой Уругвай мы строим – твёрдо стоя на земле и устремляя взгляд в будущее, с убеждением, что управлять страной означает ежедневно развивать и беречь всё то, что составляет нашу сущность, не оставляя никого позади).

Образ Уругвая как безопасной страны занимает важное место в дискурсе Яманду Орси и выступает инструментом укрепления международного престижа. В условиях глобальной нестабильности и роста насилия в Латинской Америке возможность президента свободно взаимодействовать с гражданами без охраны символизирует не только отсутствие угроз, но и высокий уровень доверия между властью и обществом, зрелость политической культуры и легитимность институтов.

Цитата Орси перед Генеральной Ассамблеей ООН конструирует образ «горизонтальной» власти, близкой к народу, и подчеркивает культуру диалога и ненасилия. Апелляция к повседневным ситуациям (прогулка, футбольный матч) формирует риторику «нормальности», противопоставленную популистской политике исключительности и конфликта. Для внешней аудитории такой образ становится инструментом «мягкой силы», представляя Уругвай как «моральный образец» стабильной демократии, тогда как для внутренней — символом преемственности демократической традиции, альтернативной каудильистской модели:

Vengo de un país cuyo presidente puede caminar sin custodia entre la gente, puede disfrutar de un partido de fútbol en una tribuna como un hincha más (23.09.2025) (Я представляю страну, где президент может передвигаться без охраны среди граждан, может смотреть футбольный матч на трибуне как обычный болельщик).

Если метафора строительства ориентирована прежде всего на внутреннюю аудиторию и акцентирует идею повседневного коллективного труда, то образ президента без охраны адресован внешнему миру как наглядное подтверждение устойчивости этой модели: «здание» уругвайской демократии представляется настолько прочным и надежным, что глава государства может выйти из него без шлема и бронежилета.

Отдельного внимания заслуживает идеологема *raz* («мир»), занимающая центральное место в ценностной системе президентского дискурса Яманду Орси. Данная идеологема отражает официальную позицию главы государства и одновременно выступает инструментом конструирования национальной идентичности. При этом она не сводится к декларативному лозунгу, а разворачивается в сложную концептуальную сеть, включающую несколько взаимосвязанных смысловых уровней.

В приведенной ниже цитате из выступления перед Генеральной Ассамблеей ООН Орси вводит принципиально важное уточнение: мирное сосуществование начинается внутри

самого государства — с практики диалога между различными политическими силами. Оборот *soluciones a la uruguaya* («решения по-уругвайски») представляет собой культурно маркированную формулу, отсылающую к национальному стилю политического поведения, основанному на компромиссе, постепенности и отказе от конфронтационной модели взаимодействия:

*Vengo de un país cuyos partidos políticos –casi todos ellos con más de medio siglo de historia– siempre están dispuestos a acordar soluciones nacionales a urgencias también nacionales. Soluciones a la uruguaya, como decimos con orgullo. Con estos gestos, quiero expresar que Uruguay lleva en su vida cotidiana una **vocación profunda de paz y respeto** (23.09.2025) (Я представляю страну, политические партии которой — почти все они насчитывают более полувека истории — всегда готовы согласовывать решения для национальных вызовов. Решения по-уругвайски, как мы с гордостью говорим. Этими жестами я хочу показать, что в своей повседневной жизни Уругвай несет глубокую **приверженность миру и уважению**).*

Миролюбие Уругвая представляет собой не конъюнктурное заявление действующей администрации, а устойчивую внешнеполитическую доктрину, последовательно реализуемую государством с 1948 года. Апелляция к этой исторической преемственности позволяет репрезентировать миролюбие как неотъемлемый элемент национальной идентичности и важную составляющую международного имиджа страны:

*Desde 1948 Uruguay ha mantenido una posición coherente y firme que va en línea con los principios de autodeterminación y **coexistencia pacífica** (23.09.2025) (С 1948 года Уругвай придерживается последовательной и твердой позиции, основанной на принципах самоопределения и **мирного сосуществования**).*

Нижеприведенный фрагмент расширяет семантическое поле идеологемы *paz*, выводя ее за пределы исключительно военно-политической сферы. В интерпретации Яманду Орси мир предстает как комплексное понятие, включающее поддержание международного мира и безопасности (*mantenimiento de la paz y la seguridad internacionales*), развитие международного права (*desarrollo del derecho internacional*), поддержку разоружения (*apoyo al desarme*), а также социально-экономические и экологические аспекты — продовольственную безопасность (*seguridad alimentaria*), глобальное здравоохранение (*salud global*) и борьбу с изменением климата (*compromiso con el cambio climático*). Тем самым Уругвай позиционируется не как государство, ограничивающееся традиционной ролью «миротворца», а как ответственный актор глобального управления, вовлеченный в решение широкого круга общемировых проблем. Подобная репрезентация существенно усиливает международный авторитет страны, формируя образ государства, чья внешняя политика основывается не только на принципе невмешательства, но и на активной приверженности глобальной стабильности и международной солидарности:

*Todo el sistema político de mi país se enorgullece de contribuir decisivamente en tareas globales, como el mantenimiento de la **paz** y la **seguridad** internacionales, la consolidación y el desarrollo del derecho internacional mediante la participación en ámbitos de elaboración normativa y cortes internacionales, el apoyo al desarme, la seguridad alimentaria, la salud global y el compromiso con el cambio climático (23.09.2025) (Вся политическая система моей страны гордится тем, что вносит значительный вклад в решение глобальных задач, таких как поддержание международного **мира и безопасности**, укрепление и развитие международного права посредством участия в нормотворческих процессах и международных судах,*

поддержка разоружения, обеспечение продовольственной безопасности, глобального здравоохранения, а также борьба с изменением климата).

Заявление о готовности Уругвая выступать в роли «площадки для переговоров» (*anfitrión de negociaciones*) выводит данный нарратив на новый уровень: страна предлагает себя международному сообществу не просто как участника миротворческих процессов, а как их организатора и координатора. Тем самым Уругвай претендует на роль посредника, способного обеспечивать пространство для конструктивного диалога и предотвращения конфликтов. Особую значимость этой риторике придает обращение Яманду Орси к авторитету Хосе Мухики, утверждавшего, что «толерантность является основой мирного сосуществования». Подобная интертекстуальная отсылка обеспечивает символическую преемственность между различными президентскими сроками и вписывает Орси в устойчивую традицию уругвайской политической мысли, основанную на ценностях диалога, терпимости и мирного разрешения противоречий:

*Uruguay está en condiciones inmejorables de ofrecerse al mundo como un **anfitrión de negociaciones**, como **promotor de redes de diálogo y mediación**, que conduzcan a la construcción de la **paz** y prevención de conflictos. Créanme que estamos preparados para este reto cada vez más urgente, para este reto cada vez más necesario. Entre otras razones, porque aprendimos, como dijo el presidente de mi país José Mujica, que la tolerancia es el fundamento para poder **vivir en paz** (23.09.2025) (Уругвай находится в исключительно благоприятных условиях, чтобы предложить себя миру в качестве **площадки для переговоров**, а также **инициатора диалога и посредничества**, способствующих построению мира и предотвращению конфликтов. Поверьте, мы готовы к этому вызову, который становится все более насущным и все более необходимым. В том числе потому, что мы усвоили, как говорил президент моей страны Хосе Мухика, что толерантность является основой **мирного сосуществования**);*

*[...] somos un país muy confiable en la promoción del **diálogo** y la **paz** (23.09.2025) ([...] мы являемся страной, пользующейся высоким доверием в деле продвижения **диалога и мира**).*

В интерпретации Яманду Орси мир понимается не только как отсутствие войны, но и как наличие справедливости. Эта формула выступает не просто риторическим украшением, а отражает важный семантический сдвиг: мир трактуется не как пассивное состояние «не-войны», а как результат существования справедливого социального и международного порядка. Тем самым понятие *paz* выходит за рамки военно-политической проблематики и связывается с вопросами равенства, соблюдения прав, социальной инклюзии и международной ответственности. Подобная интерпретация позволяет Орси представить Уругвай не только как государство, избегающее конфликтов, но и как страну, ориентированную на продвижение более справедливой модели международных отношений:

*A la vez que promovemos porfiadamente el diálogo entre países distintos, con gobiernos y cultura distintos, entendiendo que la interdependencia y el multilateralismo son el único camino para evitar el desastre. Entendiendo siempre que **la paz no es solo la ausencia de guerra. Es también presencia de justicia** (18.04.2026) (Одновременно мы настойчиво выступаем за диалог между государствами — независимо от различий в политических системах и культурах, — исходя из понимания того, что взаимозависимость и многостороннее сотрудничество являются единственным способом предотвратить катастрофу. При этом мы неизменно придерживаемся убеждения, что мир — это не только отсутствие войны, но и наличие справедливости).*

Таким образом, мирное сосуществование репрезентируется не только как внутренняя характеристика уругвайского общества, но и как ключевой элемент внешнеполитической

идентичности страны. Через аксиологическую лексику, инклюзивные конструкции, метафорику диалога и повседневную репрезентацию власти формируется образ Уругвая как пространства доверия, предсказуемости и политической зрелости. Систематизация указанных дискурсивных механизмов представлена в Таблице 5.

Таблица 5. *Нарратив о мирном сосуществовании внутри Уругвая и за его пределами как необходимом условии устойчивого развития*

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>[...] Uruguay es reconocido en el mundo por su vocación de paz, por su incansable brega en pos de la solución pacífica de los conflictos y por ser una tierra fraterna y hospitalaria con migrantes de todas las latitudes (01.03.2025).</i>	Аксиологическая лексика («paz», «fraterna», «hospitalaria»); перечислительная конструкция; пассивная репрезентация международного признания («es reconocido»)	Формирование внешнеполитического образа Уругвая как миролюбивого, открытого и морально авторитетного государства
<i>Ese es el Uruguay que estamos construyendo con los pies en la tierra y con la mirada al futuro, con la convicción de que gobernar es todos los días hacer crecer y cuidar lo que somos sin que nadie quede atrás (02.03.2026).</i>	Доместическая метафора строительства; процессуальная предикация («estamos construyendo»); пространственные метафоры («pies en la tierra», «mirada al futuro»); инклюзивная предикация	Репрезентация государственного развития как коллективного, постепенного и инклюзивного процесса; конструирование образа социально ответственного государства
<i>Vengo de un país cuyo presidente puede caminar sin custodia entre la gente, puede disfrutar de un partido de fútbol en una tribuna como un hincha más (23.09.2025).</i>	Повседневная репрезентация власти; повтор модальной конструкции («puede»); стратегия деиерархизации политического лидера	Конструирование «горизонтальной» модели власти и образа безопасного общества с низкой социальной дистанцией между государством и гражданами
<i>Vengo de un país cuyos partidos políticos –casi todos ellos con más de medio siglo de historia– siempre están dispuestos a acordar soluciones nacionales a urgencias también nacionales. Soluciones a la uruguaya, como decimos con orgullo. Con estos gestos, quiero expresar que Uruguay lleva en su vida cotidiana una vocación profunda de paz y respeto (23.09.2025).</i>	Инклюзивная национальная репрезентация; аксиологическая лексика («paz», «respeto»); метадискурсивная конструкция («como decimos con orgullo»); повтор лексемы «nacionales»	Репрезентация межпартийного консенсуса как элемента национальной идентичности; легитимация модели политического диалога и социальной согласованности
<i>Desde 1948 Uruguay ha mantenido una posición coherente y firme que va en línea con los principios de autodeterminación y coexistencia pacífica (23.09.2025).</i>	Темпоральная перспектива; аксиологическая лексика («coherente», «firme»); лексика международно-правового дискурса	Репрезентация миролюбия как устойчивой исторической и внешнеполитической традиции Уругвая
<i>Todo el sistema político de mi país se enorgullece de contribuir decisivamente en tareas globales, como el mantenimiento de la paz y la seguridad internacionales, la consolidación y el desarrollo del derecho internacional mediante la participación en ámbitos de elaboración normativa y cortes internacionales, el apoyo al desarme, la seguridad alimentaria, la salud global y el compromiso con el cambio climático (23.09.2025).</i>	Инклюзивная репрезентация политической системы; аксиологическая предикация («se enorgullece»); перечислительная конструкция глобальных задач	Конструирование образа Уругвая как ответственного участника международного сообщества и носителя универалистских ценностей
<i>Uruguay está en condiciones inmejorables de ofrecerse al mundo como un anfitrión de negociaciones, como promotor de redes de diálogo y mediación, que conduzcan a la construcción de la paz y prevención de conflictos. Créanme que estamos preparados para este reto cada vez más urgente, para este reto cada vez más necesario. Entre otras razones, porque aprendimos, como dijo el presidente de mi país José Mujica, que la tolerancia es el fundamento para poder vivir en paz (23.09.2025).</i>	Пространственная и инфраструктурная метафорика («redes de diálogo»); дипломатическая лексика; метафора строительства мира («construcción de la paz»); интертекстуальная ссылка на Хосе Мухику	Репрезентация Уругвая как посредника и площадки международного диалога; легитимация внешнеполитической роли страны через ценности толерантности и медиации
<i>[...] somos un país muy confiable en la promoción del diálogo y la paz (23.09.2025).</i>	Аксиологическая лексика («confiable»); инклюзивная предикация («somos»); лексика дипломатического взаимодействия	Формирование образа Уругвая как надежного и предсказуемого международного партнера
<i>A la vez que promovemos porfiadamente el diálogo entre países distintos, con gobiernos y cultura distintos, entendiendo que la interdependencia y el multilateralismo son el único camino para evitar el desastre. Entendiendo siempre que la paz no es solo la ausencia de guerra. Es también presencia de justicia (18.04.2026).</i>	Повтор герундиальной конструкции («entendiendo»); деонтическая импликация; дефиниционная предикация; бинарная антитеза («ausencia / presencia»); аксиологическая переинтерпретация концепта paz	Конструирование мира как позитивной политической ценности, основанной на диалоге, справедливости и международном сотрудничестве; легитимация мультилатерализма как нормативной модели мировой политики

Нарратив мирного сосуществования выполняет одновременно внутреннюю и внешнеполитическую функции, взаимно усиливающие друг друга. Для внутренней аудитории концепт *raz* («мир») участвует в конструировании национальной идентичности, основанной на толерантности, диалоге и межпартийном консенсусе. Символическими элементами этого образа становятся президент без охраны, футбольный матч как пространство единства и апелляция к традиции «уругвайских решений». Мир при этом интерпретируется не как абстрактный идеал, а как повседневная практика согласования интересов.

Для внешней аудитории риторика мира формирует образ Уругвая как надежного и ответственного международного актора — участника миротворческих миссий ООН, сторонника международного права, мультилатерализма и дипломатической медиации. Мировлюбие репрезентируется не как пассивный нейтралитет, а как активная форма международного участия.

Особенностью данного нарратива становится расширение понятия мира: горизонтально — за счет включения экологических, продовольственных и здравоохранительных вопросов, и вертикально — через трактовку мира не только как отсутствия войны, но и «наличия справедливости». Это позволяет связать внешнеполитическую идентичность Уругвая с внутренними ценностями социальной справедливости и представить социально ориентированную модель развития как вклад в поддержание глобального мира.

В результате проведенного исследования можно утверждать, что публичный дискурс Орси представляет собой системное, ценностно ориентированное и риторически выверенное целое, направленное на конструирование образа Уругвая как государства с уникальной демократической традицией, высокой институциональной устойчивостью и выраженной социальной ориентацией.

К национально-специфическим особенностям дискурса Орси можно отнести следующие черты.

Риторическая стратегия «нормальности» как национального бренда. В отличие от популистской риторики многих латиноамериканских лидеров, основанной на конфронтации, поиске «врагов» и культе харизматического лидерства, Орси последовательно апеллирует к категориям обыденности, предсказуемости и «спокойной работы». В результате именно отсутствие политических эксцессов и институциональных кризисов превращается в ключевое конкурентное преимущество страны и основу ее позитивного международного имиджа.

Коллективный авторитет и модель «диффузного лидерства». Орси систематически избегает самовозвеличивания, характерного для классического латиноамериканского каудильизма. Президент регулярно обращается к фигурам своих предшественников, связывая достижения страны с коллективными усилиями и межпартийным консенсусом. Подобная стратегия формирует образ «президента-координатора», а не «президента-спасителя», что принципиально отличает его риторику от дискурсивных практик других латиноамериканских лидеров (в частности, от Х. Милея или Н. Букеле) и отражает традиции коллегиальности и умеренности, характерные для уругвайской политической культуры.

Антитеза «Уругвай — радикализирующийся мир». Одной из ключевых риторических доминант становится противопоставление стабильной, демократической и инклюзивной модели Уругвая внешнему миру, который описывается как все более радикализирующийся, фрагментированный и склонный к поиску «коротких путей». Данная бинарная оппозиция позволяет превратить относительную политическую «скромность» Уругвая (*un país tranquilo*) в источник морального и институционального превосходства, а самоограничение — отказ

от популизма, уважение к политическим оппонентам и приверженность институциональным правилам — представить как сознательную и стратегически выверенную модель политического поведения.

Метафора «маяка» как национальный концепт. Метафора Уругвая как «маяка демократического республиканизма» выполняет одновременно консолидирующую и внешнеполитическую функции. Она не только легитимирует особый путь страны, но и наделяет ее своеобразной моральной миссией — служить ориентиром в условиях региональной и глобальной нестабильности. Тем самым образ «маяка» превращается в важнейший элемент национального самоописания и символической репрезентации государства на международной арене.

«Уругвайские решения» как культурно маркированная формула. Использование данного выражения выступает значимым лингвокультурологическим маркером, отсылающим к национальному стилю ведения политики — через диалог, компромисс, постепенность и отказ от внешних «рецептов». Формула «Мы никого не копируем — создаем свое» противопоставляет уругвайскую модель как популистским экспериментам, так и жестким неолиберальным догмам, позиционируя ее как самостоятельный и самобытный путь развития.

Таким образом, дискурс Яманду Орси представляет собой не совокупность разрозненных политических заявлений, а целостную нарративную систему, в рамках которой образ страны конструируется посредством последовательной репрезентации демократической идентичности, институциональной устойчивости и социальной инклюзии. Национальная специфика данного дискурса проявляется в риторике «нормальности», модели коллективного лидерства и идее цивилизационной миссии Уругвая как своеобразного «маяка» в политически нестабильном регионе. Акцент Орси на международном сотрудничестве может рассматриваться как проявление взвешенного и системного подхода к внешней политике, ориентированного на диалог, открытость и укрепление международных связей в условиях усложняющейся мировой политической архитектуры.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Риторика Яманду Орси характеризуется сдержанностью, ориентацией на диалог и вовлечение граждан в процесс управления. В этом отношении она в определенной степени сближается с дискурсом президентов Чили, где акцентируются институциональная преемственность и безболезненная сменяемость власти, и одновременно контрастирует с риторикой соседней Аргентины, в которой для Х. Милея характерны стратегии отрицания прошлого и поиска «врагов» (Заалишвили, 2026), однако данное сопоставление требует отдельного исследования.

Анализ публичных выступлений Орси позволил выделить пять ключевых политических нарративов: демократия как основа государства; плюрализм и сменяемость власти как условие развития; преемственность власти как гарантия стабильности; социально-экономическая устойчивость как производная политической стабильности; мирное сосуществование как условие устойчивого развития. В совокупности они формируют образ Уругвая как стабильного, предсказуемого и социально ответственного государства, ориентированного на диалог и международное сотрудничество.

Особое значение приобретает нарратив преемственности власти, выступающий механизмом легитимации политического курса, укрепления социальной сплоченности и институциональной устойчивости. Через него транслируется идея о том, что развитие Уругвая возможно лишь при сохранении демократической традиции, уважении к историческому опыту и ответственности перед будущими поколениями.

Значимым элементом дискурса Орси становится образ президента без охраны, символизирующий низкую социальную дистанцию между властью и обществом. Этот прием конструирует «горизонтальную» модель власти, противопоставляя Уругвай странам региона, где политическое насилие и отчуждение остаются нормой. Одновременно он функционирует как инструмент «мягкой силы», формируя образ безопасного, зрелого и предсказуемого государства.

Нарратив мирного сосуществования в дискурсе Орси выходит за пределы декларативного миролюбия и превращается в многоуровневую систему ценностей и идентичностей. Во внутреннем измерении он опирается на идеи толерантности, диалога и межпартийного консенсуса, а также на образ президента-«координатора», а не каудильо. Важную роль играет domestikеская метафора строительства, подчеркивающая коллективный и постепенный характер преобразований. Во внешнеполитическом измерении Уругвай репрезентируется как надежный и ответственный международный актор — сторонник мультилатерализма, международного права и дипломатической медиации. Идеологема раз интерпретируется многослойно: как межпартийный консенсус, историческая доктрина, международное обязательство, инфраструктура диалога и, наконец, как наличие справедливости.

Проведенное исследование позволило ответить на поставленные исследовательские вопросы. Во-первых, образ Уругвая как «латиноамериканской Швейцарии» конструируется через взаимосвязанные нарративы стабильности, преемственности и мирного сосуществования, объединенные ценностями предсказуемости, общественного согласия и отказа от конфронтационной политики. Во-вторых, дискурс Орси демонстрирует различие стратегий репрезентации в зависимости от аудитории: для внутренней — коллективное созидание и социальная ответственность, для внешней — миролюбие, институциональная зрелость и политическая предсказуемость. В-третьих, данные нарративы реализуются посредством комплекса лексико-семантических, прагматических и риторических средств: аксиологической лексики (*estabilidad, paz, convivencia, diálogo*), комиссивных конструкций, моделей коллективного действия, domestikеских и пространственных метафор, а также интертекстуальных отсылок к политическому наследию.

Таким образом, нарративы демократической устойчивости, преемственности власти, социально-экономической стабильности и мирного сосуществования поддерживаются не только на содержательном, но и на языковом уровне. Система повторяющихся лексико-семантических и риторических стратегий обеспечивает легитимацию политического курса и формирует образ Уругвая как пространства институциональной стабильности, общественного согласия и демократической преемственности.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безродная А. Ю. Различие понятий «концепт» и «идеологема» // Вестник ИГЛУ. 2013. № 3 (24). С. 138–145.
2. Бочаров Е. В. Стратегия саморепрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки в ООН) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22. № 1. С. 120–131. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131>
3. Давтян Ю. В., Крюкова Е. В. Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2022. Т. 22. № 5. С. 51–59. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V204>
4. Заалишвили И. В. Метафорическое моделирование образа врага в президентском дискурсе Хавьера Милея // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2026. Вып. 1 (243). С. 43–51. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2026-1-43-51>
5. Заалишвили И. В. Политические нарративы в рождественских обращениях испанского монарха Филиппа VI // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2025. № 218. С. 342–351.
6. Ларионова М. В. Латиноамериканский цивилизационный дискурс: топонимы как паттерны культурной идентичности // Язык и культура. 2024. № 67. С. 32–57.
7. Ларионова М. В. Свой среди чужих, чужой среди своих: о латиноамериканской идентичности сквозь призму этнонимов *latinoamericano/latin, hispanic* // Ибероамериканские тетради. 2025. Т. 13. № 3. С. 39–63. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2025-13-3-39-63>
8. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.
9. Моисеенко Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 2. С. 105–117. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>
10. Островская Т. А., Хачмафова З. Р. Политический нарратив телеграм-каналов: маргинализация языка или языковая актуализация социокультурной ситуации? // Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107). С. 34–41.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007.
12. Селиванова И. В. «Латиноамериканская Швейцария» // Латинская Америка. 2022. № 1. С. 101–109. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0018057-1>
13. Скрынникова И. В., Генералова Л. М. Образные нарративы в политической блогосфере: лингвокогнитивный аспект // ДИСКУРС. 2024. Т. 10. № 4. С. 121–133. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-121-133>
14. Соловьев А. И. Доктринальная символизация и политическое просторечие нарративов. Что меняется в публичном поле? // Полис. Политические исследования. 2025а. № 1. С. 69–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.06>
15. Соловьев А. И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик // Политическая наука. 2025b. № 2. С. 18–40. <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>

16. Тамерьян Т. Ю., Шаипова А. М. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 1. С. 16–35. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-35>
17. Ульданов А. А. Политические нарративы в парламентских дебатах: подходы к анализу нарративных элементов, функций и стратегий // Политическая наука. 2024. № 3. С. 66–86. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.03>
18. Филаткина Г. С. Инструменты речевого манипулирования в политическом дискурсе Уго Чавеса (1999–2012) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2015. № 1. С. 14–29.
19. Хейфец В. Л., Коновалова К. А. Латиноамериканская интеграция на фоне «правого поворота»: между иррелевантностью и поиском новых смыслов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 3. С. 447–463. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-447-463>
20. Чеснокова О. С., Котеняткина И. Б., Гишкаева Л. Н. Дискурсивные практики национальной идентичности: гимн Аргентины как полипарадигмальная сущность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 4. С. 976–993. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.412>
21. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. No. 2. P. 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
22. Charteris-Black J. Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2011.
23. Fairclough N. Critical discourse analysis: The critical study of language. London: Longman, 1995.
24. Grassetti J. El discurso político de Nayib Bukele en Twitter // Cuadernos del Centro de Estudios de Diseño y Comunicación. 2020. No. 112. P. 205–224. <https://doi.org/10.18682/cdc.vi112.4102>
25. Riessman C. K. Narrative methods for the human sciences. Los Angeles: Sage, 2008.
26. Slimovich A. Política y redes sociales en Argentina. El caso de los candidatos presidenciales de 2011 en Twitter // Signo y Pensamiento. 2016. Vol. 35 (68). P. 86–100. <https://doi.org/10.11144/Javeriana.syp35-68.prsa>
27. van Dijk T. A. Discourse and power. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
28. Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as usual. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

REFERENCES

1. Bezrodnaya, A.Yu. (2013). Razlichie ponyatiy «kontsept» i «ideologema» [On differences between the notions “concept” and “ideologeme”]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Irkutsk State Linguistic University Bulletin]*, 3(24), 138–145. (in Russian)
2. Bocharov, E.V. (2024). Strategija samoreprezentacii i rechevye taktiki v politicheskom diskurse (na materiale publichnyh vystuplenij politikov Latinskoj Ameriki v OON) [Self-presentation strategy and speech tactics in political discourse (based on the public speeches of Latin American politicians at the UN)]. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural*

- Communication*], 22(1), 120–131 (in Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131>
3. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
 4. Charteris-Black, J. (2011). *Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor* (2nd ed.). Palgrave Macmillan.
 5. Chesnokova, O.S., Kotenyatkina, I.B., & Gishkaeva, L.N. (2024). Diskursivnye praktiki nacional'noj identichnosti: gimn Argentiny kak poliparadigmal'naja sushhnost' [Discursive practices of national identity: the Argentine anthem as a multi-paradigmatic entity]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 21(4), 976–993 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.412>
 6. Davtyan, Yu.V., & Kryukova, E.V. (2022). Religioznaja konceptosfera sovremennogo politicheskogo diskursa v Latinskoj Amerike [Religious Conceptual Sphere in the Modern Political Discourse of Latin America]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki» [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"]*, 22(5), 51–59 (in Russian). <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V204>
 7. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Longman.
 8. Filatkina, G.S. (2015). Instrumenty rechevogo manipulirovaniya v politicheskom diskurse Ugo Chavesa (1999–2012) [Speech manipulation in the political discourse of Hugo Chávez (1999–2012)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) [Lomonosov Public Administration Journal. Series 21]*, 1, 14–29 (in Russian).
 9. Grasseti, J. (2020). El discurso político de Nayib Bukele en Twitter. *Cuadernos del Centro de Estudios de Diseño y Comunicación*, 112, 205–224 (in Spanish). <https://doi.org/10.18682/cdc.vi112.4102>
 10. Jeifets, V.L., & Konovalova, K.A. (2022). Latinoamerikanskaja integracija na fone «pravogo povorota»: mezhdru irrelevantnost'ju i poiskom novyh smyslov [Latin American integration against the backdrop of a conservative wave: between irrelevance and the search for new meanings]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhduнародные отношения [Vestnik RUDN. International Relations]*, 22(3), 447–463 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-447-463>
 11. Larionova, M.V. (2024). Latinoamerikanskij civilizacionnyj diskurs: toponimy kak patterny kul'turnoj identichnosti [Latin American civilizational discourse: toponyms as patterns of cultural identity]. *Jazyk i kul'tura [Language and culture]*, 67, 32–57 (in Russian).
 12. Larionova, M.V. (2025). Svoj sredi chuzhih, chuzhoj sredi svoih: o latinoamerikanskoj identichnosti skvoz' prizmu jetnonimov latinoamericano/latin, hispanic [One of our own among strangers, a stranger among our own: on Latin American identity through the prism of the ethnonyms latinoamericano/latin, hispanic]. *Iberoamerikanskije tetradi [Iberoamerican Papers]*, 13(3), 39–63 (in Russian). <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2025-13-3-39-63>
 13. Malysheva, E.G. (2009). Ideologema kak lingvokognitivnyj fenomen: opredelenie i klassifikacija [Ideologeme as a linguocognitive phenomenon: definition and classification]. *Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]*, 4(30), 32–40 (in Russian).

14. Moiseenko, L.V. (2019). Populistskij politicheskij diskurs: diagnosticheskie priznaki i lingvokognitivnye priemy sozdaniya [Populism in political discourse: diagnostic features and linguo-cognitive techniques of formation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Jazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 18(2), 105–117 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>
15. Ostrovskaya, T.A., & Khachmafova, Z.R. (2024). Politicheskij narrativ telegram-kanalov: marginalizacija jazyka ili jazykovaja aktualizacija sociokul'turnoj situacii? [The political narrative of Telegram channels: marginalization of language or linguistic actualization of the socio-cultural situation?]. *Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]*, 5(107), 34–41 (in Russian).
16. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika*. [Cognitive linguistics]. AST: Vostok-Zapad (in Russian).
17. Riessman, C.K. (2008). *Narrative methods for the human sciences*. Sage.
18. Selivanova, I.V. (2022). «Latinoamerikanskaya Shvejcarija» [“Latin American Switzerland”]. *Latinskaya Amerika [Latin America]*, 1, 101–109 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0044748X0018057-1>
19. Skrynnikova, I.V., & Generalova, L.M. (2024). Obraznye narrativy v politicheskoy blogosfere: lingvokognitivnyj aspekt [Figurative narratives in political blogging: linguocognitive perspective]. *DISKURS [DISCOURSE]*, 10(4), 121–133 (in Russian). <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-121-133>
20. Slimovich, A. (2016). Política y redes sociales en Argentina. El caso de los candidatos presidenciales de 2011 en Twitter. *Signo y Pensamiento*, 35(68), 86–100 (in Spanish). <https://doi.org/10.11144/Javeriana.syp35-68.prsa>
21. Solovyov, A.I. (2025a). Doktrinal'naja simvolizacija i politicheskoe prostorechie narrativov. Chto menjaetsja v publicnom pole? [Doctrinal symbolization and the political vernacular of narratives. What is changing in the public field?]. *Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]*, 1, 69–87 (in Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.06>
22. Solovyov, A.I. (2025b). Narratives in the area of power. The possibilities and limits of narrative politics. *Politicheskaja nauka [Political Science (RU)]*, 2, 18–40 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>
23. Tameryan, T.Yu., & Shaipova, A.M. (2024). Politicheskij narrativ: koncepcii, tipologii i struktury [Political narrative: concepts, typologies and structures]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 1, 16–35 (in Russian). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-35>
24. Uldanov, A.A. (2024). Politicheskie narrativy v parlamentskih debatah: podhody k analizu narrativnyh jelementov, funkcij i strategij [Policy narratives in parliamentary debates: approaches to analyzing narrative elements, functions, and strategies]. *Politicheskaja nauka [Political Science (RU)]*, 3, 66–86 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.03>
25. van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and power*. Palgrave Macmillan.
26. Wodak, R. (2009). *The discourse of politics in action: Politics as usual*. Palgrave Macmillan.
27. Zaalishvili, I.V. (2025). Political narratives in the Christmas Messages of King Felipe VI of Spain. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 218, 342–351 (in Russian).

28. Zaalishvili, I.V. (2026). Metaforicheskoye modelirovaniye obraza vraga v prezidentskom diskurse Khav'yera Mileya [Metaphorical modeling of the enemy image in the presidential discourse of Javier Milei]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, 1(243), 43–51 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2026-1-43-51>

Об авторе:

Ирина Владимировна Заалишвили — кандидат филологических наук, доцент НИУ ВШЭ (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-1578-0620

Получено: 10 апреля 2026 г.

Принято к публикации: 7 августа 2026 г.

POLITICAL NARRATIVES IN THE PRESIDENTIAL DISCOURSE OF YAMANDÚ ORSI AND THEIR LINGUISTIC REPRESENTATION

Irina V. Zaalishvili

HSE University (Moscow, Russia)

selivanova-irina@inbox.ru

Abstract: Uruguay is currently one of the most socially, economically, and politically stable countries in Latin America, which renders the analysis of political narratives as tools of strategic institutional communication in the presidential discourse of Yamandú Orsi particularly relevant. The theoretical framework draws on political linguistics, integrating the critical discourse analysis of N. Fairclough, the socio-cognitive approach of T. van Dijk, the discourse-historical method of R. Wodak, and the rhetorical-critical approach of J. Charteris-Black. The aim of the study is to identify the key political narratives in Orsi's discourse and analyze their linguistic representation and discursive functions. The methodological toolkit includes critical discourse analysis, narrative analysis, and linguo-ideological analysis. The empirical material comprises 34 public speeches delivered by Orsi between March 1, 2025, and April 18, 2026. The analysis identifies the mechanisms of strategic construction of a positive institutional image of Uruguay both domestically and internationally, as well as the nationally specific features of the leader's rhetoric. The study reveals five key political narratives structuring the presidential discourse. First, democracy is conceptualized as the foundation of state stability and social cohesion. Second, pluralism and the alternation of power are presented as essential principles of democratic development that ensure a balance of interests. Third, continuity of power is interpreted as a guarantee of stability, fostering political predictability. Fourth, economic and social stability is portrayed as a direct consequence

of political stability. Finally, peaceful coexistence – both domestically and internationally – is presented as a prerequisite for sustainable development. Collectively, these narratives, expressed through diverse linguistic mechanisms (ideologemes, metaphors, syntactic parallelism), construct an image of Uruguay as a stable state oriented toward dialogue, social justice, and international cooperation. The findings contribute to the study of nationally specific varieties of Latin American political discourse.

Keywords: political narrative, presidential discourse, Latin American discourse, linguistic representation, ideologemes, Uruguay, Yamandú Orsi.

How to cite this article: Zaalishvili, I.V. (2026). Political Narratives in the Presidential Discourse of Yamandú Orsi and Their Linguistic Representation. *Professional Discourse & Communication*, 8(3), 11–39. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-11-39>

About the author

Irina V. Zaalishvili, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor at HSE University (Moscow, Russia).

ORCID: 0000-0003-1578-0620

Received: April 10, 2026.

Accepted: August 7, 2026.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-40-65>

МЕТАФОРА, МЕТОНИМИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В САТИРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАРИКАТУРЫ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ

С.Ю. Павлина

НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия)
spavlina@hse.ru

Н.Г. Милащенко

НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия)
nmilashchenko@hse.ru

Аннотация: Вербальные и визуальные метафорические и метонимические образы выступают ключевыми инструментами политической сатиры, позволяя емко и выразительно передавать оценочное отношение к социально-политическим реалиям. Однако многоуровневый механизм создания и декодирования данных образных конструкторов в поликодовых текстах карикатур до настоящего времени не получил системного описания. Целью работы является выявление стадий кодирования и декодирования метафорических и метонимических образов, выраженных визуально и/или вербально в текстах англоязычных политических карикатур, а также установление роли лингвистического и изобразительного кодов в смыслопостроении на основе концептуальной интеграции. Эмпирическим материалом послужили 200 политических карикатур (100 британских и 100 американских), опубликованных в качестве редакционных иллюстраций в изданиях *The Guardian* и *The U.S. News & World Report* с мая 2024 по май 2026 г. Исследование основывается на когнитивной теории метафоры (Лакофф, Джонсон), теории концептуальной интеграции (Фоконье, Тернер) и принципах мультимодального критического дискурса-анализа (О'Халлоран). Для моделирования стадий создания и декодирования образности адаптирована шестиуровневая рамка Р. Трима (2024), разработанная для монокодовых политических медиатекстов. Результаты показывают, что шестиуровневая модель Трима трансформируется в пятиуровневую структуру: культурный и политический контексты интегрируются на одном уровне, а визуальная/вербальная метафора, метонимия или метафтонимия выделяются как отправная стадия декодирования. Анализ выявил доминирование изобразительного кода и три типа интерсемиотических связей между визуальной образной единицей и вербальным компонентом: слабую (лингвистический элемент малоинформативен), уточняющую (вербальный код вносит незначительные уточнения референции и/или усиливает сатирический посыл) и ключевую (языковой компонент определяет сферу референции визуального образа). Особое внимание уделено случаям метафтонимии, в которых метафора и метонимия функционируют неразрывно в пределах одного поликодового знака. Исследование вносит вклад

в изучение стадий метафорического кодирования и декодирования в гетеросемиотических текстах и открывает перспективы для сопоставительного анализа британской и американской сатирических традиций.

Ключевые слова: политическая карикатура, визуальная метафора, метонимия, концептуальная интеграция, мультимодальный дискурс-анализ, поликодовость, когнитивная лингвистика, сатирический дискурс.

Для цитирования: Павлина, С.Ю., Милащенко, Н.Г. (2026). Метафора, метонимия и концептуальная интеграция в сатирическом дискурсе: политические карикатуры британских и американских СМИ. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(3), 40–65. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-40-65>

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия внимание исследователей все чаще привлекают тексты, основанные на сочетании вербального и визуального кодов, которые активно используются в рекламном, политическом, медийном, образовательном и кинодискурсах. Одним из таких семиотически осложненных текстов является политическая карикатура, находящаяся на пересечении медиаполитического и юмористического дискурсов (Беляева, 2023; Ворошилова, 2010; Negro Alousque, 2013). М.Б. Ворошилова подчеркивает, что в текстах карикатур эмоциональная составляющая является ведущей (Ворошилова, 2010, с. 92). При этом воздействующая сила политической сатиры в значительной степени зависит от креативного использования риторических средств, в первую очередь метафоры и метонимии, позволяющих создавать яркие и запоминающиеся образы в ограниченном пространстве графического текста (Золотайко, 2025; Мэн Жу, 2022; Heinemann, 2026).

Изучение метафорического и метонимического символизма имеет особую значимость для настоящего исследования, в фокусе которого находятся англоязычные политические карикатуры. При их создании авторы обращаются к узнаваемым образам, моделируя сатирическое изображение актуальных социально-политических реалий (Балакина, 2021; Павлина, 2025; Dymova et al., 2024). В научной литературе последних лет средства выразительности, применяемые в текстах карикатуры, рассматриваются в ракурсе прагматики (Abdel-Raheem, 2021), соотношения монокодовости и поликодовости (Heinemann, 2026), методики выделения и интерпретации визуальных метафор (Forceville, 2024), способов создания комического эффекта (Дугалич, 2023, 2024).

Вместе с тем исследование когнитивных структур, положенных в основу политической сатиры, неразрывно связано с рассмотрением карикатуры как профессионального жанра институциональной медиакommunikation. Карикатурист действует в рамках редакционной политики периодического издания, выполняя институциональную роль визуального комментатора, чья сатирическая позиция формируется на пересечении авторской системы ценностей и идеологической линии редакции (Milashchenko, Pavlina, 2025). Стратегическое использование вербальных и визуальных семиотических ресурсов для критической репрезентации политических событий сближает карикатуру с другими формами профессионального дискурса (например, политической журналистикой, дипломатической коммуникацией и медиааналитикой), в которых языковые и неязыковые средства целенаправленно организуются для достижения персуазивного эффекта.

Рассматривая актуализацию когнитивных структур в политической карикатуре, Е.В. Талыбина и Н.А. Минакова отмечают, что на пересечении языкового и визуального кодов с социальным, культурным, стилистическим и идеологическим кодами, относящимися к нижнему ярусу, образуются элементы более высокого уровня (Талыбина, Минакова, 2013, с. 26–27). Однако до настоящего времени многоуровневый механизм создания метафорического образа в тексте карикатуры не получил детального рассмотрения в научной литературе, что и предопределяет *актуальность* обращения к данной теме.

Анализ современных исследований, посвященных риторическим средствам в гетеросемиотических текстах, показывает, что потенциал изучения метафоры, метонимии и концептуальной интеграции использован далеко не полностью. Остается открытым вопрос о том, какие стадии проходит кодирование и декодирование смысла при создании и понимании данных сложных конструкторов применительно к текстам карикатур. С тем чтобы закрыть данную лакуну в научном знании, в настоящем исследовании совмещаются основные положения теории концептуальной метафоры (ТКМ), мультимодального дискурс-анализа, направленного на выявление значения вербальных и невербальных элементов семиотически осложненного текста, а также применяется модель истоков образности, разработанная Р. Тримом (Trim, 2024). В своей работе, посвященной французскому политическому символизму, Р. Трим описывает стадии, необходимые для декодирования вербальной метафоры на примере образов, используемых во французском политическом медиадискурсе. В настоящем эмпирическом исследовании данные наблюдения положены в основу моделирования порождения и понимания образов применительно к текстам политических карикатур. *Новизна* заключается в попытке структурирования этапов кодирования и декодирования метафоры/метонимии в карикатуре.

Цель работы — установить стадии создания и декодирования метафорических и метонимических образов, выраженных в текстах карикатур визуально и/или вербально, а также определить роль лингвистического и изобразительного кодов в смыслопостроении на основе концептуальной интеграции.

В работе рассматриваются следующие исследовательские вопросы:

1. Какие стадии проходит конструирование и декодирование метафорического и метонимического образов, инкорпорированных в канву текста политической карикатуры?
2. Как работают интерсемиотические связи в поликодовых текстах, содержащих метафорические и метонимические элементы?

На первом этапе настоящего исследования рассматривается модель создания образного значения и его декодирования применительно к текстам карикатур. Далее выявляются способы взаимодействия лингвистического и изобразительного компонентов в процессе создания метафорических и метонимических образов и описывается механизм их концептуальной интеграции в графическом тексте.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Жанровые характеристики политических карикатур

Политическая карикатура является нелинейным поликодовым текстом, который, как правило, служит иллюстрацией к публикациям периодического издания. Основная цель карикатуры заключается в критическом переосмыслении отдельного аспекта социально-политического контекста и его сатирической репрезентации (El Refaie, 2009). Данные графические тексты характеризуются лаконичностью, передача смысла осуществляется при

тщательной аранжировке имеющихся семиотических ресурсов: вербального, иконического, цветового и графического кодов. При этом семиотические коды создают друг для друга своего рода поддерживающий контекст, который способствует когерентности текста (Stöckl, Tseronis, 2024, с. 170). Объекты действительности представлены в карикатуре в необычном, оригинальном и юмористическом ключе, важными средствами достижения подобного эффекта выступают гипербола и гротеск (El Refaie, 2009, с. 75). Исследователи визуальной политической коммуникации выделяют следующие признаки карикатур. Рэй Моррис (Morris, 1993, с. 199–202) относит к ним сжатость, проявляющуюся в соединении в рамке графического текста разрозненных явлений; слияние элементов, принадлежащих к разным концептуальным сферам; а также передачу абстрактных идей с использованием знакомых конкретных элементов. Примером перевода абстрактного в плоскость конкретного, по наблюдению С. Хайнеман, может служить визуальная метонимия и персонификация (Heinemann, 2026). В англоязычных политических карикатурах одним из проявлений визуальной метонимии является изображение флага как символа страны, а примером персонификации выступает аллегорическая фигура Британии для репрезентации Соединенного Королевства и изображение Дяди Сэма как символа США.

При анализе карикатур интерпретация авторского посыла отличается от считывания смысла линейного текста, построенного на основе знаков естественного языка, поскольку адресат сатирического текста одновременно получает доступ к репрезентации актуальной реальности и к альтернативному взгляду на действительность (Marín Arrese, 2020, с. 157). Карикатурам присуща неконгруэнтность, связанная с нарушением конвенциональных трактовок социальных норм и рационального поведения. Это приводит к сочетанию несочетающихся сценариев, составляющих внутреннюю природу юмора (Карасик, 2019, с. 227).

В основе создания сатирического посыла карикатуры лежит репрезентация острых актуальных проблем с использованием образности, в которой совмещаются реальный и воображаемые миры (Negro Alousque, 2013, с. 370). Главными риторическими средствами, к которым обращаются карикатуристы, являются метафора и метонимия, а их активное использование превращает графические тексты в образно насыщенное коммуникативное пространство (Schilperoord, Maes, 2009, с. 214–215).

2.2. Метафора, метонимия и концептуальная интеграция в поликодовом тексте

Теория концептуальной метафоры, разработанная Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном, трактует метафору как когнитивный процесс структурирования познавательного опыта, в ходе которого новое объясняется на основе проекции известных базовых структур (Lakoff, Johnson, 1980). Идея о том, что метафора является одним из важных компонентов познания объектов действительности, их номинации и создания новых значений, получила отражение в многочисленных работах, выполненных в русле когнитивной лингвистики. Исследования визуальной коммуникации показывают, что когнитивная метафора может получать не только вербальное, но и визуальное выражение, что позволяет рассматривать ее с позиции мультимодальности (Forceville, 2024; Kashanizadeh, Forceville, 2020; Hidalgo-Downing, O'Dowd, 2023). Согласно основным положениям ТКМ, абстрактные и сложные явления действительности, составляющие сферу-мишень, концептуализируются и декодируются на основе базовых конкретных категорий, выступающих в роли сферы-источника (Егорова, Калашникова, 2016). По наблюдению Чарльза Форсвилла, в политических карикатурах сферой-мишенью чаще всего становятся социально острые явления, в то время как сфера-источник выбирается графическим художником исходя из его взгляда

на происходящее, основанного на определенной системе ценностей (Forceville, 2024). В медийном контексте выбор ракурса метафорического освещения социально-политических вопросов зависит также от редакционной политики периодического издания, публикующего сатирический текст (Milashchenko, Pavlina, 2025). Поскольку основной функцией политических карикатур является сатирическая репрезентация явлений, в них часто подчеркиваются негативные черты сферы-источника, которые при проекции на сферу-мишень репрезентируют эмоциональную оценку автора, усиливая тем самым прагматический эффект графического текста (Tseronis, 2021).

Другим важным средством концептуализации действительности, получающим как вербальное, так и невербальное воплощение, служит метонимия. Выполняя широкий спектр функций, метонимия является неотъемлемой частью художественного, музыкального, рекламного и юмористического дискурсов (Littlemore, 2015, Hidalgo-Downing, 2025). По наблюдению Чарльза Форсвилла, метонимия обладает тем же свойством выражать точку зрения и давать оценку, что и метафора (Forceville, 2009, с. 58). Когнитивная природа метонимии основывается на том, что один хорошо известный аспект чего-либо используется вместо вещи в целом или же вместо того, что с этим аспектом сопоставляется (Littlemore, 2015, с. 4). Принято считать, что различие между метафорой и метонимией состоит в том, что при метафорической концептуализации сопоставляются две сущности, принадлежащие к разным сферам, а в случае метонимии процесс осуществляется в рамках одной сферы. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, метонимия позволяет нам использовать одну сущность вместо другой (Lakoff, Johnson, 1980, с. 36). Это описывается формулой *В замещает А*, в то время как метафоре соответствует формула *А подобно В* (Kashanizadeh, Forceville, 2020). При исследовании когнитивных механизмов смыслопорождения в графических текстах требуется проведение тонкого анализа, включающего не только выявление метафорических моделей, но и исследование взаимодействия метафоры и метонимии (Kashanizadeh, Forceville, 2020). Это приводит к мысли о том, что комбинация метафоры и метонимии, именуемая метафтонимией (Goossens, 1990), может быть как монокодовой, выраженной вербально или невербально, так и поликодовой. Данное наблюдение было положено в основу настоящего эмпирического исследования, направленного на выявление способов выражения концептуальной метафоры и метонимии, а также их взаимодействия в поликодовом тексте англоязычной политической карикатуры.

Важным продолжением ТКМ является теория концептуальной интеграции, разработанная М. Тернером и Ж. Фоконье (Turner & Fauconnier, 1995). Согласно ученым, метафора является результатом интеграции, в создании которой задействованы несколько ментальных пространств: два базовых ментальных пространства (input spaces) – источник (source) и мишень (target) – общее пространство (generic space), а также интегральное ментальное пространство (blend), появляющееся в результате объединения компонентов базовых ментальных пространств в общем пространстве.

В ряде поликодовых текстов метафора и метонимия участвуют в процессе смыслопорождения, создавая единое интеграционное пространство. Одним из результатов подобной интеграции может служить символ (Васильева, 2024; Маслова, 2009; De Bruyn, 2025). Рассматривая конвенциональный символ смерти – скелет с косой, отечественный исследователь Г.Г. Хазагеров отмечает гибридный характер данного знака (Хазагеров, 2022, с. 81). Автор подчеркивает метафоричность образа косы и метонимичность образа скелета, который ассоциируется со смертью на основе смежности. Как представляется, символическое значение знака появляется в результате совмещения в едином интеграционном

пространстве метонимических и метафорических характеристик. Анализируя другой символ, активно использующийся в политической коммуникации, а именно статую Свободы, Ричард Трим (Trim, 2024) выделяет три смысловых компонента данного образа. По мнению исследователя, основными темами выступают *свобода*, *знание* и *справедливость*. Факел, который держит в руке богиня Свободы, согласно традициям христианства символизирует светоч знания. Автор описывает это как когнитивную метафору, соответствующую модели ЗНАНИЕ – это ФАКЕЛ. Другим символическим знаком выступает разорванная цепь в ногах статуи. Р. Трим предлагает рассматривать цепь в терминах когнитивной метафоры, которая выражается как метафорическая проекция КОНЕЦ РАБСТВА – это РАЗОРВАННАЯ ЦЕПЬ (Trim, 2024, с. 104). В то же время автор обходит вниманием тот факт, что цепь обладает не только метафорическим, но и метонимическим значением, поскольку она является атрибутом раба, а значит, здесь реализуется метонимическая модель часть-целое. Так или иначе, очевидной является многоаспектность символа: как метафорические, так и метонимические смыслы интегрируются в едином ментальном пространстве, создавая конвенциональный и легко декодируемый образ.

На основе работ, выполненных в русле когнитивистики и визуальной политической коммуникации, в настоящем эмпирическом исследовании предполагается рассмотреть следующие гипотезы.

Гипотеза 1. При переходе от анализа монокодового текста к исследованию образности в поликодовом тексте модель истоков образности будет претерпевать определенные модификации, предопределяемые семиотическими и дискурсивными характеристиками карикатур.

Гипотеза 2. Смысловые связи между визуальной образной единицей и вербальным семиотическим кодом демонстрируют вариативность, позволяющую установить градацию от достаточно слабой до сильной степени выраженности.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ

Материалом послужили 100 британских и 100 американских политических карикатур, опубликованных на сайтах таких ведущих англоязычных периодических изданий, как The Guardian и The U.S. News & World Report в период с мая 2024 по май 2026 г. Выбор временного интервала обусловлен высокой плотностью значимых политических событий в обеих странах в указанный период: выборы президента США (ноябрь 2024 г.) и парламентские выборы в Великобритании (июль 2024 г.), а также последующие внутри- и внешнеполитические кризисы, активно освещавшиеся карикатуристами. Отбор осуществлялся на основе тематической составляющей: в выделенных текстах мишенью сатиры являются действия британских и американских политиков. Объединение в одну выборку двух лингвокультурных традиций обосновано тем, что в центре внимания исследования находятся универсальные механизмы метафоризации и метонимизации в сатирическом поликодовом тексте, а не их культурная вариативность; сопоставительный анализ британской и американской подвыборок составляет задачу отдельного исследования.

Материал для анализа составили графические тексты, содержащие визуальные и/или вербальные метафорические и метонимические образы, другим критерием является обязательное наличие элементов, оформленных с помощью знаков естественного языка. Как известно, основным способом выражения сатирического содержания в тексте карикатуры является изображение, в ряде случаев оно является самодостаточным, а значит, необходимость в использовании вербального кода отпадает. Подобные карикатуры не включались

в выборку, поскольку одной из задач работы является выявление креативного использования как лингвистического, так и изобразительного семиотических ресурсов в данном виде текстов.

При выделении лингвистических и изобразительных метафорических и метонимических образов использовался алгоритм, разработанный А. Абдель-Рахимом применительно к политическим карикатурам. Как отмечает автор, метафоры невозможно выделить автоматически с применением методов корпусных исследований, поэтому отбор осуществляется вручную (Abdel-Raheem, 2021, с. 6). Вначале анализируется семантическая составляющая графического текста: выделяются ключевые персонажи, вербальные и визуальные элементы. Затем на основе базовых энциклопедических знаний определяются элементы, имеющие нестандартную форму/ гипертрофированный размер/ позу/ размещение в пространстве. Далее устанавливается модель метафорической/метонимической проекции. Если элементы проекции относились к различным концептуальным сферам, единица классифицировалась как метафора; если к одной сфере при отношении смежности – как метонимия; если оба механизма действовали неразрывно в пределах одного визуального или вербального знака – как метафтонимия. Кодирование материала проводилось двумя авторами независимо, а спорные случаи разрешались путём обсуждения.

В фокусе настоящего исследования находятся уровни формирования метонимической и метафорической образности, для анализа которых применяется теоретическая рамка, разработанная Р. Тримом для монокодовых политических медиатекстов. Автор предлагает шестиуровневую модель создания образности (Trim, 2024, с. 106).

Уровень 1. Лингвистическая метафора

Уровень 2. Концептуальная метафора

Уровень 3. Референт

Уровень 4. История культуры

Уровень 5. Политический контекст

Уровень 6. Личная биография

Данная модель описывает стадии создания концептуальной метафоры, которая находит свое лингвистическое выражение в речах политиков. В данном случае движение идет снизу вверх и отправной точкой становится личная биография, предопределяющая систему ценностей политика, создающего образные номинации (уровень 6). Далее следует политический контекст (уровень 5), элементы которого переосмысляются с опорой на энциклопедические знания автора, что приводит к уровню 4, соотносимому с широким культурным контекстом. Точкой референции (уровень 3) служит конкретное явление, выступающее в роли сферы-мишени. В ходе метафорического проецирования с использованием сферы-источника, соотносимого с широким культурным контекстом, и сферы-мишени, принадлежащей актуальному политическому контексту, возникает концептуальная метафора (уровень 2). И завершающим этапом выступает вербальное оформление ментального образа в виде лингвистической метафоры, инкорпорированной в текст (уровень 1).

Модель также позволяет проследить стадии декодирования образности. В этом случае движение начинается сверху вниз: от лингвистической метафоры к концептуальной, далее к точке референции, культурному контексту, политическому контексту, и, наконец, к личной биографии, как завершающему уровню, предопределяющему выбор метафорической проекции.

Предлагаемая модель применяется Ричардом Тримом для анализа речей политиков, оформленных с помощью знаков естественного языка. В то же время исследование политических карикатур предполагает изучение взаимодействия вербальной и визуальной

составляющих, что дает возможность создавать поликодовые образные единицы. Это предопределяет применение мультимодального дискурс-анализа, целью которого является выявление номенклатуры семиотических кодов, участвующих в создании образности. В частности, применение этой теоретической рамки позволяет установить роль семиозиса семиотических ресурсов в создании метафорического или метонимического смысла. На основе мультимодального дискурс-анализа предполагается описать изовербальное взаимодействие в зависимости от того, выражен ли образ в изобразительном или в лингвистическом пласте карикатуры, а также определить роль каждого кода в создании единого посыла графического текста.

Анализ текстов выборки также проводился с опорой на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. В русле этого подхода вначале вычленялись элементы, используемые в непрямом значении, затем устанавливалась сфера-источник, то есть элемент широкого культурного контекста, применяемый для образной номинации сферы-мишени, в данном случае явления, принадлежащего к актуальному политическому контексту. Далее при сопоставлении элементов ментальных пространств источника и цели метафорической проекции выявлялось общее пространство (*generic space*). Деконструкция образов и последующее объединение элементов ментальных пространств в интегрированное целое или в иных терминах бленд на основе теории концептуальной интеграции служит надежным инструментом анализа смыслопостроения в текстах, содержащих поликодовые метафорические и метонимические образы.

Таким образом, в работе используется интегративный подход, в основу которого положены принципы ТКМ (Lakoff, Johnson, 1980), теории концептуальной интеграции (Fauconnier, Turner, 1995) и мультимодального дискурс-анализа (O'Halloran, 2021).

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

4.1. Уровни декодирования метафорических образов в поликодовых текстах карикатур

На первом этапе настоящего качественного исследования был проведен анализ стадий декодирования как изобразительных, так и вербально выраженных метафорических и метонимических образов, содержащихся в графических текстах выборки. Шестиуровневая модель истоков образности Трима была протестирована применительно к поликодовым сатирическим текстам. Анализ показал, что данная модель требует уточнения с учетом семиотических и дискурсивных характеристик текстов выборки. Находясь на стыке политического и юмористического дискурсов, карикатура призвана в необычной, визуально привлекательной форме передать критическое восприятие актуальных политических событий, что предполагает креативное использование идиом, символов и других знаков, хорошо известных коллективному адресату. В ходе исследования текстов выборки модель истоков образности была адаптирована к анализу поликодового текста карикатуры. Модифицированная модель выглядит следующим образом.

Уровень 1 содержит визуальный и/или вербальный образ, определяемый как метафора, метонимия или метафтонимия. Уровень 2 связан с их концептуальными конструктами. Далее выделяется сфера референции, то есть явление или объект актуального социально-политического контекста, который выступает в роли сферы-мишени образной проекции. Важно отметить, что сфера-источник соотносится с широким культурным контекстом. Графический художник выбирает один элемент, который будет легко узнаваемым

для большинства членов лингвокультурного сообщества, и помещает его в новый политический контекст. Примером тому может служить британская карикатура, изображающая премьер-министра Кира Стармера в виде статуи Свободы (Рис. 1).

Рис. 1. Карикатура *The Guardian* “Statue of Labour Party”¹

В результате реконтекстуализации традиционного символа происходит совмещение в одном изображении элементов двух уровней из модели Р. Трима – культурного контекста, к которому относится статуя Свободы как символ освобождения, и элементов актуального политического контекста. Изображение политика в виде статуи Свободы является визуальным блендом, позволяющим предположить, что референтом выступает повестка Лейбористской партии, которую возглавляет К. Стармер. Карикатуры, являющиеся реакцией графических художников на актуальные политические события, появляются в периодических изданиях почти ежедневно. С течением времени поиск информации о референте может потребовать дополнительных усилий от адресата. К примеру, описанная карикатура была размещена в британской газете *The Guardian* в мае 2024 г. Без знания конкретного события, стимулирующего ее появление, сфера референции метафорического образа может быть восстановлена путем инференции лишь частично. Более полную информацию дает обращение к лингвистическому компоненту, который имеет форму заголовка, размещенного в рамке карикатуры – *Statue of Labour Party* (Статуя партии Лейбористов) и надписи на постаменте статуи Свободы – *Give me your tired, poor Tory politicians*, в которой упоминаются политики, принадлежащие к Консервативной партии Великобритании. Предполагаемая сфера референции может быть понята как переход политиков из партии Тори в ряды лейбористов. При этом лидер лейбористов в виде статуи Свободы служит метафорой освобождения

¹ Источник: Omer, N. (2024, May 9). Thursday briefing: What 400 scientists think about the future of our climate. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/article/2024/may/09/first-edition-climate-change-survey>

от идеологии консерваторов. Таким образом, в отличие от модели, применяемой по отношению к монокодовым текстам, *Уровень 3* носит интегративный характер и находится на пересечении широкого культурного и актуального политического контекстов. Следующий шаг декодирования заключается в установлении точки референции, составляющей *Уровень 4*. Поскольку в анализируемых сатирических текстах метафорические и метонимические образы обладают ярко выраженной оценочностью, они транслируют как систему ценностей графического художника, так и идеологическую установку периодического издания, в котором размещена карикатура, что соотносится с *Уровнем 5* модели (Рис. 2).

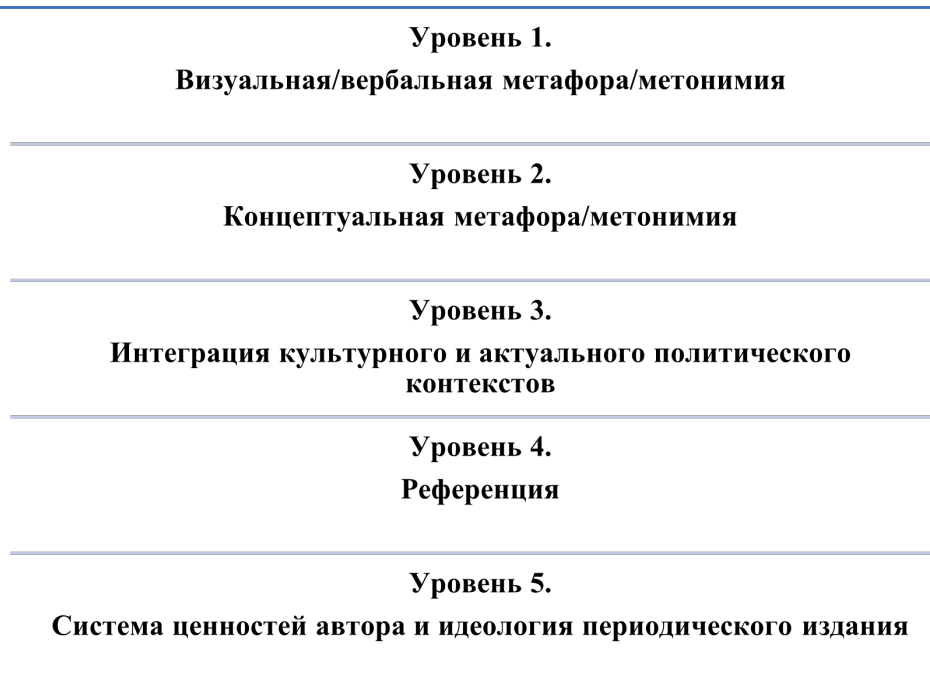

Рис. 2. Модель уровней декодирования образности в тексте карикатуры

Если анализировать процесс создания визуальных и/или вербальных образов карикатуристом, то уровни остаются неизменными, однако их следует рассматривать снизу вверх, начиная с Уровня 5. Процесс создания сатирического графического текста описывается в интервью газеты *The Guardian* с ведущими карикатуристами издания Мартином Роусоном и Эллой Бэрон². Вначале авторы карикатуры вычленивают новость, которая будет служить темой сатирического текста, а затем выбирают, какой именно компонент политического контекста будет образно представлен с использованием отсылок к созданным ранее текстам широкого культурного фонда. Следующим шагом является создание концептуальной метафоры, метонимии или их комбинации, и затем на последнем этапе данный образ визуализируется и/или вербализуется в графическом тексте.

Таким образом, процессы метафоризации и метонимизации в тексте карикатур проходят стадии, несколько отличные от представленных в модели, описывающей образность в монокодовых политических медиатекстах.

² Rowson, M., & Baron, E. (2026, January 24). How we draw the age of Trump and turmoil: Two cartoonists go head-to-head. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/ng-interactive/2026/jan/24/donald-trump-cartoon-martin-rowson-ella-baron>

Далее предстоит рассмотреть, каким образом когнитивная метафора, метонимия и метафтонимия воплощаются в англоязычных карикатурах.

4.2. Взаимодействие вербальных и иконических образно маркированных семиотических ресурсов в политических карикатурах

Исследователи гетеросемиотических текстов сходятся во мнении о том, что между изобразительными и лингвистическими компонентами существует когезивная связь. Из всех подходов к анализу подобного рода отношений остановимся на классификации, предложенной Тео ван Левеном (Van Leeuwen, 2005). Автор выделяет два вида взаимодействия вербального и иконического ресурсов в семиотически неоднородных текстах: уточнение (*elaboration*) и расширение (*extension*). При этом текст, выполненный на основе знаков естественного языка, может уточнять значение изображения, выступая своего рода якорем, и наоборот, иконический знак может уточнять лингвистический компонент и служить иллюстрацией к нему. Под расширением понимается добавление определенной информации в результате взаимодействия вербального и иконического компонентов (Van Leeuwen, 2005, с. 230). При рассмотрении метафорически выраженных элементов карикатур выборки была выявлена более тонкая дифференциация внутри каждого из подклассов, описанных Т. ван Левеном. Анализ степени выраженности интерсемиотических связей позволяет установить шкалу, полюсами которой выступают «слабая связь» и «ключевая связь».

Рис. 3. Карикатура *The U.S. News & World Report* "Nest Egg"³

Рассмотрим типы связи на примере карикатур, содержащих метафору в лингвистическом компоненте. В американском графическом тексте, посвященном росту потребительских цен, обыгрывается прямое и метафорическое значение выражения *nest egg* (Рис. 3). Лингвистическим элементом является фраза *Our actual eggs are worth more than our nest egg*. Метафора *nest egg* (букв. подкладное яйцо) обозначает долгосрочные сбережения,

3 Источник: U.S. News & World Report. (2025, April 18). *Tax Day, Trump tariffs and stock market chaos: The week in cartoons April 14–18*. <https://www.usnews.com/cartoons/2025/04/14/tax-day-trump-tariffs-and-stock-market-chaos-the-week-in-cartoons-april-14-18>

инвестиции, пенсионные накопления. Реальные цены на яйца сравниваются с объемом сбережений рядовых американцев. Культурно маркированный образ «подкладного яйца», включенный в актуальный социально-политический контекст, создает мощный сатирический посыл, который может найти отклик у самых широких слоев населения, испытывающих на себе последствия роста цен. Это позволяет заключить, что лингвистический компонент информативен сам по себе. Выступающее в роли иллюстрации изображение двух пенсионеров сужает референтную сферу до конкретной социальной группы. Как представляется, отношения между вербальным и визуальным пластами карикатуры можно охарактеризовать как уточнение (*elaboration*) со слабой степенью связи между семиотическими кодами.

Примером ключевой, ярко выраженной связи в рамках уточнения служит карикатура *The Human Sponge* (Человеческая губка) газеты *The Guardian* от 09.01.2026 (Рис. 4). Метафорическое проецирование строится по модели НЕРЕШИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТИК – это ГУБКА. В основе сопоставления лежит такое свойство губки, как мягкость, аморфность: *Sponge – a soft substance that is full of small holes and can absorb a lot of liquid, and is used for washing and cleaning*⁴. Это свойство приписывается премьер-министру Великобритании Киру Стармеру, который изображен робко следующим за Д. Трампом в нарративе, выстраиваемом карикатуристом.

В данной карикатуре образно оформленный лингвистический компонент обнаруживает тесную семантическую связь с изобразительным пластом, поскольку именно изображение помогает установить акторов (Д. Трамп и К. Стармер в приведенном примере) и очертить зону референции. В этом находит свое подтверждение мнение карикатуристов о том, что “*A picture is worth a thousand words*” (Одно изображение стоит тысячи слов) (Pedrazzini, 2024, с. 132).

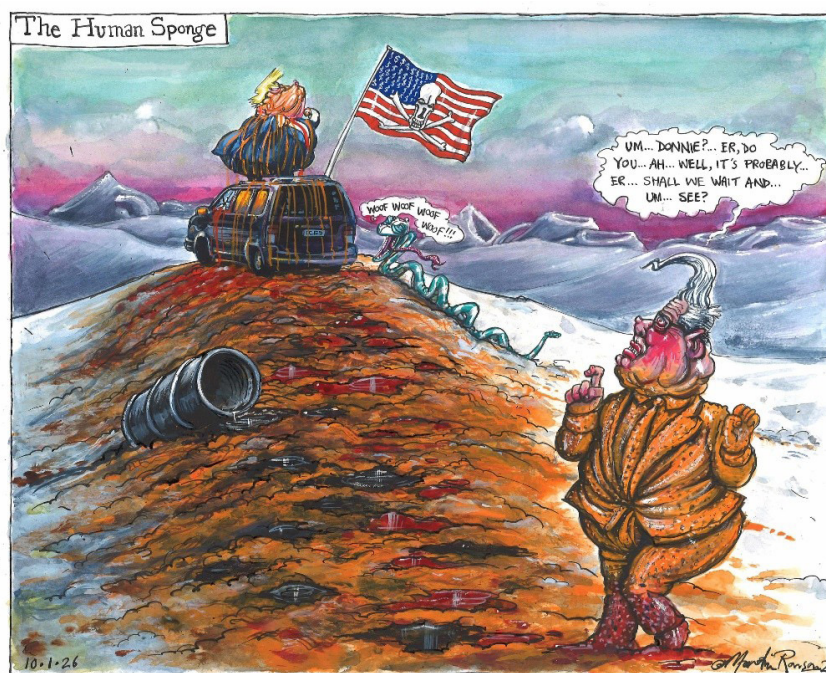

Рис. 4. Карикатура *The Guardian* “*The Human Sponge*”⁵

⁴ Cambridge University Press & Assessment. (n.d.). Sponge. In *Cambridge Dictionary*. Retrieved August 13, 2026, from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sponge>

⁵ Источник: Rowson, M. (2026, January 9). Martin Rowson on Keir Starmer’s relationship with Donald Trump—cartoon [Cartoon]. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2026/jan/09/martin-rowson-donald-trump-keir-starmer-cartoon>

Одним из отличительных свойств жанра карикатуры является доминирование изображения над вербальным компонентом, этим объясняется превалирование в текстах выборки визуальных метафор над лингвистическими. Анализ связи между лингвистическим компонентом и изображением, в котором воплощается образное переосмысление актуального политического контекста, позволяет выделить следующие типы: 1) расшифровка образа не требует обращения к лингвистическому компоненту, смысл считывается при декодировании лишь изобразительной составляющей, при этом вербальный элемент а) уточняет некоторые детали относительно референтной отнесенности, б) усиливает сатирический посыл изобразительного образа 2) лингвистический элемент важен для декодирования иконически выраженного образа, поскольку именно он определяет зону референции метафорических номинаций.

В качестве примера связи 1 типа рассмотрим карикатуру, посвященную планам президента США Д. Трампа по присоединению Гренландии. Центром графического текста является изображение острова Гренландия, идентификация референта возможна при анализе иконического, графического и цветового кодов. Контуры острова узнаваемы, кроме того, важным фактором является белый цвет, отсылающий к покрытой снегом и льдом территории на фоне синей водной поверхности. Дополнительным компонентом, очерчивающим зону референции, выступает надпись *Greenland* (Гренландия). Остров опоясан красным галстуком, который как в британских, так и в американских карикатурах используется для сатирического изображения Д. Трампа. В данном случае галстук следует рассматривать как поликодовую метонимию, фигуру, сопряженную с президентом США (Рис. 5).

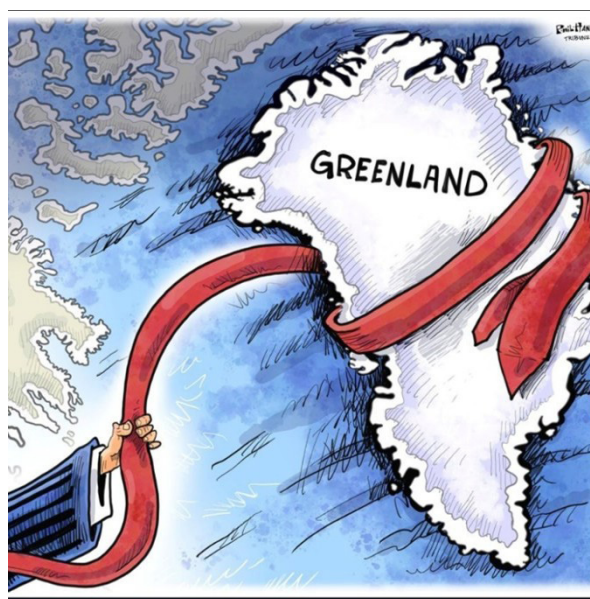

Рис. 5. Карикатура *The U.S. News & World Report* “Greenland”⁶

Рука президента, изображенная в левом нижнем углу, использует галстук в качестве аркана, тем самым предполагаемый захват территории метафорически сравнивается с пленением животного. Обращает на себя внимание необычная форма галстука, который

⁶ Источник: U.S. News & World Report. (2026, January 30). *Minneapolis shooting and winter weather: The week in cartoons* 26–30. <https://www.usnews.com/cartoons/2026/01/27/minneapolis-shooting-and-winter-weather-the-week-in-cartoons-26-30>

раздваивается на конце, создавая визуальный образ змеи. В различных культурах змея ассоциируется с коварством и скрытой опасностью, в английской идиоматике это значение закреплено в выражении *a snake in the grass* (букв. змея в траве – человек, которому нельзя доверять), аналогичное значение содержится в русском фразеологизме «*пригреть змею на груди*». В данном случае галстук объединяет в себе метонимический и метафорический образы и выступает ярким примером метафониимии. Используя ограниченный репертуар ресурсов, автор передает целую палитру оценочно нагруженных смыслов. Внимательный зритель может соотнести карикатуру с конкретной ситуацией без опоры на надпись, которая вносит лишь незначительные уточнения точки референции.

Лингвистический компонент обнаруживает слабую семантическую связь с изобразительной метафорой и в другой карикатуре, посвященной внешней политике президента США. Темой карикатуры является конфронтация США и Ирана, вследствие которой возник топливный кризис, имеющий глобальные последствия и затрагивающий в том числе США (Рис. 6). Для графического воплощения этой темы британский карикатурист Никола Дженнингс применяет визуализацию идиомы *to shoot oneself in the foot*, которая означает “to do or say something that causes problems for you”⁷ (букв. выстрелить себе в ногу – сделать то, что причиняет вред самому себе). Изображение бензоколонки, топливного шланга и топливораздаточного механизма, именуемого пистолетом, а также струя бензина, пробивающая ногу Д. Трампа, являются иллюстрацией прямого значения выражения «выстрелить себе в ногу», то есть причинить ущерб самому себе.

Рис. 6. Карикатура The Guardian “Trump’s Iran war strategy”⁸

⁷ Cambridge University Press & Assessment. (n.d.). Shoot in the foot. In *Cambridge Dictionary*. Retrieved August 13, 2026, from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/shoot-in-the-foot>

⁸ Источник: Jennings, N. (2026, March 15). Nicola Jennings on Trump’s Iran war strategy—cartoon [Cartoon]. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2026/mar/15/nicola-jennings-donald-trump-iran-war-strategy-cartoon>

Лингвистический компонент состоит из надписи на бензоколонке gasoline (бензин), надписи MAGA на красной бейсболке, выполненной в цвете Республиканской партии и ставшей атрибутом Д. Трампа, и включает заголовок карикатуры “Epic Win” (Эпическая победа). Как представляется, надпись на бензоколонке и надпись на бейсболке не несут особого смыслового наполнения, изображения информативны сами по себе. Однако заголовок *Epic Win* находится в контрадикторных смысловых отношениях с изображением, что следует рассматривать как изовербальную иронию. Анализ данной карикатуры служит примером того, что лингвистические номинации способствуют усилению сатирического посыла, заложенного в изобразительной метафоре, при этом приращение смысла позволяет охарактеризовать взаимоотношения вербального и изобразительного семиотических ресурсов как расширение.

Рассмотрим другую карикатуру, в которой роль вербального компонента сведена к минимуму, а основной смысл передается при сочетании визуально выраженной метафоры и метонимии. Графический текст, опубликованный в *The Guardian*, содержит сатирическое изображение проблемы приема иммигрантов (Рис. 7). Образ белых скал Дувра служит метонимической номинацией Великобритании. Автор использует пространственную метафору, помещая наверху британских политиков, а внизу под скалами — борющуюся с волнами лодку с иммигрантами. Верхнее положение политиков в рамке текста символизирует их доминирующую позицию, в то время как иммигранты, изображенные в правом нижнем углу карикатуры, находятся в невыгодном, зависимом положении. Оба политика — министр внутренних дел Великобритании Шабана Махмуд и лидер партии Reform UK Найджел Фараж — бросают иммигрантам колючую проволоку вместо спасательного троса. В данном контексте колючая проволока символизирует бюрократические преграды, которые правительство использует, чтобы контролировать приток иммигрантов. Примечательно, что Н. Фараж, известный своей резкой антииммигрантской риторикой, изображен с языком змеи, что служит отсылкой к вербальной агрессии.

Рис. 7. Карикатура *The Guardian* “Don’t get too comfortable”⁹

⁹ Источник: Baron, E. (2025, November 16). Ella Baron on Labour’s new immigration policy—cartoon [Cartoon]. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2025/nov/16/ella-baron-labour-new-immigration-policy-shabana-mahmood-cartoon>

Лингвистический компонент содержит реплику министра внутренних дел Великобритании *Don't get too comfortable* (Не привыкайте к комфорту). Как представляется, данное высказывание не несет новой информации, а лишь дублирует смысл, заложенный в изображении колючей проволоки. Как колючая проволока, так и реплика персонажа карикатуры транслируют враждебное отношение к иммигрантам, при этом изображение способно оказать более сильное эмоциональное воздействие на адресата в силу яркой образности.

В рамках теории концептуальной интеграции построение бленда на основе сочетания метафорических и метонимического образов может быть представлено в следующей схеме (Рис. 8).

Рис. 8. Создание интегрированного концептуального пространства в карикатуре

Анализ материала выборки также показал, что декодирование метафорического образа, выраженного в изобразительном компоненте, может быть значительно затруднено без обращения к тексту, оформленному с помощью знаков естественного языка. Так, например, высокая степень зависимости изобразительного и лингвистического компонентов выявлена в британской карикатуре, обыгрывающей прямое и метафорическое значение английского фразеологизма *red tape*. При сопоставлении буквального значения «красная лента» и фразеологического значения «бюрократия» обнаруживается затемнение внутренней формы образной единицы, а также отсутствие выраженных мотивационных связей между прямым и переносным значением (Рис. 9). Графический текст изображает К. Стармера, стоящего за трибуной с надписью *International investment summit 2024* (Международный инвестиционный саммит 2024). Текст также содержит реплику политика *“Business leaders! To prove I’m serious, I’ll cut some red tape right now”* (Уважаемые предприниматели! Чтобы доказать серьезность своих намерений, я устраню часть бюрократии прямо сейчас!). Политик держит ножницы и собирается отрезать часть ленты, прикрепленной к значку, символизирующему его партийную принадлежность. В данном случае обыгрывается красная лента как знак принадлежности к партии Лейбористов. Примечательно, что фон графического текста,

трибуна, ножницы и значок на лацкане политика выполнены в красном цвете. Идиома *red tape* (бюрократия), выделенная типографически, является доминантой вербального компонента, точно так же, как перерезание красной ленточки, иллюстрирующее прямое значение данной языковой единицы, служит центром изобразительного компонента.

Рис. 9. Карикатура *The Guardian* “Keir Starmer’s promise to cut red tape”¹⁰

Возможно предположить, что в тексте содержится еще один смысловой пласт. Церемония перерезания красной ленточки традиционно носит знаковый характер и символизирует открытие объекта, начало нового этапа. В данном случае комизм ситуации заключается в том, что политик одновременно является тем, кто собирается устранить бюрократию (*cut red tape*), и тем, кто является частью бюрократии, что создает эффект самореференции. В данном тексте в сатирическом ключе представлена тенденция давать пустые обещания покончить с бюрократией. Обращаясь к изовербальной игре на основе двойного кодирования идиомы, автор показывает, что громкие заявления не решают проблему, а лишь создают видимость активности. Очевидной является тесная семантическая связь изображения и вербального элемента. Лингвистический компонент, рассматриваемый изолированно от иконического, звучит как обычное популистское обещание. Содержащаяся в нем стертая метафора *red tape* оживает в изобразительном элементе, делая текст остро сатирическим. Визуальный образ обнаруживает связь и с другим лингвистическим компонентом – надписью на трибуне *International Investment Summit 2024* (Международный инвестиционный саммит 2024). Это очерчивает зону референции поликодового текста, указывая на конкретный фрагмент актуального политического контекста, который был обыгран карикатуристом. Таким образом, на основе тесной интеграции вербального и визуального метафорический образ получает четкую референтную отнесенность и семантическую многослойность, являясь ярким примером политической сатиры.

¹⁰ Источник: Jennings, B. (2024, October 14). Ben Jennings on Keir Starmer’s promise to cut red tape—cartoon [Cartoon]. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2024/oct/14/ben-jennings-keir-starmer-promise-cut-red-tape-cartoon>

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования англоязычных политических карикатур, содержащих метафорические и метонимические образы, подтверждают гипотезу о том, что в поликодовых нелинейных текстах стадии создания образных единиц будут отличаться от стадий, выделяемых в монокодовых линейных текстах. В частности, шестиуровневая модель образности, предложенная Р. Тримом для метафор, встречающихся в речах политиков, была скорректирована с учетом взаимодействия вербального и визуального в графических текстах, а также исходя из прагматических свойств карикатур, которые призваны в сатирической форме высвечивать негативные стороны актуального социально-политического контекста. При декодировании образности первый уровень будет представлен визуальной и/или вербальной метафорой и метонимией (в отличие от лингвистической метафоры в модели Трима), второй уровень – концептуальная метафора и/или метонимия – совпадает с моделью для монокодовых текстов. Третий уровень составляет интеграция широкого культурного и актуального политического контекста. Ярким примером тому могут служить визуальные бленды, как, например, изображение, совмещающее образ статуи Свободы и премьер-министра Великобритании. На четвертом уровне декодирования происходит установление точки референции, то есть определение события, послужившего мишенью политической сатиры. И, наконец, пятый уровень объединяет в себе систему воззрений карикатуриста, а также идеологические установки периодического издания, в котором размещена карикатура.

При анализе смысловых связей между визуально выраженной образной единицей и вербальным компонентом карикатуры была подтверждена гипотеза об их вариативности, что может быть выражено при помощи шкалы. На одной стороне выстраиваемой шкалы находятся карикатуры, в которых визуальная метафора и метонимия успешно декодируются без учета вербального компонента, на другом полюсе шкалы размещены графические тексты, в которых понимание смысла визуального образа детерминировано обращением к вербальной составляющей, которая дает отсылку к сфере референции визуальной метафоры. В пространстве между данными полюсами размещаются карикатуры, в которых текст, выраженный с использованием знаков естественного языка, вносит незначительные уточнения относительно референтной отнесенности или усиливает сатирический посыл изобразительного образа. Взаимодействие вербального и невербальных (изобразительного, графического и цветового) кодов карикатуры создает интегрированное концептуальное пространство.

Проведённое исследование имеет ряд ограничений. Интерпретация визуальных метафор неизбежно сохраняет элемент субъективности, в дальнейшем целесообразно привлечь методы экспериментальной верификации. Заявленный мультимодальный критический дискурс-анализ был реализован лишь в той мере, в какой это необходимо для выявления оценочных и идеологических интенций, заложенных в карикатурах; полноценный критический анализ властных отношений и дискурсивных стратегий конструирования социальных акторов представляет собой отдельное направление, для которого настоящая работа может служить эмпирической базой.

Полученные результаты вносят вклад в изучение мультимодальной профессиональной коммуникации, демонстрируя, как стратегическое взаимодействие вербальных и визуальных семиотических ресурсов обеспечивает реализацию сатирической функции

в институциональном медийном жанре. Адаптированная модель декодирования образности может быть применена к другим формам профессионального дискурса, в которых поликодовость выступает ключевым средством смыслопостроения – рекламным текстам, инфографике, политическим плакатам и мультимодальным форматам цифровой журналистики.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакина Ю.В. Политическая карикатура в зарубежных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 6. С. 95–115. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2021.95115>
2. Беляева Е.В. Политическая карикатура в современном мире: понятие и сущность // Коммуникология. 2023. Том 11. № 4. С. 162–170. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-162-170>
3. Васильева О. В. Зооморфные символы как ресурс групповой идентификации в Республике Саха (Якутия) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1 (68). С. 42–48.
4. Ворошилова М. Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 90–95.
5. Дугалич Н. М. Средства создания комического эффекта в карикатуре медицинского дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 4 (51). С. 46–58.
6. Дугалич, Н. М. Медицинская карикатура в русском и арабском языках: общее и специфическое // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 4(71). С. 69–75. <https://doi.org/10.37724/RSU.2024.71.4.009>
7. Егорова О. А., Калашникова В. В. Когнитивно-прагматические параметры концептуальной метафоры в британском политическом дискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 8. С. 39–53.
8. Золотайко, А. И. Метафора спорта в политических карикатурах как отражение противостояния ведущих мировых валют // Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114). С. 154–164.
9. Карасик В. И. Комические аттрактивы в сетевом дискурсе // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 227–233. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>
10. Маслова Ж. Н. Метафора, метонимия и символ в когнитивной поэтике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (36). С. 130–134.
11. Мэн Жу. Полиmodalная метафора в российской карикатуре в контексте теории концептуальной интеграции (на примере темы эпидемии COVID-19) // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 230–236. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_25.

12. Павлина С. Ю. Англоязычная политическая карикатура в социокультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 61–76. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76>
13. Талыбина Е.В., Минакова Н.А. Карикатура как взаимодействие вербальных и невербальных знаковых систем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 1. С. 24–30.
14. Хазагеров Г. Г. Неясности в теории аллегории и символа // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 4 (42). С. 76–84.
15. Abdel-Raheem A. Conceptual blending and (im)politeness in political cartooning // *Multimodal Communication*. 2021. Vol. 10. No. 3. P. 245–264. <https://doi.org/10.1515/mc-2021-0002>
16. De Bruyn J. Donald Trump’s photo op: politics or faith? Ten days the Bible featured prominently in editorial cartoons in June 2020 // *The European Journal of Humour Research*. 2025. Vol. 13. No. 2. P. 86–110. <https://doi.org/10.7592/EJHR.2025.13.2.948>
17. Dymova A. V., Kareva V. Yu., Zolotaiko A.I. Rishi Sunak vs Keir Starmer: Cartoon Representation in the Context of the 2024 General Election // *Филологические науки в МГИМО*. 2024. Vol. 10, No. 4. P. 114–131. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-114-131>
18. El Refaie E. Metaphor in political cartoons: Exploring audience responses // *Multimodal Metaphor* / C. Forceville and E. Urios-Aparisi (eds.). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 173–196.
19. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration and formal expression // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. No. 3. P. 183–204. https://doi.org/10.1207/s15327868ms1003_3.
20. Forceville C. Metonymy in visual and audiovisual discourse // Ventola E., Moya Guijarro A. J. (eds.) *The World Told and the World Shown: Multisemiotic Issues*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 56–74. https://doi.org/10.1057/9780230245341_4.
21. Forceville C. Identifying and interpreting visual metaphors in political cartoons // Romano M. (ed.) *Metaphor in Socio Political Contexts: Current Crises*. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2024. P. 255–278. <https://doi.org/10.1515/9783111001364-011>.
22. Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1. No. 3. P. 323–342. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323>.
23. Heinemann S. On metaphor in political cartoons between mono- and multimodality – France in the corona crisis // *Multimodal Communication*. 2026. Vol. 15. No. 1. P. 21–39. <https://doi.org/10.1515/mc-2025-0034>
24. Hidalgo Downing L., O’Dowd N. A. Code Red for Humanity: Multimodal Metaphor and Metonymy in Noncommercial Advertisements on Environmental Awareness and Activism // *Metaphor and Symbol*. 2023. Vol. 38. No. 3. P. 231–253. <https://doi.org/10.1080/10926488.2022.2153336>
25. Hidalgo-Downing L. Creative visual and multimodal metonymy in non commercial advertisements on substance use // *Metaphor and the Social World*. 2025. Vol. 15. No. 2. P. 288–313. <https://doi.org/10.1075/msw.24028.hid>

26. Kashanizadeh Z., Forceville C. Visual and multimodal interaction of metaphor and metonymy: A study of Iranian and Dutch print advertisements // *Cognitive Linguistic Studies*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 78–110. <https://doi.org/10.1075/cogls.00050.kas>.
27. Lakoff G., Johnson M. The metaphorical structure of the human conceptual system // *Cognitive Science*. 1980. Vol. 4. No. 2. P. 195–208. https://doi.org/10.1207/s15516709cog0402_4.
28. Littlemore J. *Metonymy: Hidden shortcuts in language, thought and communication*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 227 p.
29. Marín-Arrese J. I. Metaphorical creativity in Political Cartoons: The Migrant Crisis in Europe // *Performing Metaphoric Creativity across Modes and Contexts* / Laura Hidalgo-Downing & Blanca Kraljevic-Mujic (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2020. P. 153–173. <https://doi.org/10.1075/ftl.7.07mar>.
30. Milashchenko N. G., Pavlina S. Y. Modifying stance in media translation // *Medialinguistics*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 446–460.
31. Morris R. Visual rhetoric in political cartoons: A structuralist approach // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1993. Vol. 8. No. 3. P. 195–210. https://doi.org/10.1207/s15327868ms0803_5.
32. Negro Alousque I. Visual metaphor and metonymy in French political cartoons // *Revista Española de Lingüística Aplicada*. 2013. Vol. 26. P. 365–384.
33. O'Halloran K. L. *Multimodal Discourse Analysis* // *The Bloomsbury Handbook of Discourse Analysis* / K. Hyland, B. Paltridge, & L. Wong (eds.). 2nd ed. London: Bloomsbury, 2021. P. 249–266.
34. Pedrazzini A. The challenge of dissecting the frog: cartoonists analyze their creative process // *Semiotica*. 2024. Vol. 2024. No. 261. P. 117–141. <https://doi.org/10.1515/sem-2023-0078>
35. Schilperoord J., Maes A. Visual metaphoric conceptualization in editorial cartoons // *Multimodal Metaphor* / ed. by C. Forceville, E. Urios-Aparisi. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. P. 213–242. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110215366.3.213>
36. Stöckl H., Tseronis A. Multimodal rhetoric and argumentation: Applications – genres – methods // *Journal of Argumentation in Context*. 2024. Vol. 13. No. 2. P. 167–176. <https://doi.org/10.1075/jaic.00026.tse>
37. Trim R. French political symbolism and identity construction // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 102–122. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34560>
38. Tseronis A. From Visual Rhetoric to Multimodal Argumentation: Exploring the Rhetorical and Argumentative Relevance of Multimodal Figures on the Covers of The Economist // *Visual Communication*. 2021. Vol. 20. No. 3. P. 374–396. <https://doi.org/10.1177/14703572211005498>.
39. Van Leeuwen T. *Introducing social semiotics*. London, New York: Routledge, 2005.

REFERENCES

1. Abdel-Raheem, A. (2021). Conceptual blending and (im)politeness in political cartooning. *Multimodal Communication*, 10(3), 245–264. <https://doi.org/10.1515/mc-2021-0002>
2. Balakina Yu.V. (2021). Politicheskaya karikatura v zarubezhnykh media [Political cartoons in foreign media]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zurnalistika*. № 6, 95–115. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2021.95115>

3. Belyaeva E.V. (2023). Politicheskaya karikatura v sovremennom mire: poniatie i suschnost' [The concept and the essence of political cartoon in the modern world]. *Communicology* (Russ.). 11(4), 162–170. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-162-170>
4. De Bruyn, J. (2025). Donald Trump's photo op: politics or faith? Ten days the Bible featured prominently in editorial cartoons in June 2020. *The European Journal of Humour Research*, 13(2), 86–110. <https://doi.org/10.7592/EJHR.2025.13.2.948>
5. Dugalich, N. M. (2023). Sredstva sozdaniya komicheskogo effekta v karikature meditsinskogo diskursa [Means of creating comic effect in medical discourse cartoons]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, (4(51)), 46–58.
6. Dugalich N.M. (2024). Medicinskaia karikatura v russkom i arabskom yazukah: obshchee i specificheskoe [Medical caricatures in Russian and Arabic: general and specific features] *Inostrannye yazyki v vysshej shkole*. (4(71)), 69–75. <https://doi.org/10.37724/RSU.2024.71.4.009>
7. Dymova A. V., V. Yu. Kareva, A.I. Zolotaiko. (2024). Rishi Sunak vs Keir Starmer: Cartoon Representation in the Context of the 2024 General Election. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, Vol. 10, No. 4, 114–131. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-114-131>
8. Egorova, O. A., & Kalashnikova, V. V. (2016). Kognitivno-pragmaticheskie parametry konceptual'noj metafory v britanskom politicheskom diskurse [Cognitive-pragmatic parameters of conceptual metaphor in British political discourse]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, (8), 39–53.
9. El Refaie, E. (2009). Metaphor in political cartoons: Exploring audience responses. In C. Forceville & E. Urios-Aparisi (Eds.), *Multimodal metaphor* (pp. 173–196). Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
10. Fauconnier, G., & Turner, M. (1995). Conceptual integration and formal expression. *Metaphor and Symbolic Activity*, 10(3), 183–204. https://doi.org/10.1207/s15327868ms1003_3
11. Forceville, C. (2009). Metonymy in visual and audiovisual discourse. In E. Ventola & A. J. Moya Guijarro (Eds.), *The World Told and the World Shown: Multisemiotic Issues* (pp. 56–74). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230245341_4
12. Forceville, C. (2024). Identifying and interpreting visual metaphors in political cartoons. In M. Romano (Ed.), *Metaphor in Socio-Political Contexts: Current Crises* (pp. 255–278). Berlin/Boston: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783111001364-011>
13. Goossens, L. (1990). Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. *Cognitive Linguistics*, 1(3), 323–342. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323>
14. Heinemann, S. (2026). On metaphor in political cartoons between mono- and multimodality – France in the corona crisis. *Multimodal Communication*, 15(1), 21–39. <https://doi.org/10.1515/mc-2025-0034>
15. Hidalgo-Downing, L., & O'Dowd, N. A. (2023). Code Red for Humanity: Multimodal Metaphor and Metonymy in Noncommercial Advertisements on Environmental Awareness and Activism. *Metaphor and Symbol*, 38(3), 231–253. <https://doi.org/10.1080/10926488.2022.2153336>
16. Hidalgo-Downing, L. (2025). Creative visual and multimodal metonymy in non-commercial advertisements on substance use. *Metaphor and the Social World*, 15(2), 288–313. <https://doi.org/10.1075/msw.24028.hid>

17. Karasik, V. I. (2019). Komicheskie attraktivy v setevom diskurse [Comical attractives in network discourse]. *Zhanry rechi*, (3(23)), 227–233. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>
18. Kashanizadeh, Z., & Forceville, C. (2020). Visual and multimodal interaction of metaphor and metonymy: A study of Iranian and Dutch print advertisements. *Cognitive Linguistic Studies*, 7(1), 78–110. <https://doi.org/10.1075/cogls.00050.kas>.
19. Khazagerov, G. G. (2022). Neyasnosti v teorii allegorii i simvola [Uncertainties in the theory of allegory and symbol]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, (4(42)), 76–84.
20. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). The metaphorical structure of the human conceptual system. *Cognitive Science*, 4(2), 195–208. https://doi.org/10.1207/s15516709cog0402_4.
21. Littlemore, J. (2015). *Metonymy: Hidden shortcuts in language, thought and communication*. Cambridge: Cambridge University Press. (227 p.)
22. Marín-Arrese, J. I. (2020). Metaphorical creativity in Political Cartoons: The Migrant Crisis in Europe. In L. Hidalgo-Downing & B. Kraljevic-Mujic (Eds.), *Performing Metaphoric Creativity across Modes and Contexts* (pp. 153–173). Amsterdam: John Benjamins.
23. Maslova, Zh. N. (2009). Metafora, metonimija i simbol v kognitivnoj pojetike [Metaphor, metonymy and symbol in cognitive poetics]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (2(36)), 130–134.
24. Meng Ru (2022). Polimodal'naya metafora v rossiyskoi karikature v kontekste teorii konceptual'noi integratsii (na primere temy epidemii COVID-19) [Multimodal Metaphor in the Russian Cartoon from the Perspective of Conceptual Blending Theory (On the Example of the COVID-19 Pandemic)]. *Politicheskaya Lingvistika*. (5(95)), 230–236. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_25.
25. Milashchenko, N. G., & Pavlina, S. Y. (2025). Modifying stance in media translation. *Medialinguistics*, 12(3), 446–460.
26. Morris, R. (1993). Visual rhetoric in political cartoons: A structuralist approach. *Metaphor and Symbolic Activity*, 8(3), 195–210. https://doi.org/10.1207/s15327868ms0803_5
27. Negro Alousque, I. (2013). Visual metaphor and metonymy in French political cartoons. *Revista Española de Lingüística Aplicada*, 26, 365–384.
28. O'Halloran, K. L. (2021). Multimodal Discourse Analysis. In K. Hyland, B. Paltridge, & L. Wong (Eds.), *The Bloomsbury Handbook of Discourse Analysis* (2nd ed., pp. 249–266). London: Bloomsbury.
29. Pavlina, S. Yu. (2025). Angloyazychnaya politicheskaya karikatura v sotsiokul'turnom kontekste [English-language political cartoon in a socio-cultural context]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 16(1), 61–76. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76>
30. Pedrazzini, A. (2024). The challenge of dissecting the frog: cartoonists analyze their creative process. *Semiotica*, 2024(261), 117–141. <https://doi.org/10.1515/sem-2023-0078>
31. Schilperoord, J., & Maes, A. (2009). Visual metaphoric conceptualization in editorial cartoons. In C. Forceville & E. Urios-Aparisi (Eds.), *Multimodal Metaphor* (pp. 213–242). Berlin/New York: Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110215366.3.213>

32. Stöckl, H., & Tseronis, A. (2024). Multimodal rhetoric and argumentation: Applications – genres – methods. *Journal of Argumentation in Context*, 13(2), 167–176. <https://doi.org/10.1075/jaic.00026.tse>
33. Talybina E.V., Minakova N.A. (2013). Karikatura kak vzaimodeistviye verbal'nuh i neverbalnyh znakovykh system [Caricature as interaction of verbal and non-verbal sign systems]. *Rusistika*. (1), 24–30.
34. Trim, R. (2024). French political symbolism and identity construction. *Russian Journal of Linguistics*, 28(1), 102–122. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34560>
35. Tseronis, A. (2021). From Visual Rhetoric to Multimodal Argumentation: Exploring the Rhetorical and Argumentative Relevance of Multimodal Figures on the Covers of The Economist. *Visual Communication*, 20(3), 374–396. <https://doi.org/10.1177/14703572211005498>
36. Van Leeuwen, T. (2005). *Introducing social semiotics*. London, New York: Routledge.
37. Vasil'eva, O. V. (2024). Zoomorfnye simvoly kak resursy gruppovoy identifikatsii v Respublike Sakha (Yakutiya) [Zoomorphic symbols as a resource of group identification in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 1(68), 42–48.
38. Voroshilova, M. B. (2010). Krizis skvoz' smekh: metaforicheskiy obraz mirovogo krizisa v russkoy politicheskoy karikature [Crisis through laughter: metaphorical image of the global crisis in Russian political cartoons]. *Politicheskaya lingvistika*, (1(31)), 90–95.
39. Zolotaiko A.I. (2025). Metafora sporta v politicheskikh karikaturah kak otrazheniye protivostoyaniya veduschih mirovuh val'ut [Sports Metaphors in Political Cartoons as a Reflection of Confrontation Between Major Global Currencies]. *Political linguistics*. № 6(114), 154–164.

Информация об авторах:

Павлина Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, руководитель департамента иностранных языков и профессиональной коммуникации НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). Сфера научных интересов: анализ дискурса, политическая лингвистика, визуальная коммуникация.

ORCID ID: 0000-0002-8304-795X

Милащенко Наталья Геннадьевна – преподаватель департамента иностранных языков и профессиональной коммуникации НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). Сфера научных интересов: политическая лингвистика, медиалингвистика.

ORCID ID: 0009-0001-2492-5724

Получено: 25 апреля 2026 г.

Принято к публикации: 13 августа 2026 г.

METAPHOR, METONYMY AND CONCEPTUAL INTEGRATION IN SATIRICAL DISCOURSE: BRITISH AND AMERICAN POLITICAL CARTOONS

Svetlana Y. Pavlina

HSE University (Nizhny Novgorod, Russia)

spavlina@hse.ru

Natalia G. Milashchenko

HSE University (Nizhny Novgorod, Russia)

nmilashchenko@hse.ru

Abstract: Verbal and visual metaphorical and metonymic images are key instruments of political satire, enabling the concise and expressive conveyance of evaluative attitudes toward socio-political realities. However, the multi-level mechanism of creating and decoding such figurative constructs in polycode cartoon texts has not yet received a systematic account. The aim of this study is to identify the stages of encoding and decoding metaphorical and metonymic images, expressed visually and/or verbally in English-language political cartoons, and to establish the role of linguistic and pictorial codes in meaning-making through conceptual integration. The empirical material comprises 200 political cartoons (100 British and 100 American) published as editorial illustrations in *The Guardian* and *The U.S. News & World Report* from May 2024 to May 2026. The study draws on Conceptual Metaphor Theory (Lakoff, Johnson), Conceptual Integration Theory (Fauconnier, Turner), and the principles of Multimodal Critical Discourse Analysis (O'Halloran); Trim's (2024) six-level framework for monomodal political media texts is adapted to model the stages of figurative creation and decoding. The findings reveal that Trim's six-level model is transformed into a five-level structure: cultural and political contexts are integrated at a single level, while the visual/verbal metaphor, metonymy, or metaphonymy is distinguished as the initial decoding stage. The analysis identifies the dominance of the pictorial code and three types of intersemiotic ties between the visual figurative unit and the verbal component: weak (the linguistic element is uninformative), elaborative (the verbal code provides minor clarifications of reference and/or enhances the satirical message), and key (the linguistic component determines the reference domain of the visual image). Special attention is given to cases of metaphonymy, in which metaphor and metonymy function inseparably within a single polycode sign. The study contributes to the investigation of metaphorical encoding and decoding stages in semiotically heterogeneous texts and opens avenues for a comparative analysis of British and American satirical traditions.

Keywords: political cartoon, visual metaphor, metonymy, conceptual integration, multimodal discourse analysis, cognitive linguistics, polycodeity, satirical discourse.

How to cite this article: Pavlina, S.Y., Milashchenko, N.G. (2026). Metaphor, Metonymy and Conceptual Integration in Satirical Discourse: British and American Political Cartoons. *Professional Discourse & Communication*, 8(3), 40–65. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-40-65>

About the authors

Svetlana Y. Pavlina, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor and Head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication at HSE University (Nizhny Novgorod, Russia). Her research interests include discourse studies, political linguistics, and visual communication studies.

ORCID ID: 0000-0002-8304-795X.

Natalia G. Milashchenko is a Lecturer in the Department of Foreign Languages and Professional Communication at HSE University (Nizhny Novgorod, Russia). Her research interests include political linguistics and media linguistics.

ORCID ID: 0009-0001-2492-5724.

Received: April 25, 2026.

Accepted: August 13, 2026.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-66-84>

DISCURSIVE LEGITIMATION OF CHINESE AUTOMOBILE BRANDS IN THE RUSSIAN MARKET: A MIXED-METHODS ANALYSIS OF ONLINE CONSUMER DISCOURSE

Anna N. Tikhomirova

HSE University (Moscow, Russia)

atikhomirova@hse.ru

Abstract: Given China's rise as the world's leading automotive producer and the radical transformation of the Russian market, societal acceptance of new market entrants remains a difficult communicative task. Against the backdrop of growing sales and persistent consumer ambivalence, this study examines how Russian consumers discursively construct, challenge, and renegotiate the legitimacy of Chinese automobile brands in online forums. Drawing on Suchman's multidimensional legitimacy framework and Van Leeuwen's legitimation mechanisms, we conduct a mixed-methods content analysis of 1,144 comments sampled from two leading Russian automotive platforms (2014–2023). The approach combines manual polarity coding, which traces the temporal shift from early skepticism to societal acceptance, with a thematic analysis that maps consumer narratives across the pragmatic, moral, and cognitive dimensions of legitimacy. Within each dimension, we specify the discursive strategies and linguistic means consumers use to secure (de)legitimation. The findings reveal an asynchronous legitimation process: pragmatic legitimacy, anchored in cost–benefit and reliability discourse, consolidates first; cognitive legitimacy is accomplished through normalization and historical analogies; moral legitimacy, by contrast, proves the most resistant to change, sustained by value-laden metaphors and social identity debates. We further show that legitimacy formation is not linear but a dialogic exchange between professional automotive journalism and lay consumer discourse on digital platforms. By reworking market categories through everyday communicative practices, ordinary consumers act as active legitimacy agents. Taken together, the results provide a processual, empirically grounded account of brand legitimation in transitional markets with practical implications for market entrants and policy-makers, and extend research on digital professional communication by documenting the growing weight of electronic word-of-mouth in institutional market debates.

Keywords: discursive legitimation, Chinese automobile brands, Russian market, digital discourse, electronic word-of-mouth (e-WOM), lay discourse, thematic analysis, consumer comments.

How to cite this article: Tikhomirova, A.N. (2026). Discursive Legitimation of Chinese Automobile Brands in the Russian Market: A Mixed-Methods Analysis of Online Consumer Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 8(3), 66–84. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-66-84>

1. INTRODUCTION

The automotive sector in developed and developing countries has historically been dominated by manufacturers from industrialized Western countries. Meanwhile, China has occupied the leading position in automobile sector production since 2009¹. While within the country, the legitimization of Chinese automobile brands is facilitated by the “Made in China 2025” governmental policy (Baan et al., 2017), societal acceptance in other countries is a challenging task.

Chinese automobiles first appeared on the Russian market in 2005. However, bearing a “made in China” halo (Han, 1989), sales of Chinese automobiles did not show a substantial rise during the period from 2005 to 2022. Thus, in 2005 and 2006, 6,900 automobiles were sold under brands such as Great Wall, Chery, FAW, BYD, Tianye, and Xinkai². In 2020, the most popular Chinese automobile brands still failed to enter the top 10 most sold automobile brands in the country³. In 2021, the market leader, AvtoVAZ, was followed by KIA, Hyundai, Renault, Toyota, Škoda, VW, Nissan, BMW, and Mercedes-Benz⁴. However, in 2022, the market situation underwent significant changes. General Motors was the first automobile manufacturer to declare its intention to leave. Later, it was followed by Jaguar, Land Rover, Mazda, Mercedes-Benz, Nissan, Renault, Toyota, Lexus, Volvo, and commercial Ford⁵. By the end of 2022, only 14 automobile brands (compared to 60 at the beginning of the year) continued operating in the market. Three were Russian; the rest were Chinese: Changan, Chery, Dongfeng, Exeed, FAW, Foton, GAC, Geely, Haval, Jac, and Omoda. When Western, Japanese, and Korean automobile brands exited the market, sales of Chinese brands rose significantly, from 9% in 2020 to 60% in 2024. Chery, Haval, and Geely occupied positions in the top 10 most-sold brands⁶, which may be perceived as a sign of normative and cognitive legitimation among consumers (Aldrich, 1996).

However, a recent survey conducted by VCIOM in April 2024 reveals certain ambivalence in consumers’ perceptions. Some consumers highlight availability, attractive appearance, and technological advancement as advantages of Chinese cars. That confirms public legitimation. On the contrary, others (37%) consider low quality to be the major drawback⁷. The abovementioned facts highlight the tension between the apparent societal legitimation of Chinese automotive production among Russian consumers on the one hand and the lingering public doubts on the other. The study addresses the gap between de facto market legitimation and consumers’ perceptual doubts and examines how consumers legitimize Chinese automobiles on social media platforms.

¹ Statista. (n.d.). Automotive manufacturing industry in China: Statistics & facts. Retrieved August 14, 2026, from <https://www.statista.com/topics/1050/automobile-manufacturing-in-china/>

² Avtoexperts.ru. (n.d.). “Kitaitsy” v Rossii uzhe tselykh 20 let: Podrobnye itogi i rezultaty prodazh [“Chinese” cars have been in Russia for 20 years: Detailed results and sales figures]. <https://avtoexperts.ru/article/kitajtsy-v-rossii-uzhe-tsely-h-20-let-podrobny-e-itogi-i-rezul-taty-prodazh/>

³ Autoreview. (2021, January 14). Avtorynok Rossii: Itogi 2020 goda [Russian automotive market: 2020 results]. <https://autoreview.ru/news/avtorynok-rossii-itogi-2020-goda>

⁴ Association of European Businesses. (2022). Russian car sales in December 2021 [PDF]. <https://aebrus.ru/upload/iblock/32e/RUS-Car-Sales-in-December-2021.pdf>

⁵ Auto.ru. (2022). Tsifry 2022-y: Glavnye fakty goda [2022 in numbers: Key facts of the year]. <https://auto.ru/mag/article/cifry-2022y-glavnye-fakty-goda/>

⁶ AUTOSTAT. (2023, January 12). Rynok novykh legkovykh avtomobilei v 2022 godu sokratilsia na 59% [The new passenger car market decreased by 59% in 2022]. <https://www.autostat.ru/press-releases/53553/>

⁷ Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). (2024, December 19). Kitaiskii put’ otechestvennogo avtorynka [The Chinese path of the Russian automotive market]. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kitaiskii-put-otchestvennogo-avtorynka>

Despite the growing significance of Chinese automobiles in the market, the amount of research on consumer perceptions of new market entrants is rather limited. Thus, Wang and Yang (2008) studied the country-of-origin and brand personality effects on automobile perception in China. Fetscherin and Toncar (2009) compared consumers' perceptions of automobiles from developed (USA) and developing (China) countries. Chandrasen and Paliwoda (2009) investigated the Country of Assembly (COA) effect on perceived automobile quality from a Thai consumer perspective, with consumers preferring automobiles assembled in a highly industrialized country. However, the existing body of research possesses a range of limitations. First, most of the COO research utilizes a quantitative research approach that fails to provide a comprehensive understanding of the dynamic discursive process through which legitimacy is constructed and renegotiated. Second, the consumers' role as active legitimacy agents in online debate remains underexplored. Third, the context of emerging markets undergoing a substantial institutional transformation presents a unique research context.

We aim to address this gap by analyzing the evolution of the legitimation process towards Chinese automobiles among Russian consumers. Drawing on Suchman's (1995) legitimacy framework, we adopt a mixed research approach to trace consumers' narratives on the specialized automotive forums to answer, *"How do Russian consumers discursively construct, challenge, and renegotiate pragmatic, moral, and cognitive legitimacy for Chinese automotive brands on specialized forums? How does legitimation of Chinese automobile brands evolve over time (2014–2023) in response to market changes?"* We gathered a total of 1,144 comments from 2014 to 2023 to map shifts in consumer perceptions. Thus, in the exploratory quantitative consumer sentiment analysis, we trace the evolution of legitimacy and identify transformation points. In contrast, the qualitative thematic analysis allows us to delve into the discourse of consumer narratives.

The remaining part of the article unfolds as follows. The theoretical framework section outlines the theoretical foundation of the research by addressing institutional and legitimacy theories. We highlight the significance of the online forum discourses as a debate platform where consumers are active legitimacy constructors. The methodology section justifies the combination of manual qualitative polarity coding and qualitative thematic content analysis. In the Results section, we elaborate on the evolution of legitimacy in the consumer online discourse. The Discussion and Conclusion section focuses on the theorization of the research findings.

2. THEORETICAL BACKGROUND

Social expectations, government regulations, and other institutional factors facilitate organizational structure similarity, leading to organizational isomorphism (Meyer & Rowan, 1977; Zucker, 1977). Thus, in the research framework, the automotive market is seen as an isomorphic organization. Organizational isomorphism poses a significant challenge for new market players undergoing isomorphic adaptation. Therefore, entering the automotive sector is challenging. Institutional theory asserts that a company's successful operation does not depend only on technical efficiency. It is essential to conform to the institutional environment's structural and procedural dimensions (Deephouse, 1996; Scott, 1995; Suchman, 1995) and to gain legitimacy (DiMaggio & Powell, 1983; Verbeke & Tung, 2013). This idea is reflected in legitimacy theory, which holds that to ensure a company's success, it's essential to follow socially accepted norms (Dowling & Pfeffer, 1975; Hutchins et al., 2019). When a company communicates its commitment to societal values, it seeks to shape perceptions of legitimacy through media channels, thereby aligning its economic pursuits with social expectations. Thus, scholars generally define legitimacy as social acceptance (Crane, 2013; Palazzo & Scherer, 2006; Schultz et al., 2013).

The term “legitimacy” has attracted extensive scholarly attention (Aldrich & Fiol, 1994). However, the definition provided by Suchman (1995) is considered a conventional one, and in the present research framework, legitimacy is referred to as “the generalized perception or assumption that an entity’s actions can be considered desirable, appropriate, or reasonable within a socially constructed system of norms, values, beliefs, and definitions” (Suchman, 1995, p. 574). Scholars argue that legitimacy serves as an indicator of societal approval (Deephhouse & Suchman, 2008; Şahiniz et al., 2024; Washington & Zajac, 2005). Thus, consumers perceive legitimate companies as more respectable, prestigious, and trustworthy. On the contrary, companies that lack societal legitimacy provoke negative associations and are perceived as less valuable (Fernando & Lawrence, 2014). It is worth mentioning that legitimacy is a collective rather than individual phenomenon and provides a specific link between society and organizations (Dowling & Pfeffer, 1975).

Suchman (1995) differentiates three legitimacy dimensions: pragmatic, moral, and cognitive. The pragmatic dimension is reflected in positive reputation building; the moral dimension is achieved by following laws and regulations; and the cognitive dimension is reflected in the belief that the organization is trustworthy and predictable, leading to unconditional acceptance and reliability among stakeholders (Suchman, 1995).

The strategies used for legitimation have drawn extensive scholarly attention. Van Leeuwen’s (2007) framework is a conventional approach to discursive legitimation strategies (Yu & Zheng, 2023). It incorporates four distinct legitimation mechanisms: authorization, moral evaluation, rationalization, and mythopoiesis (Van Leeuwen, 2007). Thus, authorization refers to legitimation through customs, law, and traditions; moral evaluation ensures legitimation through the value system; rationalization is the legitimation by goals and uses of institutionalized social action; mythopoiesis shapes legitimation through narratives “whose outcomes reward legitimate actions and punish non-legitimate actions” (Van Leeuwen, 2007, p. 92).

To operationalize the study, we draw upon critical discourse studies of branding and consumer identity (e.g., Koller, 2008; Machin & Mayr, 2023) to develop an integrative analytical blueprint that maps Van Leeuwen’s (2007) discursive mechanisms onto Suchman’s (1995) three dimensions of legitimacy. Although we acknowledge that no single discursive strategy is exclusively bound to one dimension, our analytical model anticipates distinct dominant pairings based on the socio-linguistic functions of the text. Specifically, pragmatic legitimacy is hypothesized to rely heavily on rationalization (e.g., utility-driven price comparisons) and authorization (e.g., invoking expert or experiential authority). Moral legitimacy is predominantly constructed or challenged through moral evaluation, using value-laden lexemes and culturally resonant metaphors to assess the ethical standing of the brand. Cognitive legitimacy (i.e., the perception of a brand as a “natural” market actor) is primarily enacted through mythopoiesis and normalization narratives, relying on temporal markers and generic pronouns to signal inevitability and market assimilation. By fusing these frameworks, we move the analytical lens away from macro-institutional management theory toward the micro-linguistic construction of value in digital communication.

Following Palazzo and Scherer’s (2006) approach, we advocate that legitimacy is constructed through public debate. Nowadays, the online environment serves as a universal platform for public debate and offers people a unique opportunity to share their views with others. Scholars highlight the potential granted to social media platforms to enable consumers to make public judgements and, as a consequence, contribute to the public discussion (Etter et al., 2018). These judgments contribute to the organization’s legitimacy formation (Joutsenvirta & Vaara, 2015; Palazzo & Scherer, 2006; Schultz et al., 2013). Thus, “ordinary citizens” or consumers are seen as empowered agents (Dauvergne & LeBaron, 2014; Etter et al., 2018) who are entitled to play a vital role and to express

their opinions, contributing to public discourse (e.g., Castells, 2013; Etter et al., 2018; Uldam & Vestergaard, 2015). Thus, we refer to the consumer comments not as an isolated reaction, but as a response to the professional discourse of automobile experts. By providing their feedback to test-drive articles, consumers accept, challenge, or reframe professional narratives. Consequently, they participate in the collective legitimacy construction.

3. METHODOLOGY

The present study focuses on the Russian automotive sector due to several reasons and performs a content analysis integrating qualitative and quantitative methods. Previously, the Russian automotive industry offered a diverse range of choices, while Russian consumers demonstrated a strong tendency toward conspicuous consumption. Therefore, the automotive sector should have been able to meet the needs of comfortable transportation and satisfy status expectations. Since 2022, the market landscape has experienced significant transformations; however, consumer needs remained unchanged. At this point, we focus our research on the legitimacy transformation of Chinese automotive brands, which currently dominate the sector. We aimed to identify the legitimacy strategies consumers use when addressing Chinese automotive brands. Two large and influential automobile platforms were chosen for data collection. Adhering to strict ethical norms, the platforms were anonymized. Both are among the top 10 most visited automobile platforms⁸ which ensures access to rich user-generated content. Both platforms are focused on automobile news, test-drive overviews with photos and videos, automobile catalogs with detailed descriptions and prices, and automobile owners' feedback. Below test-drive articles, there is a comment section that lets us assess the temporal and topical content of each comment. The target audience of both platforms is in Russia. In both cases, the gender distribution is 30% female to 70% male consumers. Most commonly, these platforms are visited by the 25-35 age group (about 22-23%), followed by the 45-54 (about 20-21%) and 35-44 (about 18%) age groups⁹, matching the demographic profile of Russian car owners.

To analyze the evolution of consumer perceptions, we initially extracted all available top-level comments and replies from webpages devoted to test-drive overviews of various Chinese automobile brands (including Changan, Chery, Dongfeng, Exeed, GAC, Geely, and Haval) published between 2014 and 2023. This yielded an initial raw corpus of 4580 comments. To ensure equal selection probability across different brands and years, and to mitigate the bias of overrepresented, highly commented models, we used a manual random number generator (Excel RAND) to extract a randomized working sample of 1,144 unique comments. During the subsequent qualitative coding phase, we iteratively monitored the emergence of new themes. By the conclusion of coding the 1,144-comment sample, no new thematic codes emerged, confirming that thematic saturation (Guest et al., 2006) had been achieved within our randomized subset.

The study employs content analysis as the primary research technique (Krippendorff, 2018). Based on the definition provided by Bardin (1986), content analysis is a technique designed to “obtain, by means of systematic and objective procedures of the content description of the messages, indicators (quantitative or not) which enable the inference of knowledge regarding the production and reception conditions” (Piñeiro-Naval, 2020, p. 29). In the research framework, we combine

⁸ Similarweb. (n.d.). Similarweb. Retrieved January 11, 2026, from <https://www.similarweb.com/>

⁹ Similarweb. (n.d.). Similarweb. Retrieved January 11, 2026, from <https://www.similarweb.com/>

qualitative and quantitative content analysis. At the quantitative analysis stage, we perform consumer sentiment analysis to track trends in consumer perception. At the second, qualitative stage, we perform a thematic analysis to identify discursive legitimacy strategies. Thus, the present study doesn't aim for statistical generalization (Jackson, 2009) but instead attempts to answer the "why" and "how" questions that are concerned with "discovery" and "description" (Mahoney & Goertz, 2006).

We refer to a comment as a unit of analysis. Online consumer reviews and comments serve as a source of unsolicited data, a form of one-to-many communication between the reviewer/commenter and readers (Litvin et al., 2008). In the Internet age, consumers frequently rely on peers' online reviews to make informed decisions. Thus, electronic word-of-mouth (e-WOM), "any positive or negative statement made by potential, actual, or former consumers about a product or company, which is made available to a multitude of people and institutions via the Internet" (Hennig-Thurau et al., 2004, p. 39), becomes essential for decision-making.

Data gathered from online forums and social media platforms offer multiple advantages, providing researchers with access to diverse consumer voices (Castelló et al., 2016). Thus, within the research framework, we acknowledge consumers' roles in constructing the legitimacy of Chinese automotive producers through e-WOM and online debates.

All data extracted from the automotive platforms included the username, the comment date, the comment text, and, when applicable, other users' replies. Then, we sorted the extracted comments by date to analyze the temporal evolution of the legitimation process. The original language of the comments was retained to preserve linguistic nuances. Thus, we translated the key phrases used in the article for reporting the research findings.

Drawing on Suchman's (1995) legitimacy approach, the coding framework was developed to incorporate three legitimacy dimensions: pragmatic, moral, and cognitive. The coding sample is presented in Appendix A. The coding process followed the standard qualitative data coding approach (Bingham, 2023). At first, all the comments were read through to gain a thorough understanding of the context (Braun & Clarke, 2021). Then, at the open coding stage, we initially tagged the comments with an emergent theme. Each comment was evaluated for the presence of at least one of the three legitimacy dimensions. To perform a further sentiment analysis, we manually assigned each comment within the identified dimensions a sentiment score: *positive*, *neutral*, or *negative* (Bingham, 2023). *Positive* scores were assigned to the comments expressing approval, trust, or a general favorable evaluation (e.g., "*Great value for money*"). The comment was considered *negative* when it contained criticism, dissatisfaction, or a negative evaluation (e.g., "*This car is unsafe*"). Neutral comments state a fact or express an ambivalent view without clear positive or negative connotation.

At the quantitative stage, we eschewed automated computational tools in favor of manual qualitative polarity coding. Two independent coders manually assigned a polarity score (positive, neutral, or negative) to each comment to capture the highly contextual irony, slang, and metaphors typical of Russian automotive discourse, which automated sentiment analysis often misinterprets. Prior to the main coding phase, the two coders were trained on a randomly selected 10% subset of the data (approx. 115 comments) to align their interpretations of the codebook. Inter-coder reliability was calculated using Cohen's kappa, yielding $\kappa=0.79$ for the assignment of legitimacy dimensions and $\kappa=0.81$ for polarity assignment, indicating substantial agreement (Landis & Koch, 1977). All minor discrepancies were resolved collaboratively through peer discussion.

Thus, a temporal analysis, conducted as a year-by-year breakdown of consumer sentiment, allowed us to trace the evolution of consumer legitimacy perception.

At the next level, we conducted a thematic analysis to identify recurring themes within each legitimacy dimension (Braun & Clarke, 2021; Stevens, 2024).

The chosen methodology provides a comprehensive, systematic approach to analyzing brand legitimacy through online discourse, combining quantitative sentiment tracking with a qualitative understanding of legitimacy-building processes over time.

4. DATA ANALYSIS AND RESULTS

4.1. Consumer sentiment dynamics

At the initial stage of the data analysis, we conducted consumer sentiment analysis. The assigned sentiments were summarized and presented in Figure 1 to trace the dynamics of consumer sentiment throughout the analyzed period. We calculated the total number of consumer comments for each year and calculated the shares of positive, negative, and neutral comments. At this stage of analysis, we do not aim for statistical significance and generalizability but instead use the summarized dynamics for the trend, consistent with the exploratory sentiment studies in online consumer discourse (Pang & Lee, 2008).

As shown in Figure 1, negative consumer sentiment has prevailed since 2014. Thus, the 2014-2016 period is characterized by an overwhelming number of comments (about 60%) reflecting skepticism and a negative attitude towards early Chinese automobile models. At that time, Chinese automobiles were seen as low-end and lacked consumer trust. As one of the comments states: *“Они (китайцы) только недавно рис собирали, а уже мнят себя автопроизводителями”*¹⁰ (They (Chinese) were only recently collecting rice and already fancy themselves automakers)¹⁰ (2014). The comments of this period clearly reflect the poor reputation of Chinese automobiles, which is most likely predetermined by the “halo” effect of the country (Han, 1989). The dominant consumer narrative stresses low price, lack of security and reliability, which are essential for high-involvement products (Verlegh & Steenkamp, 1999).

It must be acknowledged that the volume of comments varies significantly by year, with earlier years (e.g., 2014–2016) yielding much smaller sub-samples (e.g., N=25 in 2016) due to the limited market presence of these brands at the time. Year-on-year percentage shifts in this early phase should be interpreted with statistical caution. To mitigate this fragility, our analysis aggregates the qualitative discussion into broader temporal epochs (2014-2016; 2017-2019; 2020-2023) to capture macro-level discursive shifts rather than isolated annual fluctuations.

In the period 2017-2019, we observe the gradual change in consumer narratives. Negative sentiments are still dominant; meanwhile, the number of both neutral and positive sentiments is growing. It signifies consumer recognition of the country’s technological advancements, resulting in higher-quality automotive production. At this time, new models with better design and features appear on the market, as reflected in one of the comments: *“Китайские машины подтягиваются. Скоро Крета будет отставать от Чанган”* (Chinese cars are improving. The day is near when the Creta will lag behind the Changan) (2018). However, along with improved design, automobile prices increase, intensifying the price–value debate among consumers (Govorova, 2023).

¹⁰ Note: here and below, the quote translation is performed by the author.

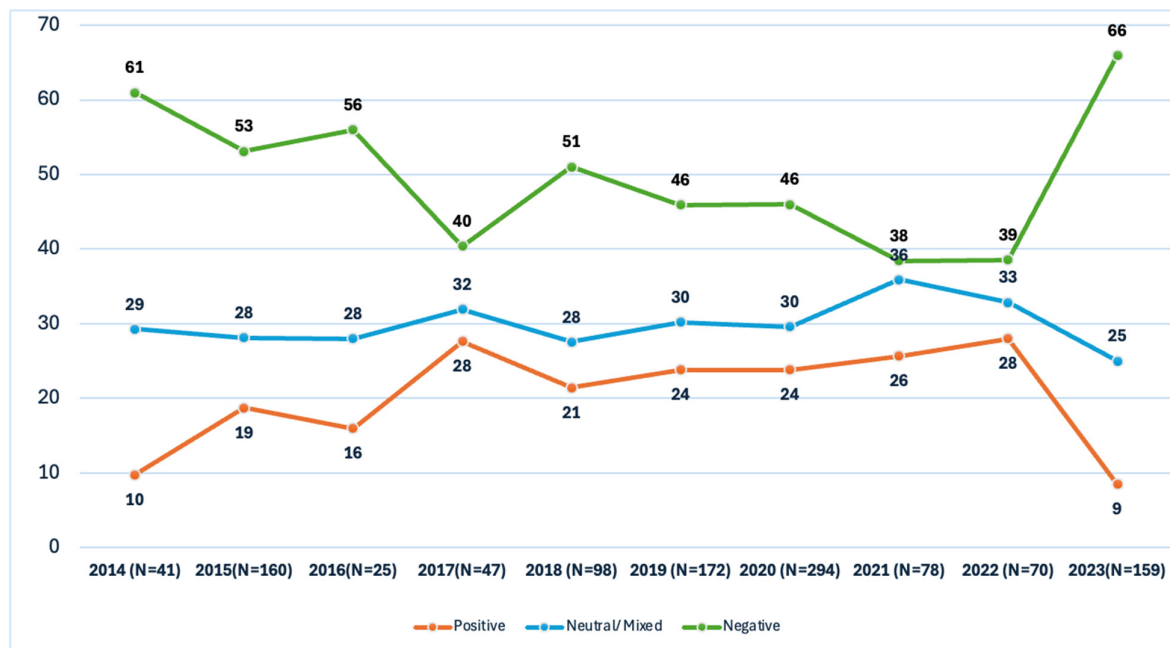

Figure 1. *Consumer sentiment dynamics*

Note. Compiled by the author. The total amount of comments per year is considered 100%. The share of positive, negative, and neutral comments is calculated based on the N of comments per year.

Apparent market acceptance marked the period 2020-2022, as the share of negative comments is lower than the combined shares of neutral and positive comments. Then an increased number of Chinese models appeared on the market. Exeed, which positions itself as a luxury car, satisfies consumers' desire for conspicuous consumption. Chinese automobiles are upgraded to the middle market segment. However, the debate over price-value is developing. In 2023, we see a dramatic shift in consumer narratives. Even though automobiles entered a premium market segment and appeared to gain acceptance, the growing share of negative sentiment may be explained by the enforced rapid market transformation (Deephhouse et al., 2017).

All in all, the temporal sentiment analysis demonstrates a clear shift from a quality debate to a price debate. Early Chinese automobile criticism was mainly focused on quality and safety, with discussion centered on value for money. At the same time, we observe signs of reputation development. When early commentators saw Chinese automobiles as a joke, with a prevailing ironic tone in the discussion, later commentators began comparing them with serious market players. Later positive comments highlight tech, interior design, warranty, and comfort.

The temporal analysis highlights the evolution from strong negativity toward cautious acceptance of Chinese cars in the Russian market. While negative sentiment remains significant (especially around pricing), the proportion of positive and neutral responses has grown steadily, particularly as newer, better-equipped models enter the market.

Notably, the sentiment analysis let us observe the major trends, reflecting consumer attitudes. To dive deeper into the legitimacy formation, development, and renegotiation, we performed a thematic analysis of online automotive discourse.

4.2. Thematic analysis

The thematic analysis results were divided into three major thematic groups aligning with Suchman's (1995) legitimacy paradigm. Pragmatic legitimacy is assessed based on consumers' perceived benefits: the price/value dichotomy; perceived reliability and quality reflected in technical characteristics; after-sales service; and vehicle comfort. When addressing the moral legitimacy dimension, we focused on consumers' concerns about the ethical considerations of design and the originality of spare parts; manufacturers' honesty and transparency; contributions to the local economy and adherence to business ethics principles; and social responsibility. The cognitive legitimacy dimension is reflected in consumer narratives about the ability to recognize Chinese automobile brands, perceived market position, and whether automobiles are seen as a natural and understandable part of the market. Within each dimension, we outline specific mechanisms consumers use to ensure (de)legitimation based on Van Leeuwen's legitimation mechanisms framework.

Table 1. *Legitimacy dimensions*

Dimension	% of All Comments	Positive	Neutral	Negative
Pragmatic	59.9%	23.3%	33.3%	43.4%
Moral	29.9%	12.1%	21.2%	66.7%
Cognitive	10.2%	15.5%	59.5%	25.0%

Note. Calculated and summarized by the author.

Percentages within each dimension sum to 100% horizontally.

4.2.1. Pragmatic legitimacy dimension

When assessing dimensions at the sentiment level, we observe that pragmatic narrative prevails over moral and cognitive dimensions (Table 1). The pragmatic dimension becomes the most discussed, as it reflects practical benefits and losses for consumers. The debate over pragmatic legitimacy is intense. On the one hand, consumers emphasize the positive value-for-money attitude, constructing pragmatic legitimacy through *rationalization*: Comments such as “*За те же деньги у корейцев голый салон, а китаец уже в полном фарше*” (For the same money, you get a bare-bones interior with the Koreans, but the Chinese car comes fully loaded) (2019). Here we observe a direct feature-to-price comparison “*за те же деньги*” (for the same money). The metaphor “*голый салон*” (bare-bones interior) implies lack, poverty, and constructs a negative image of the Korean cars. On the contrary, the idiom “*в полном фарше*” (fully loaded) effectively demonstrates an equipment advantage. Consumers state that Chinese automobile brands offer superior features and equipment at equivalent or lower prices than established competitors. For example: “*За полтора ляма вполне себе хорошая машина...почему бы и нет?*” (For 1.5 million — that's a really good car... why not?) (2020). Extended warranties (typically 5-7 years) and improving reliability perceptions further bolstered pragmatic legitimacy, though concerns about long-term durability and resale value persisted throughout the period. On the other hand, some consumers stress unreasonable pricing strategies: “*Жадность китайцев помноженная на жадность российских дилеров, вот и ценник*” (Greed of the Chinese multiplied by the greed of Russian dealers, that's how you get the price tag...) (2020).

From a sociolinguistic perspective, the juxtaposition of the metaphor “*голый салон*” (bare-bones/naked interior) and the idiom “*в полном фарше*” (fully loaded / lit. stuffed with minced meat) reflects specific macro-discourses in the Russian automotive subculture. The lexeme “*голый*” (naked) triggers a semantic field of vulnerability, asceticism, shortage, and lack, thus subtly criticizing established brands for perceived corporate greed. The phrase “*в полном фарше*” is a culturally embedded colloquialism rooted in the 1990s Russian slang, denoting excess, completeness, and

prestige. By applying this highly expressive idiom to Chinese automobiles, consumers linguistically transition the brand image from a “cheap substitute” to some kind of “pragmatic abundance.” The use of the prepositional possessive construction “у корейцев” (with/at the Koreans) constructs a spatial and categoric boundary between competing market actors, emphasizing brand-as-entity.

Another powerful legitimacy mechanism widely applied by the forum participants is *authorization*. Consumers use experiential authority and personal ownership experience as markers of credibility. In such cases, authorization is frequently combined with mythopoiesis, when personal ownership credibility is accompanied by the success story. Thus, we frequently observe statements that start with “I have...”. “У меня омода с пробегом 170 тыс км, не одной из вышеперечисленных проблем не было, как будто кто то злорадствует” (My Omoda has 170,000 km, none of the mentioned problems) (2023). The personal ownership anchor is accompanied by the high mileage that stresses automobile reliability. At the end of the statement, the commenter uses irony to intensify the feeling of personal satisfaction. Moreover, consumers’ expressed safety concerns represented the most significant challenge. Consumers seek reliable proof of durability and safety statistics typical for novel market brands (Khoirina et al., 2025). However, Chinese brands do not publish European crash test results, challenging their honesty and transparency. Thus, comments anchoring personal ownership incorporating durability statistics serve as a powerful legitimization tool.

Frequently, authorization is intensified by professional credibility to add weight to the pragmatic assessment when the commenter refers to his professional occupation as a trustworthiness marker for his judgments: “Я сам автомеханик. Скажу вам: китайские двигатели после 100 тыс. - это лотерея, но новые очень даже ничего” (I’m a mechanic myself. I tell you: Chinese engines after 100,000 km are a lottery, but the new ones are quite good) (2018). Here the commenter uses the personal pronoun “I” followed by “mechanic,” his professional occupation demonstrating the significance of his professional occupation. The usage of numbers here as a reference to statistics adds to the demonstration of professional expertise. The commenter uses a powerful metaphor comparing Chinese car engines to the lottery. The long-term automobile usage is compared to a game, stressing its unpredictability, risk, and lack of control. It intensifies negative connotations. At the end of the statement, we see an idiom “очень даже ничего” (quite good) that points to the positive features. However, the risks are stressed much more strongly, which creates an image of an asymmetry.

At the lexico-grammatical level, the mechanism of authorization relies heavily on first-person singular personal (“я” / I), reflexive (“сам” / “myself”), and possessive pronouns (“мой” / my) paired with numerical precision. Sentences frequently follow the syntactic pattern of [Possessive/Personal Pronoun + Brand Name + Exact Mileage/Price] (e.g., the abovementioned example “У меня омода с пробегом 170 тыс км”). This specific syntactic structure transforms the user’s epistemic stance from subjective opinion to verifiable empirical evidence. The numerical precision serves as a tool for Van Leeuwen’s rationalization, functioning as an objective anchor that neutralizes the highly emotional macro-discourse surrounding Chinese products. By adopting the precise, statistical lexicon typical of professional automotive reviews, ordinary consumers linguistically elevate their own status to that of lay-experts.

Many use resemblance to Western brands as another authorization cue. The resemblance to reputable competitors shifts from a “cheap copycat” narrative to the acknowledgement of attractive automobile features: “Черри хороши! Покупаешь машину на новой платформе Ленд Ровера, а платишь меньше...” (Chery is great! You get a car on a new Land Rover platform but pay less...) (2020). Here, Land Rover serves as an authoritative benchmark. Thus, Chery inherits

legitimacy through the comparison with the trusted name. We also observe signs of legitimation through rationalization, as the statement implies paying less for the same car. Another effective way to establish pragmatic legitimacy is to compare oneself to well-recognized market players with an established reputation. It often takes the form of a cost-benefit analysis, framed as (ir) rational purchase: “Танк 500 за свои 6 мультов вполне себе соответствует по качеству цене на фоне крузака за 15ку” (Tank 500 for 6 million quite matches...Cruiser for 15)” (2023).

To sum up, the construction of pragmatic legitimacy is mainly ensured by rationalization and authorization and mainly realized via numerical precision, possessive case, personal and possessive pronouns, and comparative constructions. Personal ownership narrative intensified by professional credibility transforms subjective experience into quality cues. The comparative constructions, particularly targeting cost-benefit correlation, help frame Chinese cars as a rational choice.

4.2.2. Moral legitimacy dimension

As indicated in Table 1, the moral dimension is uniquely characterized by a persistent negativity, with 66.7% of comments assigned a negative polarity. Discursively, this intense polarization manifests itself because moral framing in the corpus is predominantly focused on the social identity of the consumer rather than the mechanical attributes of the product. The qualitative polarity split reflects a harsh discursive dichotomy of consumer typologies: the “rational holdout” versus the “foolish early adopter.”

In contrast to the pragmatic dimension, the moral legitimacy dimension remained highly polarized over the analyzed period, and the prevalence of negative sentiments remained unchanged, demonstrating a slight decrease in the final analyzed period. Moral legitimacy is mainly constructed through moral evaluation mechanisms. The negative attitude remains persistent in a great number of comments. *Они (китайцы) только недавно рис собирали, а уже мнят себя автопроизводителями* (They (Chinese) were only recently collecting rice and already fancy themselves automakers) (2014). The use of the pronoun “они” (they) creates a distance between him and “collective” Chinese. The temporal marker “только недавно...а уже” (only recently... and already)” stresses the commentator’s doubts about Chinese rapid technological advancement, implying a delegitimation connotation. It is intensified by the synecdoche “рис собирали” (collecting rice), where the agricultural past stresses doubts in technological capability.

From the discursive viewpoint, this sentence introduces a culturally loaded synecdoche to deny moral legitimacy. The phrase “рис собирали” (*collecting rice*) taps into deeply entrenched post-Soviet macro-discourses that historically stereotyped China as a purely agrarian, technologically backward neighbor. The temporal contrast created by the elements “только недавно... а уже” (*only recently... and already*) serves to compress time, denying the manufacturer the evolutionary right to claim high-tech status. The pragmatic effect is then grammatically intensified by the reflexive verb “мнят себя” (*fancy themselves / imagine themselves to be*), which carries an inherent semantic weight of delusion and unjustified arrogance. Through these lexico-grammatical choices, the commentator constructs a moral boundary, punishing the brand for violating the “natural” historical hierarchy of global automotive production.

The negative moral evaluation intensified during COVID-19 pandemic which spike moral criticism: “А Китай вообще должен понести ответственность, поэтому я призываю бойкотировать китайские товары (China must be held accountable, so I call for a boycott...)” (2020). Here the commenter uses political moralization. “Китай (China)” is personified. Modal verb “должен (must)” denotes a strong obligation. On the other hand consumer acknowledge fast developing and omnipresent consumer goods: “Они быстро всему учатся. Я дома смотрю уже

все давно китайское, вся техника, кухонная, музыкальная, лампочки утюги и так далее... пришло время оценить и автопром. (They learn fast indeed. I've been seeing Chinese products everywhere at home for a long time now...)" (2017).

Design originality (or "theft" of designs) and production standards further complicated moral legitimacy (Kapferer, 2012). For some consumers, copying is a significant challenge. Others are ready to accept it. As one commenter stated: *"А кто не копировал? Немцы у американцев, японцы у немцев. Китайцы просто проходят тот же путь"* (And who hasn't copied? Germans copied Americans, Japanese copied Germans. Chinese are just going through the same path) (2020). Here, the statement starts with a rhetorical question that implies that copying is a universal strategy. Reference to the historical examples strengthens normalization. The path metaphor at the end of the statement portrays copying as a stage of development. The moral legitimization is constructed by rationalization mechanisms.

It's worth mentioning that moral legitimacy demonstrated the slowest improvement over the analyzed period. When addressing moral legitimacy, discursive strategies should note that moral framing is predominantly focused on the social meaning of consumption rather than on the product itself. It is tightly linked to the dichotomy of consumer types. The first clearly pronounced dichotomy is "rational vs. foolish". Some consumers frame themselves as "consciously ignoring Chinese cars" as an equivalent of rationality, while their opponents, who "dive in headfirst," are viewed as an equivalent of foolishness. On the other hand, some use financial morality framing. They stress that those who opt for Chinese automobiles have more important life priorities and are seen as more responsible, preferring "to invest in children's education or travel".

All in all, consumers primarily refer to moral evaluation to construct moral legitimacy. At this point, we observe emotionally colorful metaphors and synecdoche used to present value judgements. Rationalization mechanisms appear mainly through historical anchors. Mythopoesis mechanisms articulate the call for punishment of Chinese consumption. Unlike the pragmatic dimension, moral legitimacy relies on effective moral evaluation.

4.2.3. Cognitive legitimacy dimension

Although cognitive legitimacy accounts for only 10.2% of the total corpus, its linguistic manifestations represent the most profound institutional shift in the dataset: the transition from "alien" to "normal." Early commenters (2014-2016) exhibited a complete cognitive legitimacy deficit, using lexemes of incomprehension such as *"непонятные"* (incomprehensible) or *"инопланетные"* (alien), linguistically positioning the brands outside the established taxonomic boundaries of the automotive market.

By the 2020-2023 period, cognitive legitimization is achieved primarily through the discursive mechanism of mythopoesis, specifically realized through normalization narratives. Linguistically, this is enacted through specific temporal adverbs and generic pronouns. Consider the following example: *"СКОРО ВСЕ БУДУТ НА КИТАЙЦАХ ЕЗДИТЬ"* (Soon everyone will be driving Chinese cars) (2023). The temporal adverb *"Скоро"* (soon) creates a trajectory of inevitability. The universal quantifier/generic pronoun *"все"* (everyone) overrides individual consumer choice, establishing market dominance as a collective, naturalized future reality.

Furthermore, users frequently employ comparative historical analogies to enact cognitive assimilation: *"Когда появились первые японцы, бывалые владельцы лады ухмылялись"* (When the first Japanese cars appeared, experienced Lada owners smirked) (2017). This specific narrative structure normalizes current skepticism by framing it as a temporary, repeatable historical phase. By grammatically parallelizing the Chinese entry into the market with the previously legitimized

Japanese entry, the discourse removes the “exotic” stigma, repositioning Chinese automobiles within a familiar, historically validated cognitive schema.

The performed analysis shows that cognitive legitimacy is mainly constructed through mythopoiesis. Common tools are comparative mechanisms referring to historical analogies comparing Chinese automobiles to Japanese and Koreans. Comparisons are complemented by rationalization mechanisms. Moral evaluation is notably absent.

The performed analysis lets us clearly distinguish three stages of legitimacy evolution (Table 2). During the first stage (2014-2016), Chinese automobile brands were perceived with great skepticism across three legitimacy dimensions. During this period, consumer comments focused on poor quality, safety concerns, and the perception of Chinese cars as inferior alternatives suitable only for budget-constrained buyers.

The second stage (2017-2019) marks the transition to legitimacy. At this stage, we observe consumers’ recognition of automobiles at the pragmatic level. However, the recognition is accompanied by persistent concerns about the moral dimension. At this stage, we observe the first traits of normalization narratives, as consumers begin comparing Chinese brands with their reputable competitors.

By the third stage (2020-2023), pragmatic legitimacy is achieved. Cognitive normalization accelerated significantly, with Chinese brands increasingly framed as legitimate alternatives rather than questionable choices. Moral legitimacy improved modestly but remained the primary barrier to full market acceptance.

Table 2. *Temporal evolution of legitimacy dimensions*

Dimension	2014–2016	2017–2019	2020–2023
Pragmatic	Low (cheap, unreliable)	Moderate (good features, price debates)	High (value leader, competitive pricing)
Moral	Very Low (unsafe, unethical)	Low (some improvement, still distrusted)	Moderate (improving, but political baggage)
Cognitive	Very Low (exotic, fringe)	Low (emerging, niche)	Moderate (accepted as legitimate player)

Note. Summarized by the author. Qualitative labels (Low, Moderate, High) reflect the synthesized outcomes of the manual polarity coding combined with the thematic saturation of legitimation mechanisms. “Low” indicates prevailing negative polarity and a deficit of rationalization/authorization; “Moderate” indicates an emerging balance of neutral/positive polarity alongside comparative normalization; “High” indicates dominant positive/neutral polarity and the widespread presence of naturalized, authoritative discourse.

A critical aspect of the legitimation process observed in the empirical material of the study is the continuous dialogic engagement (Bakhtin, 1981) between the lay consumer and the professional automotive journalist. Consumer comments on these platforms do not exist in a vacuum. They rather operate as direct, often adversarial, responses to the institutional discourse of the test-drive articles above them.

Consumers frequently utilize quotation and direct address to challenge or validate the expert’s narrative, thereby renegotiating cognitive and pragmatic legitimacy. For example, commentators frequently target the journalist’s vocabulary or omissions, e.g., “Из статьи напрашивается вывод, что Н7 не дотягивает до конкурентов только из-за управляемости, которой пол статьи посвятили. Вот на кой хрен, простой смертный будет заморачиваться этими нюансами на семейном кроссовере? ... А в целом, смотрится гораздо интереснее Спортейджа, интерьер, экстерьер, простор в салоне, опции, ценник” (From the article, the conclusion

suggests that the H7 falls behind its competitors only because of the handling, to which half the article was devoted. Why the hell would a mere mortal bother with these nuances in a family cross-over? ... But overall, it looks far more interesting than the Sportage – the interior, the exterior, cabin space, features, the price tag).

In such instances, users activate the discursive mechanism of anti-authorization, challenging the institutional authority of the journalist. By juxtaposing the journalist's expert opinion with the "ordinary human" common sense, users democratize the legitimation process. The comment section thus transforms from a passive feedback loop into an active discursive battleground where the "professional" framing of Chinese cars is either collaboratively strengthened or persuasively deconstructed by the collective intelligence of the e-WOM community.

5. DISCUSSION AND CONCLUSION

In this study, which aimed to explore how Russian consumers discursively construct, challenge, and renegotiate pragmatic, moral, and cognitive legitimacy for Chinese automotive brands on specialized forums, we examined the evolution of the Chinese automobile legitimacy process in the Russian market. We randomly selected 1,144 consumer comments from two online automobile forums published from 2014 to 2023. Drawing on the integrative framework developed based on Suchman's legitimacy dimensions and van Leeuwen's legitimation mechanisms, we performed content analysis. Our findings allow us to reconstruct a complex, multidimensional legitimation process.

Rather than correcting Suchman's (1995) theoretical paradigm, our findings provide critical empirical evidence of how legitimation sequences unfold in highly transitional, non-Western market contexts. In markets where functional evaluation criteria dominate, we observe a distinct empirical asynchronicity: pragmatic legitimacy acts as the vanguard, establishing itself rapidly through rationalized cost-benefit discourses, with moral and cognitive legitimacy lagging significantly, weighed down by historically entrenched cultural stereotypes. The findings suggest that pragmatic legitimation goes along with product quality improvement that triggers consumers' reevaluation, while moral legitimacy is linked with value-based judgements deeply rooted in consumers' minds and is highly resilient to change. This sequence appears particularly suited to markets where functional evaluation criteria dominate and where entering brands confront major stereotyping or historical reputation challenges (Deephouse & Suchman, 2008).

Drawing on Van Leeuwen's (2007) legitimation mechanisms, we demonstrate how authorization, moral evaluation, rationalization, and mythopoiesis are realized through specific grammatical and lexical means in Russian-language consumer comments.

By analyzing the specific lexico-grammatical choices (e.g., epistemic modality, culturally embedded metaphors, the use of the "us vs. them" juxtaposition through pronouns, syntactic framing), our study demonstrates that consumer legitimation is not merely a shift in numerical sentiment, but a complex linguistic renegotiation. The transition from using agrarian synecdoche (i.e., delegitimizing) to utilizing the precise statistical lexicon of automotive professionals (i.e., legitimizing) illustrates how macro-level institutional changes in the Russian market are enacted at the micro-discursive level. This highlights the value of merging organizational legitimacy frameworks with critical discourse analysis, providing a deeper understanding of how perceptions of the market are constructed through everyday language.

Then, we offer a dynamic perspective to the evolution of the legitimation process by tracing legitimation over a decade.

Moreover, we operationalize discursive legitimacy processes at the consumer level. Our findings demonstrate that consumers are active legitimacy constructors rather than mere reflectors (Etter et al., 2018; Palazzo & Scherer, 2006). Thus, we extend digital professional discourse research by demonstrating how consumer comments operate as a response to professional journalism. This interplay between professional and lay discourse offers a novel perspective on how legitimation unfolds interactively in online platforms. The study stresses the increasing importance of the digital space in the construction of discursive legitimacy. The online forum's function extends far beyond the reflection of consumer sentiments, serving as an active legitimacy platform where market categories are constructed, challenged, and reconstructed by means of everyday communicative practices.

From a practical standpoint, the findings are beneficial for marketers, highlighting the success of the pragmatic legitimacy strategy prior to implementation. Emphasizing price-performance advantages, extended warranties, and feature superiority is a practical market-entry approach in price-sensitive markets with functional evaluation criteria. The outcomes indicate the relevance of strategic discourse framing in legitimacy acquisition. Given the asynchronous nature of development, marketers may strategically prioritize legitimacy dimensions.

By examining the comment sections of professional test-drive overviews, our study highlights the dialogic nature of digital consumer-to-consumer (C2C) discourse. Though the professional journalists provide the institutional foundation (e.g., detailing specifications and aesthetics), it is within the consumer comment sections that these expert evaluations are collectively contested, validated, or rejected. We demonstrate that ordinary consumers do not merely absorb institutional legitimacy - they actively engineer it from the bottom up, using highly specific lexico-grammatical means to restructure market hierarchies in real time.

The study is not without limitations. The data were gathered from two internet forums. Online forum users tend to overrepresent a more technically informed population. Moreover, male users outnumber female ones, which may downplay the female consumer perspective. Therefore, the findings do not aim for generalizability but rather demonstrate the general trend. Online comments from forums reflect the opinions of more active and adaptable consumers who are better informed about technological developments in automobiles and may differ from those of the general public.

Acknowledgment

This article is an output of a research project (**HSE-BR-2025-45**) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

Conflict of interest

The author states that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Aldrich, H. E. (1996). Entrepreneurial strategies in new organizational populations. In I. Bull, H. Thomas, & G. Willard (Eds.), *Entrepreneurship: Perspectives on theory building* (pp. 211–228). Pergamon.

2. Aldrich, H. E., & Fiol, C. M. (1994). Fools rush in? The institutional context of industry creation. *Academy of Management Review*, 19(4), 645–670. <https://doi.org/10.5465/amr.1994.9412190214>
3. Baan, W., Luan, L., Poh, F., & Zipser, D. (2017). Double-clicking on the Chinese consumer. McKinsey & Company. <https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/double-clicking-on-the-chinese-consumer>
4. Bakhtin, M. (1981). *The dialogic imagination: Four essays*. University of Texas Press.
5. Bardin, L. (1986). *Análisis de contenido* [Content analysis]. Akal. (in Spanish)
6. Bingham, A. J. (2023). From data management to actionable findings: A five-phase process of qualitative data analysis. *International Journal of Qualitative Methods*, 22. <https://doi.org/10.1177/16094069231183620>
7. Braun, V., & Clarke, V. (2021). *Thematic analysis: A practical guide*. Sage.
8. Castelló, I., Etter, M., & Årup Nielsen, F. (2016). Strategies of legitimacy through social media: The networked strategy. *Journal of Management Studies*, 53(3), 402–432. <https://doi.org/10.1111/joms.12145>
9. Castells, M. (2013). *Communication power* (2nd ed.). Oxford University Press.
10. Chandrasen, A., & Paliwoda, S. J. (2009). Country of Assembly (COA) effect on perceived automobile quality: a Thai consumers' perspective. *Journal of Marketing Management*, 25(5–6), 483–499. <https://doi.org/10.1362/026725709X461812>
11. Crane, A. (2013). Modern slavery as a management practice: Exploring the conditions and capabilities for human exploitation. *Academy of Management Review*, 38(1), 49–69. <https://doi.org/10.5465/amr.2011.0145>
12. Dauvergne, P., & LeBaron, G. (2014). *Protest Inc.: The corporatization of activism*. Polity.
13. Deephouse, D. L. (1996). Does isomorphism legitimate? *Academy of Management Journal*, 39(4), 1024–1039. <https://doi.org/10.5465/256722>
14. Deephouse, D. L., & Suchman, M. (2008). Legitimacy in organizational institutionalism. In R. Greenwood, C. Oliver, R. Suddaby, & K. Sahlin (Eds.), *The Sage handbook of organizational institutionalism* (pp. 49–77). Sage.
15. Deephouse, D. L., Bundy, J., Tost, L. P., & Suchman, M. C. (2017). Organizational legitimacy: Six key questions. In R. Greenwood, C. Oliver, T. B. Lawrence, & R. E. Meyer (Eds.), *The SAGE handbook of organizational institutionalism* (2nd ed., pp. 27–54). Sage.
16. DiMaggio, P. J., & Powell, W. W. (1983). The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological Review*, 48(2), 147–160. <https://doi.org/10.2307/2095101>
17. Dowling, J., & Pfeffer, J. (1975). Organizational legitimacy: Social values and organizational behavior. *Pacific Sociological Review*, 18(1), 122–136. <https://doi.org/10.2307/1388226>
18. Etter, M., Colleoni, E., Illia, L., Meggiorin, K., & D'Eugenio, A. (2018). Measuring organizational legitimacy in social media: Assessing citizens' judgments with sentiment analysis. *Business & Society*, 57(1), 60–97. <https://doi.org/10.1177/0007650316683926>
19. Fernando, S., & Lawrence, S. (2014). A theoretical framework for CSR practices: Integrating legitimacy theory, stakeholder theory and institutional theory. *Journal of Theoretical Accounting Research*, 10(1), 149–178.
20. Fetscherin, M., & Toncar, M. (2009). Country of origin effect on US consumers' brand personality perception of automobiles from China and India. *Multinational Business Review*, 17(2), 111–128. <https://doi.org/10.1108/1525383X200900012>

21. Govorova, A. V. (2023). History and paradoxes of the Chinese car market: Eastern strategies and the Asian regulator. *Studies on Russian Economic Development*, 34(1), 150–158. <https://doi.org/10.1134/S1075700723010069>
22. Guest, G., Bunce, A., & Johnson, L. (2006). How many interviews are enough? An experiment with data saturation and variability. *Field Methods*, 18(1), 59–82. <https://doi.org/10.1177/1525822X05279903>
23. Han, C. M. (1989). Country image: Halo or summary construct? *Journal of Marketing Research*, 26(2), 222–229. <https://doi.org/10.1177/002224378902600208>
24. Hennig-Thurau, T., Gwinner, K. P., Walsh, G., & Gremler, D. D. (2004). Electronic word-of-mouth via consumer-opinion platforms: What motivates consumers to articulate themselves on the internet? *Journal of Interactive Marketing*, 18(1), 38–52. <https://doi.org/10.1002/dir.10073>
25. Hutchins, J., Sinha, M., & Nandan, S. (2019). The sustainability route to corporate legitimacy. *Journal of Global Scholars of Marketing Science*, 29(1), 15–24. <https://doi.org/10.1080/21639159.2018.1551727>
26. Jackson, S. L. (2009). *Research methods and statistics: A critical thinking approach* (3rd ed.). Wadsworth Cengage Learning.
27. Joutsenvirta, M., & Vaara, E. (2015). Legitimacy struggles and political corporate social responsibility in international settings: A comparative discursive analysis of a contested investment in Latin America. *Organization Studies*, 36(6), 741–777. <https://doi.org/10.1177/0170840615571958>
28. Kapferer, J. N. (2012). *The new strategic brand management: Advanced insights and strategic thinking* (5th ed.). Kogan Page.
29. Khoirina, M. M., Handriana, T., & Usman, I. (2025). Consumer skepticism: A systematic literature review on its effects and future research directions. *International Journal of Innovative Research and Scientific Studies*, 8(3), 1784–1792. <https://doi.org/10.53894/ijirss.v8i3.6886>
30. Koller, V. (2008). ‘The world in one city’: Semiotic and cognitive aspects of city branding. *Journal of Language and Politics*, 7(3), 431–450. <https://doi.org/10.1075/jlp.7.3.05kol>
31. Krippendorff, K. (2018). *Content analysis: An introduction to its methodology* (4th ed.). Sage.
32. Landis, J. R., & Koch, G. G. (1977). The measurement of observer agreement for categorical data. *Biometrics*, 33(1), 159–174. <https://doi.org/10.2307/2529310>
33. Litvin, S. W., Goldsmith, R. E., & Pan, B. (2008). Electronic word-of-mouth in hospitality and tourism management. *Tourism Management*, 29(3), 458–468. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2007.05.011>
34. Machin, D., & Mayr, A. (2023). *How to do critical discourse analysis: A multimodal introduction* (2nd ed.). Sage.
35. Mahoney, J., & Goertz, G. (2006). A tale of two cultures: Contrasting quantitative and qualitative research. *Political Analysis*, 14(3), 227–249. <https://doi.org/10.1093/pan/mpj017>
36. Meyer, J. W., & Rowan, B. (1977). Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony. *American Journal of Sociology*, 83(2), 340–363. <https://doi.org/10.1086/226550>

37. Palazzo, G., & Scherer, A. G. (2006). Corporate legitimacy as deliberation: A communicative framework. *Journal of Business Ethics*, 66(1), 71–88. <https://doi.org/10.1007/s10551-006-9044-2>
38. Pang, B., & Lee, L. (2008). Opinion mining and sentiment analysis. *Foundations and Trends® in Information Retrieval*, 2(1–2), 1–135. <https://doi.org/10.1561/15000000011>
39. Piñeiro-Naval, V. (2020). The content analysis methodology. Uses and applications in communication research on Spanish-speaking countries. *Communication & Society*, 33(3), 1–15. <https://doi.org/10.15581/003.33.3.1-15>
40. Şahinüz, S., Ustabaş, A., & Afacan Fındıklı, M. (2024). The effect of corporate discourses in brand awareness and legitimacy: The rhetorical analysis of an automobile brand. *Asia Pacific Management Review*, 29(4), 427–440. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2024.08.001>
41. Schultz, F., Castelló, I., & Morsing, M. (2013). The construction of corporate social responsibility in network societies: A communication view. *Journal of Business Ethics*, 115(4), 681–692. <https://doi.org/10.1007/s10551-013-1826-8>
42. Scott, W. R. (1995). *Institutions and organizations*. Sage.
43. Stevens, G. (2024). *Braun and Clarke's approach to thematic analysis*. Academic Writing and Research. <https://academic-writing.uk/braun-clarke-thematic-analysis/>
44. Suchman, M. C. (1995). Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches. *Academy of Management Review*, 20(3), 571–610. <https://doi.org/10.5465/amr.1995.9508080331>
45. Uldam, J., & Vestergaard, A. (Eds.). (2015). *Civic engagement and social media: Political participation beyond protest*. Palgrave Macmillan.
46. Van Leeuwen, T. (2007). Legitimation in discourse and communication. *Discourse & Communication*, 1(1), 91–112. <https://doi.org/10.1177/1750481307071986>
47. Verbeke, A., & Tung, V. (2013). The future of stakeholder management theory: A temporal perspective. *Journal of Business Ethics*, 112(3), 529–543. <https://doi.org/10.1007/s10551-012-1276-8>
48. Verlegh, P. W., & Steenkamp, J. B. E. (1999). A review and meta-analysis of country-of-origin research. *Journal of Economic Psychology*, 20(5), 521–546. [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(99\)00023-9](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(99)00023-9)
49. Wang, X., & Yang, Z. (2008). Does country-of-origin matter in the relationship between brand personality and purchase intention in emerging economies? Evidence from China's auto industry. *International Marketing Review*, 25(4), 458–474. <https://doi.org/10.1108/02651330810887495>
50. Washington, M., & Zajac, E. J. (2005). Status evolution and competition: Theory and evidence. *Academy of Management Journal*, 48(2), 282–296. <https://doi.org/10.5465/amj.2005.16928408>
51. Yu, X. F., & Zheng, H. C. (2023). An overview of research on discursive legitimation. *Open Journal of Social Sciences*, 11(10), 112–127. <https://doi.org/10.4236/jss.2023.1110008>
52. Zucker, L. G. (1977). The role of institutionalization in cultural persistence. *American Sociological Review*, 42(5), 726–743. <https://doi.org/10.2307/2094862>

About the author

Anna N. Tikhomirova, PhD, is an Associate Professor at the Faculty of Social Science, School of Sociology, Department of Economic Sociology; Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University (Moscow, Russia). Her research focuses on consumer behavior, consumer culture, and trust-related behavior.

ORCID: 0000-0002-7563-6711

Received: January 12, 2026.

Accepted: June 18, 2026.

Appendix A*Coding sample*

Legitimacy dimension	Codes	Operationalization
Pragmatic Legitimacy	Price/Value	Comments about cost, pricing strategy, value for money
	Quality/Reliability	Mentions of build quality, durability, defects
	Features/Equipment	Discussion of technical specifications
	Performance	Acceleration, handling, fuel economy
	Service/Spare parts	Dealer network, maintenance, spare parts availability
	Comfort	Ride quality, noise, ergonomics
Moral Legitimacy	Copying/Originality	Accusations of plagiarism vs. acknowledgment of innovation
	Honesty/Transparency	Perceptions of truthful marketing, specification accuracy
	Contribution to Economy	Job creation, local investment (Russian factory)
	Business Ethics	Fair competition, respect for intellectual property
Cognitive Legitimacy	Brand Recognition	Familiarity with Chinese brands
	Progress Recognition	Acknowledgement of improvement over time
	Market Position	Understanding the automobile position in the market structure
	Future Expectations	Predictions about brand trajectory
	Acceptance	Assumptions about Chinese automobiles as “normal” choice

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-85-113>

СТРУКТУРА ТЕРМИНОПОЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА В АНГЛО-РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

И.А. Жилина

*Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Центральный филиал
(Воронеж, Россия)
irina1985_2004@mail.ru*

Аннотация: Институциональная асимметрия юридических терминов не однородна, а градуирована: расхождение между термином и его переводным соответствием залегает на разных уровнях – от статуса отдельной единицы до строения целого терминологического поля. В работе показано, что структура терминологического поля воспроизводит структуру обслуживаемого им правового института, и именно это соответствие определяет уровень, на котором переводной эквивалент перестает быть надежным. На материале четырех показательных случаев, выстроенных по нарастанию уровня расхождения – от статуса института (*magistrate*) через категориальную классификацию (*felony / misdemeanour*) и тип правового средства (*injunction*) к строению поля (английский ряд наименований юриста при едином русском «адвокат»), – выделяется шкала, на которой функция термина и его эквивалента может совпадать, создавая иллюзию эквивалентности, тогда как действительное расхождение лежит в институциональной структуре. Анализ сочетает сопоставление словарных, нормативных и корпусных данных (Британский национальный корпус) с разбором аутентичных судебных решений. Корпусные данные привлекаются как независимая верификация словарных и нормативных наблюдений: для опорных терминов установлены абсолютные частоты и построены коллокационные профили, подтверждающие институциональную обусловленность расхождений. По результатам анализа выстроена типология из четырех уровней асимметрии, на каждом из которых расхождение захватывает все больший объем институциональной структуры – от статуса единицы к строению целого поля. Практическая значимость результатов двойственна: для перевода они служат ориентиром, когда достаточно функционального эквивалента, а когда необходимо институциональное пояснение; для двуязычной лексикографии обосновывают институциональную помету, указывающую уровень расхождения термина с его соответствием. Предлагаемый подход смещает описание от констатации межсистемных различий к объяснению их механизма и градуированности. Тем самым институциональная асимметрия описывается не как разрозненный перечень несовпадений, а как упорядоченное, градуированное явление, а само понятие соответствия между структурой терминополья и устройством правового института предлагается в качестве инструмента, примененного к сопоставительному анализу юридических терминологий за пределами рассмотренной пары языков.

Ключевые слова: институциональная асимметрия, юридическая терминология, юридический перевод, терминологическое поле, функциональная эквивалентность, правовой институт, корпусная лингвистика.

Для цитирования: Жилина, И.А. (2026). Структура терминополья как отражение правового института в англо-русской юридической терминологии. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(3), 85–113. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-85-113>

1. ВВЕДЕНИЕ

Юридический термин принадлежит не языку как таковому, а той правовой системе, которая этот язык использует, – и именно поэтому прямое соответствие между терминологиями двух систем встречается так редко: за внешне совпадающими наименованиями нередко стоят различно устроенные институты. Свойство это давно осознано и в сопоставительном правоведении, и в теории юридического перевода, однако конкретные его проявления в паре «английский – русский» описаны до сих пор неравномерно.

Особый интерес представляют, на наш взгляд, те случаи, в которых переводное соответствие формально безупречно и функции сопоставляемых понятий совпадают, а за термином тем не менее стоит иначе устроенный правовой институт. Английский *magistrate* и русский «мировой судья» рассматривают мелкие дела в первой инстанции – но различаются по профессиональному статусу; *injunction* и обеспечительная мера служат, казалось бы, одному и тому же судебному запрету – но принадлежат к разным категориям права; единому же русскому «адвокат» отвечает целый развитый английский ряд наименований юриста. Во всех этих случаях расхождение лежит не в значении и не в функции термина, а в той институциональной структуре, которая за ним стоит. Такой тип расхождения до сих пор не выделялся в самостоятельную категорию и не описывался как градуированное явление.

Цель настоящей статьи – выделить и описать институциональную асимметрию как особый тип межъязыкового расхождения в англо-русской юридической терминологии и показать, что она распределена по нескольким уровням, от статуса отдельного термина до строения целого терминологического поля.

Научная новизна работы, как нам представляется, в том и состоит, что мы вводим понятие соответствия между структурой терминологического поля и устройством правового института, а разрозненные случаи межъязыкового расхождения выстраиваем в единую шкалу уровней институциональной асимметрии. В отличие от предшествующих исследований, описывавших отдельные англоязычные единицы или формулировавших общий принцип системно-структурного укоренения термина, мы рассматриваем материал контрастивно – в прямом сопоставлении английской и русской терминологии – и опираемся при этом на аутентичные судебные источники, включая решения Верховного суда США и Верховного суда Великобритании.

Актуальность исследования определяется расширением международно-правовой коммуникации и связанным с ним ростом потребности в точном юридическом переводе и качественной двуязычной лексикографии. Практика перевода и составления словарей нередко ограничивается подбором функционального эквивалента, который передает роль термина, но не его институциональную принадлежность. Описание институциональной асимметрии

и ее уровней дает критерий для того, чтобы определить, в каких случаях функциональный эквивалент достаточен, а в каких он требует институционального пояснения.

Материалом исследования служат четыре терминологических случая, расположенных по нарастанию уровня расхождения: *magistrate* и «мировой судья»; *felony / misdemeanour* и российские категории преступлений; *injunction* и обеспечительные меры; англоязычный ряд наименований юриста при едином русском «адвокат». Выбор кейсов обусловлен не статистической представительностью, а их контрастностью: каждый иллюстрирует свой уровень асимметрии, а вместе они образуют шкалу. Статья построена по следующей логике: после изложения теоретических оснований и описания материала и методов последовательно анализируются четыре случая, а затем результаты сводятся в типологию уровней институциональной асимметрии.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Правовая система как источник системной связанности термина

Юридическую терминологию мы рассматриваем как качественно отличную от терминологий естественных и технических наук. Причина этого отличия в том, что ее единицы не отсылают к универсальным денотатам. Если химический или медицинский термин обозначает один и тот же объект независимо от языка, то термин юридический существует лишь в пределах конкретной правовой системы и обозначает понятие, за этими пределами не имеющее точного соответствия. Сравнительное правоведение давно установило, что правовые системы мира объединяются в правовые семьи – прежде всего романо-германскую (континентальную) и англо-американскую (общего права). Эти семьи различаются не только содержанием норм, но и самим устройством правовых институтов, источников права и юридического мышления (David & Brierley, 1978; Zweigert & Kötz, 1998). Юридический язык в этом отношении и выступает языком для специальных целей, чьи функции и терминология определяются устройством обслуживаемой им правовой культуры (Mattila, 2013).

Отсюда вытекает свойство юридического языка, которое Г.-Р. де Гроот определяет как системную специфичность (*system-specificity*). В одном естественном языке существует не один юридический язык, а столько, сколько правовых систем используют данный язык как язык права (de Groot, 2006, p. 423). Английский юридический язык Англии, США, Шотландии и иных юрисдикций общего права – это не один, а несколько юридических языков, поскольку за внешне совпадающими терминами стоят различно устроенные институты. Перевод юридического термина оказывается поэтому операцией не между языками, а между правовыми системами. Переводчик устанавливает, какому понятию исходной системы соответствует понятие системы языка перевода (de Groot, 2006, pp. 423–424).

В отечественной традиции близкое понимание выражено в системоцентрическом подходе к юридическому термину, согласно которому термин определяется через его место в структуре правовой нормы и правовой системы в целом (Хижняк, 1997). Близкую мысль высказывает К. М. Левитан: своеобразие национального языка права обусловлено его органической связью с правовой системой конкретного государства, и потому изучение иностранного языка означает для юриста одновременное освоение иной правовой системы (Левитан, 2012, с. 47). В когнитивном ключе это положение развивает С. П. Хижняк, показывая, что концептосферы, семантические и семиотические пространства разных языков права находятся в постоянном взаимодействии и могут вступать в отношения вариативности (Хижняк, 2016, с. 39).

Именно это положение – о том, что термин укоренен в устройстве института, – мы и намерены довести до его логического предела. Если структура права отражается в отдельном термине, то в развитом терминологическом ряду она должна отражаться тем более, вплоть до того, что дробность самого поля окажется слепком с дробности института. Проследить это соответствие и показать, что оно проявляется не разом, а градуированно – от единичного термина к целому полю, – и составляет задачу дальнейшего изложения.

2.2. Функциональная эквивалентность и ее предел

Базовым методологическим принципом сопоставительного правоведения признается принцип функциональности, согласно которому сопоставимы не нормы или институты сами по себе, а функции, которые они выполняют в решении сходных жизненных задач (Zweigert & Kötz, 1998, p. 34). Отсюда следует, что одна и та же функция может выполняться институционально различными средствами. К. Цвайгерт и Х. Кётц приводят такой пример. Функцию защиты добросовестного приобретателя недвижимости в Германии выполняет поземельная книга с принципом «публичной достоверности», а в США – частные компании страхования титула (Zweigert & Kötz, 1998, p. 39).

В теории юридического перевода этот принцип преломляется в понятии функционального эквивалента, когда исходному термину подбирается единица языка перевода, обозначающая ближайшее функционально сходное понятие (Šarčević, 1997, p. 236; Cao, 2007). Однако, вслед за Г.-Р. де Гроотом, мы исходим из того, что функциональной близости для признания эквивалентности недостаточно: необходимо еще и сходное системное и структурное укоренение (*systematic and structural embedding*) термина в соответствующей правовой системе (de Groot, 2006, p. 425). Именно отсюда и берет начало основное предположение нашего исследования – что расхождение между исходным термином и его переводным соответствием нередко сосредоточено не в денотате и не в функции, а в той институциональной структуре, которая стоит за термином. В отечественном переводоведении сходная идея выражена через понятие асимметрии: объемы значений эквивалентных терминов совпадают лишь в ограниченном числе случаев, а чаще не совмещаются по всем признакам передаваемых понятий, что С. В. Власенко и В. А. Заславская относят к семантической и функциональной асимметрии языковых картин мира (Власенко, Заславская, 2015, с. 224–225).

Г.-Р. де Гроот различает несколько степеней эквивалентности – от полной (возможной лишь внутри одной двуязычной правовой системы, как в Бельгии, Швейцарии или Канаде) до частичной, при которой в одной системе существует различие, отсутствующее в другой (de Groot, 2006, pp. 424–425). При отсутствии приемлемого эквивалента переводчик прибегает к субсидиарным решениям, среди которых сохранение исходного термина, парафраз или неологизм (de Groot, 2006, pp. 425–429). В современных исследованиях институционального перевода эта проблематика рассматривается в более широкой рамке: вся работа международных институтов имеет правовое основание и вращается вокруг разработки, имплементации и распространения правовых актов, в силу чего перевод их терминологии подчиняется требованиям нормативности, авторитетности и правовой определенности (Prieto Ramos, 2018, pp. 1–2). Семиотическую трактовку этой проблематики предлагают Л. Чэн и К. К. Син: поскольку юридический термин есть знак, наделяемый значением в рамках конкретной правовой системы, терминологическая эквивалентность оказывается не тождеством означаемых, а соответствием знаков в разных знаковых системах права (Cheng & Sin, 2008, pp. 33–35). Институциональная обусловленность юридического термина отмечается и в жанровом анализе профессионального дискурса, где юридический текст

рассматривается как жанр, неотделимый от институционального контекста своего порождения (Bhatia, 1993).

2.3. Терминологическое поле и его структура

Юридические термины не существуют поодиночке, они образуют упорядоченные совокупности – терминосистемы, в которых единицы связаны системными отношениями. Отечественное терминоведение рассматривает терминосистему как структурированное множество, отражающее систему понятий соответствующей области знания (Гринёв-Гриневич, 2008; Суперанская и др., 2012). Системность признается при этом основным признаком терминологии, и термин, по существу, существует не изолированно, а лишь как элемент терминосистемы, манифестирующей систему понятий определенной области знания (Комарова, 2023, с. 13–14). В отечественном терминоведении сама терминосистема описывается как объект со своим предметом, методами и внутренней структурой, что и задает рамку для ее упорядочения (Лейчик, 2007). Структурный и функциональный анализ терминологии обнаруживает отношения между единицами, в том числе синонимию и многозначность, которые С. В. Гринёв-Гриневич относит к числу важнейших характеристик, подлежащих учету при описании и упорядочении терминологии (Гринёв-Гриневич, 2008). Близкое понимание системности находим в исследованиях юридико-политической терминологии: И. Н. Фомина отмечает, что значение термина определяется не столько непосредственным контекстом, сколько его семантическим окружением – связанными с ним терминами внутри терминосистемы и тем, как семантическая область поделена между ними (Фомина, 2019, с. 42).

Существенно здесь то, что синонимия в терминосистеме – отнюдь не случайное дублирование, а нередко отражение реальной дифференциации обозначаемых понятий. И если в одной правовой системе существует развитый ряд специализированных наименований, а в другой – единственное обобщающее, то различие это, как нам представляется, не поверхностно: различие в структуре терминологического поля отражает различие в структуре самой обозначаемой институциональной области. Такую зависимость мы и определяем как структурное соответствие между терминологическим полем и правовым институтом.

2.4. Отечественная традиция изучения юридического языка и перевода

Исследование выполнено в русле российской юрислингвистики – научного направления, сложившегося в отечественной науке на рубеже веков и изучающего взаимоотношения языка и права, в том числе юридическую терминологию и юридический перевод (Голев, 1999). Право при этом принадлежит к институциональным сферам общения, в которых язык обслуживает устойчивые социальные институты, а значения единиц закреплены за ролями участников и типами ситуаций (Карасик, 2009, с. 11). В рамках этого направления и смежных исследований по теории юридического перевода неоднократно отмечалось, что адекватность перевода юридической терминологии определяется культурным и системным компонентом значения термина, а также контекстом его употребления (Атабекова, 2013). На материале способов перевода юридических терминов показано, что значительная их часть передается описательно или транслитерацией именно потому, что объем исходного понятия не имеет прямого соответствия в принимающей системе (Бушев, 2010, с. 21). Сходные наблюдения о том, что основания классификации отраслей права в Англии и России различаются в силу принадлежности этих стран к разным правовым системам, представлены в работах по основам юридического перевода (Борисова, 2024, с. 58). Наша работа

и развивает эти положения – применительно к конкретной паре языков, английскому и русскому, и к конкретному типу расхождения, который мы называем институциональным.

2.5. Гипотеза исследования и отношение к предшествующим работам

Отдельные случаи, рассматриваемые в настоящей статье, уже привлекали внимание исследователей. Так, Д. Цао перечисляет англоязычный ряд наименований юриста (*lawyer, counsel, advocate, attorney, solicitor, barrister*) и связывает его дифференциацию с региональным фактором (британское *solicitor / barrister* против американского *attorney*) и с функциональным разделением труда внутри профессии (Cao, 2007, pp. 60–62); термины *magistrate, judge, justice* она относит к словам, связанным со структурой судебной системы (*system-bound words*) (Cao, 2007, p. 62). Г.-Р. де Гроот формулирует общее положение о необходимости системно-структурного укоренения для признания эквивалентности (de Groot, 2006, p. 425). Сам тип расхождения, при котором элементы понятия в одном языке распределены между несколькими терминами другого, отмечен и на материале юридико-политической терминологии (Фомина, 2019, с. 41).

Настоящее исследование опирается на эти положения, однако идет, как нам представляется, дальше. Предшествующие работы описывают англоязычные единицы как таковые и формулируют общие принципы перевода. Мы же рассматриваем их контрастивно, в сопоставлении с русской терминологией, и формулируем из этого более общую закономерность – структура терминологического поля соответствует структуре правового института, а межъязыковая асимметрия проявляется на разных уровнях, от статуса отдельного термина до строения целого терминопоя. Описанные ранее наблюдения подкрепляются у нас аутентичным судебным материалом (решения Верховного суда США и Верховного суда Великобритании) и выстраиваются в типологию из нескольких уровней институциональной асимметрии, что и составляет основной результат работы.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом исследования служат четыре терминологических случая англо-русской юридической терминологии, отобранные по принципу нарастания уровня институциональной асимметрии: *magistrate* и сопоставимый русский термин «мировой судья»; пара *felony / misdemeanour* и российские категории преступлений; *injunction* и российские обеспечительные меры; англоязычный ряд наименований юриста (*counsel, lawyer, barrister, solicitor, advocate, attorney*) при едином русском термине «адвокат». Каждый случай представляет отдельный уровень расхождения, от статуса отдельного термина до строения целого терминологического поля, и это определяет логику их последовательного рассмотрения.

Отбор примеров мотивирован не статистической представительностью, а их контрастностью. Каждая единица иллюстрирует свой тип институционального расхождения, а вместе они образуют градуированную шкалу. Такой принцип отбора характерен для качественного сопоставительного анализа, цель которого – выделить и описать типы явления, а не измерить их частотность.

3.1. Источники

В работе используются четыре группы источников.

Во-первых, авторитетная одноязычная и переводная лексикография: *Black's Law Dictionary* (2009), *A Dictionary of Modern Legal Usage* (Garner, 1987), *A Dictionary of Law*

(Martin, 1997), англо-русские юридические словари (Мамулян, Кашкин, 1993; Андрианов и др., 1993), а также русско-английский юридический словарь (Борисенко, Саенко, 2000).

Во-вторых, нормативные акты обеих правовых систем. С российской стороны привлекаются Уголовный кодекс РФ (ст. 15), Арбитражный и Гражданский процессуальные кодексы (ст. 90–100 АПК РФ; ст. 139–146 ГПК РФ), Гражданский кодекс РФ (ст. 12, 1065), а также Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» (ФЗ-188). Со стороны общего права – Access to Justice Act 1999, Courts Act 2003¹, Criminal Law Act 1967², Solicitors Act 1974 (Великобритания)³ и 18 U.S.C. § 3559⁴ (США).

В-третьих, судебные решения как источник аутентичного словоупотребления: решения Верховного суда США *Baldwin v. New York* (1970)⁵ и *Winter v. Natural Resources Defense Council* (2008)⁶, а также решение Верховного суда Великобритании *For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers* (2025)⁷ UKSC 16.

В-четвертых, официальные информационные ресурсы судебных систем и профессиональных органов: Courts and Tribunals Judiciary (портал судебной власти Англии и Уэльса), GOV.UK (портал правительства Великобритании), Cornell Law School Legal Information Institute (открытый ресурс по праву США), Practical Law UK (справочно-правовой ресурс Thomson Reuters), Solicitors Regulation Authority (регулятор солиситоров) и Bar Standards Board (регулятор барристеров) в Англии и Уэльсе, Commercial Bar Association (COMBAR, ассоциация коммерческих барристеров); а также академическое справочное издание Encyclopaedia Britannica. Контекстная и количественная верификация словоупотребления проводится по Британскому национальному корпусу (BNC).

3.2. Методы

Ведущим методом исследования является сопоставительный: единицы английской юридической терминологии соотносятся с их русскими переводными соответствиями, после чего устанавливается уровень и характер расхождения. Сопоставительный метод дополняется тремя приемами. Дефиниционный анализ служит для реконструкции содержания термина по словарным толкованиям и сопоставления объемов понятий в двух

¹ Закон Великобритании о судах 2003 г. (Courts Act 2003, с. 39), реформировавший систему магистратских судов и организацию судебной администрации. Обозначение «с. 39» (chapter) — порядковый номер акта среди законов, принятых парламентом за соответствующий год.

² Закон Великобритании об уголовном праве 1967 г. (Criminal Law Act 1967, с. 58), упразднивший в английском праве историческое деление преступлений на felony и misdemeanour.

³ Закон Великобритании о солиситорах 1974 г. (Solicitors Act 1974, с. 47), регулирующий допуск к профессии солиситора и условия её осуществления.

⁴ Раздел 3559 части 18 Свода законов США (United States Code), озаглавленный «Sentencing classification of offenses» («Классификация преступлений для целей назначения наказания»). Часть 18 USC кодифицирует федеральное уголовное законодательство США.

⁵ Решение Верховного суда США 1970 г. (399 U.S. 66), признавшее право обвиняемого на суд присяжных по делам, за которые грозит наказание свыше шести месяцев лишения свободы. Обозначение 399 U.S. 66 указывает том (399) и страницу (66) официального сборника United States Reports.

⁶ Решение Верховного суда США 2008 г. (555 U.S. 7), сформулировавшее критерии предоставления preliminary injunction.

⁷ Решение Верховного суда Великобритании 2025 г. Обозначение [2025] UKSC 16 – нейтральное цитирование (neutral citation): год, суд (UK Supreme Court) и порядковый номер решения за год; система не привязана к печатному сборнику и применяется к современным британским решениям. В настоящей работе решение привлекается исключительно как источник аутентичного словоупотребления (оформление состава представителей сторон) и вне связи с существом рассмотренного спора.

языках. Институционально-функциональный анализ соотносит термин с устройством соответствующего правового института и устанавливает, на каком уровне локализуется расхождение – статуса, классификации, категории правового средства или структуры терминопоя. Контекстный анализ на материале судебных решений и корпуса служит верификацией и фиксирует, как термин функционирует в аутентичном юридическом дискурсе. Обращение к корпусу в качестве источника эмпирических данных отвечает принятой в современном переводоведении установке, согласно которой корпусные методы выявляют закономерности словоупотребления, недоступные одной интуиции (Biel, 2018, p. 26).

Корпусная составляющая анализа опирается на Британский национальный корпус (BNC, около 100 млн словоупотреблений, тексты конца XX века), доступный через интерфейс English-Corpora. Для каждого из ключевых терминов устанавливалась абсолютная частота по корпусу, а для опорных единиц (*magistrate*, *injunction*, *attorney*) дополнительно строились коллокационные профили в окне ± 4 словоформы с ранжированием по силе связи. Частотные и коллокационные данные используются не как самостоятельный результат, а как верификация словарных и нормативных наблюдений: совпадение независимых источников – словаря, нормативного акта и корпуса – служит приемом триангуляции и снижает субъективность качественной интерпретации. Анализ носит качественный характер и выполнен одним исследователем; межкодерная проверка разметки не проводилась, что отмечается ниже как ограничение исследования.

Сочетание этих приемов отвечает исходному положению о том, что описание юридической терминологии требует не только семантического, но и институционального анализа, поскольку различия в структуре терминологического поля отражают различия в устройстве правовых институтов.

4. ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ построен на четырех терминологических случаях, расположенных по нарастанию уровня институциональной асимметрии. Сначала рассматривается расхождение в статусе отдельного термина (*magistrate*), затем расхождение в структуре категориальной классификации (*felony* / *misdemeanour*), далее расхождение в самой природе правового средства (*injunction*) и, наконец, расхождение в строении целого терминологического поля (ряд наименований юриста при едином русском «адвокат»). В каждом случае мы устанавливаем формальное переводное соответствие, реконструируем содержание термина по словарным и нормативным источникам и определяем уровень, на котором соответствие перестает работать.

Прежде чем перейти к разбору отдельных случаев, приведем общую частотную картину по корпусу: уже распределение абсолютных частот ключевых терминов в BNC обнаруживает институциональную асимметрию (таблица 1).

Таблица 1. Частота ключевых терминов в Британском национальном корпусе (BNC)

Термин	Частота в BNC
<i>magistrate</i>	724
<i>justice of the peace</i>	65
<i>felony</i>	68
<i>misdemeanour</i> (брит.)	79
<i>misdemeanor</i> (амер.)	3
<i>injunction</i>	788

Окончание таблицы 1.

Термин	Частота в BNC
<i>lawyer</i>	2098
<i>solicitor</i>	3069
<i>barrister</i>	508
<i>counsel</i>	1273
<i>attorney</i>	661

Уже само распределение частот показательно, и не в одном отношении. Британское написание *misdemeanour* (79) практически вытесняет американское *misdemeanor* (3), что подтверждает региональную привязку орфографии. Низкая частота *felony* (68) и *misdemeanour* (79) на фоне высокочастотного *injunction* (788) отражает разный институциональный статус обозначаемого: деление на *felony* и *misdemeanour* упразднено в английском праве Criminal Law Act 1967, тогда как *injunction* остается действующим средством защиты. В ряду же наименований юриста частотная иерархия (*solicitor* 3069, *lawyer* 2098, *counsel* 1273, *attorney* 661, *barrister* 508) воспроизводит, по существу, структуру британской профессии: ведущее положение *solicitor* отвечает его роли основной фигуры, к которой обращается клиент, тогда как *barrister* как специализированная фигура судебного представительства закономерно реже.

Первые три случая объединяет общая черта: переводной эквивалент формально совпадает с исходным термином, а основные значения пересекаются, однако расхождение возникает на ином уровне – в институциональной природе термина, процессуальной форме или устройстве соответствующей области права.

4.1. Magistrate / «мировой судья»: асимметрия институционального статуса

Английские термины *magistrate* и *Justices of the Peace* (JPs) – синонимы в британской судебной системе. Согласно официальному информационному источнику для кандидатов на должность, «*Magistrates (also known as justices of the peace) are 21,500 volunteer judicial office holders who serve in magistrates' courts throughout England and Wales*» (Magistrates, Courts and Tribunals Judiciary). В отечественных переводных словарях оба термина имеют разветвленную полисемическую структуру, однако на практике чаще всего реализуют только одно значение – «мировой судья», что и создает основу для частичной эквивалентности с аналогичным российским термином.

Лексикографическое описание термина *magistrate* в одноязычной англоязычной традиции представлено достаточно широко. В Black's Law Dictionary (2009, p. 1036) приводятся четыре значения:

1) *the highest-ranking official in a government, such as the king in a monarchy, the president in a republic, or the governor in a state* – высшее должностное лицо в государстве (король в монархии, президент в республике, губернатор в штате);

2) *a local official who possesses whatever power is specified in the appointment or statutory grant of authority* – местное должностное лицо с полномочиями, определенными актом о назначении или статутом;

3) *a judicial officer with strictly limited jurisdiction and authority, often on the local level and often restricted to criminal cases* – судебное должностное лицо со строго ограниченной юрисдикцией и полномочиями (со ссылкой cf. *JUSTICE OF THE PEACE*);

4) отсылка к значению *judicial officer* (3) в статье OFFICER.

Отечественные отраслевые словари передают структуру многозначности термина с разной степенью детализации. Англо-русский юридический словарь А. С. Мамуляна и С. Ю. Кашкина (Мамулян, Кашкин, 1993, с. 463) дает два основных значения и подвид *chief magistrate* «глава исполнительного органа; президент / губернатор штата (в США)». В Англо-русском юридическом словаре С. Н. Андрианова, А. С. Берсон и А. С. Никифорова (Андрианов и др., 1993, с. 264) фиксируются те же значения и существенно расширяется система подвидов: помимо *chief magistrate*, в гнезде представлены *lay magistrate* «мировой судья», *stipendiary magistrate* «оплачиваемый магистрат», *trial magistrate* «магистрат, единолично рассматривающий судебные дела», а также *committing, examining, federal, investigating, issuing, juvenile, police* и *youth magistrate* – всего одиннадцать подвидов. При этом значение 2 в толковании С. Н. Андрианова содержит следующее описание: «судья суда низшей инстанции с суммарной и ограниченной юрисдикцией по уголовным и иногда гражданским делам», что близко к значению 3 Black's Law Dictionary.

Таким образом, **семантическая структура** исследуемого термина в отечественной лексикографической традиции передается достаточно полно. В случае С. Н. Андрианова – даже с описанием институциональной функции и различием подвидов. Расхождение возникает на другом уровне: обычно при переводе употребляется немаркированное *magistrate*, для которого закрепляется эквивалент «мировой судья». Этот эквивалент автоматически проецирует на британский термин российскую модель мирового судьи, то есть профессионального юриста с высшим образованием и пятилетним стажем, действующего единолично. Между тем по умолчанию британский *magistrate* – это именно *lay magistrate* (волонтер без юридического образования), что С. Н. Андрианов косвенно показывает через отдельный подвид, но что в практике перевода может теряться.

При сопоставлении компетенций английского *magistrate* и российского мирового судьи обнаруживается внешнее сходство. В обеих системах эти судьи рассматривают уголовные дела небольшой тяжести, семейные и имущественные споры, а также административные правонарушения. Однако при ближайшем рассмотрении это сходство распадается из-за существенного различия в профессиональном статусе.

В Англии и Уэльсе статус мирового судьи (*magistrate*) не требует юридического образования: согласно официальному portalу судебной системы Англии и Уэльса, «*Individuals do not require any legal qualifications or prior training to become a magistrate*» – «для того, чтобы стать магистратом, не требуется ни юридической квалификации, ни предварительной подготовки» (Magistrates, Courts and Tribunals Judiciary). Процессуальной формой является коллегиальное рассмотрение дел: «*Each case is usually heard by 3 magistrates, including a magistrate who is trained to act as a chairperson*» – «каждое дело обычно рассматривается тремя магистратами, включая магистрата, подготовленного для исполнения роли председателя» (Become a Magistrate, GOV.UK). Профессиональную консультацию по вопросам права и процедуры обеспечивает специально назначенный *justices' legal adviser* – квалифицированный солиситор или барристер.

В российской правовой системе мировой судья – это профессиональный юрист с высшим юридическим образованием и пятилетним стажем работы по специальности, действующий единолично (ст. 5 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»). Внешнее словарное соответствие, таким образом, скрывает за собой совершенно различную природу судебной деятельности – общественную в Англии и Уэльсе и профессиональную в России.

Функциональным эквивалентом российского мирового судьи в английской системе выступает не *magistrate*, а **District Judge (Magistrates' Courts)** – профессиональный судья, рассматривающий дела единолично. Согласно официальному ресурсу судебной системы, «*District Judges (Magistrates' courts) [...] The statutory qualification is a five-year right of audience*» – «окружные судьи (магистратских судов) [...] установленный законом ценз – пятилетнее право выступления в суде» (District Judges (Magistrates' Courts), Courts and Tribunals Judiciary); правовой статус определяется Courts Act 2003 (ss. 22–26). Таким образом, формальное словарное соответствие *magistrate* – «мировой судья» определяет пересечение функций, но не передает расхождения в профессиональном статусе и процессуальной форме.

В британском научном узусе коллегиальное рассмотрение в этой системе предстает нормой, а единоличное – исключением:

A family bench may include a stipendiary magistrate in which case he must preside. In Inner London a metropolitan stipendiary magistrate may sit alone if it is not practicable to constitute a full bench (МКА...) (BNC, W_ac_polit_law_edu, J76). – «Состав по семейным делам может включать оплачиваемого магистрата, и в этом случае он обязан председательствовать. Во Внутреннем Лондоне столичный оплачиваемый магистрат может заседать единолично, если сформировать полный состав практически невозможно».

Из цитаты можно сделать вывод, что оплачиваемый магистрат (*stipendiary magistrate*) при участии в составе *bench* обязательно председательствует, а заседать единолично может только в Inner London и только тогда, когда полный состав собрать невозможно. То есть единоличное рассмотрение – это скорее исключение из правил, тогда как российский мировой судья по умолчанию работает единолично.

Корпусные данные подтверждают и историческую подоплеку этого расхождения. Среди коллокатов *magistrate* в BNC ведущее место занимает *stipendiary* (54 совместных употребления – наиболее сильная связь в профиле), далее следуют *examining* (23), *chief* (17), *metropolitan* (14), *investigating* (13); подвид *district* представлен лишь эпизодически (5). Это распределение отражает дореформенную систему: тексты BNC относятся к периоду до реформы 1999–2000 гг., которой звание *stipendiary magistrate* (оплачиваемый профессиональный магистрат) было заменено на *District Judge (Magistrates' Courts)* (Access to Justice Act 1999, s. 78). Показательно и отсутствие в верхней части профиля коллоката *lay*: в дореформенный период магистрат по умолчанию и был непрофессиональным, поэтому уточнение *lay magistrate* становится регулярным лишь после появления профессиональных District Judges. Корпус, таким образом, фиксирует то состояние терминологии, которое предшествовало современному противопоставлению *lay magistrate* – *District Judge*, и подтверждает, что само это противопоставление институционально обусловлено.

Если в случае с *magistrate* расхождение касалось статуса одного должностного лица, то следующий случай показывает расхождение уже на уровне целой классификационной системы.

4.2. Felony / misdemeanour: асимметрия категориальной классификации

В американской правовой традиции преступления стандартно делятся на felonies (тяжкие преступления), misdemeanors (менее тяжкие преступления) и infractions (мелкие правонарушения, наиболее легкая категория). Согласно справочнику Cornell Law School, misdemeanor определяется как «a crime punishable by less than 12 months in jail», тогда как felonies «carry stiffer penalties, including jail time of more than 12 months» (Cornell Law, Legal

Information Institute). На федеральном уровне США детальная классификация закреплена в 18 U.S.C. § 3559, который выделяет пять классов *felonies* (от Class A – пожизненное заключение или смертная казнь – до Class E – от одного до пяти лет), три класса *misdemeanors* (от Class A – до одного года, до Class C – от пяти до тридцати дней) и *infractions* для срока в пять дней или менее (18 U.S.C. § 3559(a)).

В британском праве классификация устроена по-другому. По данным Британской энциклопедии, преступления в Англии традиционно делятся на *indictable offenses* (рассматриваемые с участием присяжных) и *summary offenses* (рассматриваемые судом суммарно). При этом *indictable offenses*, в свою очередь, делятся на *treasons*, *other felonies* и *misdemeanours* (Britannica, Felony and Misdemeanor). Britannica отмечает, что различие между *felony* и *misdemeanour* для современного права значит меньше, чем раньше, и неоднократно подвергалось критике как непоследовательное.

В российской правовой системе также существует многоуровневая классификация преступлений, однако она имеет совершенно иную структуру. Согласно ст. 15 УК РФ, преступления делятся на четыре категории: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие – с разграничением по максимальному сроку лишения свободы (до 3 лет, до 5 лет, до 10 лет, свыше 10 лет соответственно). Таким образом, расхождение состоит не в отсутствии классификации, а в различной структуре категориальных систем. Американская и российская системы строятся на одном основании – степени тяжести, измеряемой максимальным сроком лишения свободы. Но шкалы при этом различны: трехуровневая в США (*felonies* / *misdemeanors* / *infractions*) и четырехуровневая в России (преступления небольшой, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие). Английская же современная классификация опирается на другое основание – способ рассмотрения дела.

Эта асимметрия в структуре категориальных систем порождает специфическую переводческую проблему. Перевод *felony* как «тяжкое преступление» формально приемлем, но не передает того обстоятельства, что в общем праве термин охватывает все преступления, превышающие порог одного года лишения свободы, тогда как русское «тяжкое преступление» в строгом смысле обозначает лишь одну из четырех категорий ст. 15 УК РФ. Перевод *misdemeanor* представляет еще большие трудности: в практике встречаются варианты «административное правонарушение», «менее тяжкое преступление», «проступок», «мелкое преступление», «провинность», однако ни один из них не передает точного объема исходного понятия, поскольку *misdemeanour* в общем праве остается преступлением уголовного характера (не административным), но менее тяжким, чем *felony*. Отечественная практика перевода подтверждает это: *felony* нередко передается описательно – как фелония, то есть категория тяжких преступлений, занимающая по степени тяжести промежуточное положение между государственной изменой и мисдиминором (Бушев, 2010, с. 21).

Аутентичный пример из решения Верховного суда США демонстрирует работу классификационного критерия:

Appellant was arrested and charged with 'jostling' – a Class A misdemeanor in New York, punishable by a maximum term of imprisonment of one year (Baldwin v. New York, 1970). – «Апеллянт был арестован и обвинен в «толкотне с целью кражи» (*jostling*) – мисдиминоре класса А в штате Нью-Йорк, наказуемом лишением свободы на срок до одного года».

В одном предложении выражены три главные характеристики термина в американской правовой традиции: классовая дифференциация (*Class A misdemeanor*), связь классификации с конкретным правонарушением (*jostling*) и определяющий критерий разграничения с *felony* – максимальный срок лишения свободы в один год.

Корпусные данные проясняют, в каком именно статусе эта пара существует в британском узусе, и статус этот, как выясняется, двойствен. Коллокационные профили *felony* и *misdemeanour* обнаруживают три черты. Во-первых, термины устойчиво предполагают друг друга: в профиле *felony* среди ведущих знаменательных коллокатов стоит *misdemeanour*, и наоборот, – то есть в корпусе они живут не порознь, а именно как парная оппозиция. Во-вторых, содержательно они расходятся: *felony* тяготеет к признаку наказуемости (*punishable, degree, imprisonment*), тогда как *misdemeanour* – к признаку малозначительности (*minor, trifling, slightest*). В-третьих, и это существеннее всего для перевода, оба термина в британском корпусе рассеяны между американским контекстом (*Florida, Columbia, endangerment*) и историко-правовым пластом английского общего права (*compounding a felony, footpads*). Иными словами, для современного британского права пара *felony / misdemeanour* – уже не действующая классификация, а либо американизм, либо историзм: деление было упразднено Criminal Law Act 1967. Здесь, по существу, и коренится ловушка перевода. Русские категории «тяжкое / менее тяжкое преступление» отсылают к живой, действующей классификации (ст. 15 УК РФ), английские же термины к моменту создания корпуса эту институциональную актуальность в британском праве уже утратили, – и потому внешне очевидное соответствие проецирует действующее на историческое.

Расхождение в структуре классификации сменяется еще более глубоким типом: в следующем случае несовпадение затрагивает саму природу правового средства.

4.3. Injunction: асимметрия типа правового средства

Отдельный случай частичной эквивалентности представляет термин *injunction*. В отличие от *magistrate* (где расхождение касается профессионального статуса) и *felony / misdemeanour* (где расхождение касается структуры классификации), *injunction* демонстрирует категориальное расхождение. Термин обозначает тип правового средства защиты, не имеющий прямого аналога в романо-германской правовой семье.

Согласно справочнику Practical Law (Thomson Reuters), *injunction* определяется как «an equitable remedy in which a court orders a party to perform, or refrain from performing, a particular act» (Practical Law UK). Ключевая характеристика – equitable remedy, то есть средство защиты, развившееся в английском Court of Chancery и противопоставленное обычным средствам общего права (*damages* – денежная компенсация). Это деление возникло из того, что в Англии параллельно существовали две судебные системы – common law и equity. Они были объединены после Supreme Court of Judicature Acts 1873–1875.

Practical Law выделяет в первую очередь два типа *injunction* по характеру предписания: *prohibitory injunction* – запрет на совершение определенных действий, и *mandatory injunction* – предписание их совершить. Помимо этого, английское право знает специальные виды *injunction* по функции: в частности, *freezing injunction* (исторически – *Mareva injunction*), запрет распоряжения активами, применяемый главным образом в делах о мошенничестве и нарушении доверия (Practical Law UK).

Корпусные данные подтверждают эту внутреннюю дифференциацию средства. В коллокационном профиле *injunction* в BNC ведущие позиции по силе связи занимают именно видовые определения: *interlocutory* (42 совместных употребления), *interim* (29) и *Mareva* (22, наиболее сильная связь в профиле), а также характеризующие предписание *restraining* (30), *mandatory* (6) и *prohibiting* (7). Это распределение существенно для сопоставления: высокая частота временных определений (*interlocutory, interim*) показывает, что промежуточный, обеспечительный *injunction* – частотный тип, и именно он функционально ближе

всего к российским обеспечительным мерам, тогда как окончательный (final) *injunction*, выступающий самостоятельным средством защиты, прямого российского аналога не имеет. Присутствие специфического *Mareva injunction* подчеркивает наличие подвидов, не имеющих соответствия в континентальной традиции вообще.

Отечественные отраслевые словари передают термин *injunction* единообразно. Англо-русский юридический словарь А. С. Мамуляна и С. Ю. Кашкина (Мамулян, Кашкин, 1993, с. 408) дает два значения, «судебный запрет» и «запретительная норма», с развитой системой подвидов (*interlocutory, mandatory, permanent, perpetual, preliminary, prohibitory* и других). Аналогичную структуру фиксирует словарь С. Н. Андрианова, А. С. Берсон и А. С. Никифорова (Андрианов и др., 1993, с. 229), добавляя подвиды *pendente lite* «судебный запрет на время рассмотрения дела», *civil, post-patent* и другие. Существенно, что оба словаря описывают термин через результат предписания (запрет), но ни один не передает его принадлежности к *equitable remedies*. Словарный перевод фиксирует функцию средства, а не его место в противопоставлении *law* и *equity*, и именно здесь проходит граница межъязыкового расхождения.

В российском праве прямого эквивалента *injunction* нет. Сходные функции выполняют обеспечительные меры – институт, регулируемый ст. 90–100 АПК РФ и ст. 139–146 ГПК РФ. Обеспечительные меры включают запрет ответчику совершать определенные действия (что функционально близко к *prohibitory injunction*), наложение ареста на имущество (что частично перекликается с *freezing injunction*), а также иные меры. Кроме того, ст. 12 ГК РФ предусматривает такой способ защиты гражданских прав, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; ст. 1065 ГК РФ – запрещение деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем. Существенно, что эти меры относятся к материально-правовому плану, в отличие от процессуальных обеспечительных мер: функциональные аналоги *injunction* в российском праве оказываются распределены между материальным (ст. 12, 1065 ГК РФ) и процессуальным (обеспечительные меры АПК и ГПК) планом, тогда как английский *injunction* объединяет оба, оставаясь единым институтом в рамках *equity* при всей своей внутренней видовой дробности. Это распределение по разным планам само по себе есть проявление институциональной асимметрии.

Однако типологическое расхождение остается существенным. Российские обеспечительные меры носят преимущественно процессуальный характер: они применяются в рамках конкретного судебного процесса для обеспечения исполнения будущего решения. Английский *injunction* – это самостоятельное средство защиты материального права, которое может выступать как финальное (а не только промежуточное) средство правовой защиты. Кроме того, обеспечительные меры в российском процессе не образуют системы, типологически сопоставимой с английской категорией *equitable remedies* в целом (включающей помимо *injunctions* также *specific performance, rescission, rectification* и другие средства), поскольку континентальная традиция не знает противопоставления *law* vs *equity*.

Особый, исключительный характер *injunction* как средства защиты выражается в решении Верховного суда США:

A preliminary injunction is an extraordinary remedy never awarded as of right. In each case, courts must balance the competing claims of injury and must consider the effect on each party of the granting or withholding of the requested relief. <...> In exercising their sound discretion, courts of equity should pay particular regard for the public consequences in employing the extraordinary remedy of injunction (Winter v. NRDC, 2008). – «Предварительный *injunction* есть чрезвычайное средство защиты, никогда не предоставляемое по праву. В каждом деле

суд обязан взвесить противопоставленные доводы о вреде и оценить, как удовлетворение или отклонение заявленного требования скажется на каждой из сторон. <...> Осуществляя дискреционные полномочия, суды справедливости должны особо учитывать общественные последствия применения такого чрезвычайного средства, как *injunction*».

Формулировки *extraordinary remedy* и *never awarded as of right* задают важное отличие *injunction* от обычных средств правовой защиты (*damages*), которые предоставляются по праву при доказанном нарушении. *Injunction* остается средством, применяемым по усмотрению суда: его применение требует оценки баланса интересов сторон. Именно это делает его *equitable remedy*.

Перевод *injunction* как «судебный запрет», «судебный приказ» или транслитерация «инъюнкция» в каждом случае требует пояснения: ни один из вариантов не передает того, что речь идет о разновидности *equitable remedy* в системе, типологически отличной от романо-германской. Это случай, в котором переводная асимметрия отражает структурное расхождение правовых систем, а не лексикографическую неточность.

Во всех трех рассмотренных случаях расхождение касалось отдельного термина. Последний случай отличается по самому объекту: асимметрия проявляется не в одной единице, а в строении целого терминологического поля, где развитому английскому ряду противостоит единственный русский термин.

4.4. Адвокат / *counsel, lawyer, barrister, solicitor, advocate, attorney*: асимметрия структуры терминопоя

Последний случай отличается от трех предыдущих по объекту расхождения. В подкейсах 4.1–4.3 асимметрия касалась отдельной единицы – ее статуса, классификации или категориальной принадлежности. Здесь же расхождение охватывает строение целого терминологического поля, поскольку развитому английскому ряду наименований юриста противостоит единый русский термин «адвокат». Мы предполагаем, что эта дробность не случайна и что за ней стоит устройство обозначаемого института, и проверяем это предположение на словарном, нормативном и судебном материале.

Формальное переводное соответствие здесь обратно по направлению. Русскому термину «адвокат» в русско-английском юридическом словаре И. И. Борисенко и В. В. Саенко (Борисенко, Саенко, 2000) отвечает не одна единица, а синонимический ряд из шести: *counsel, lawyer, barrister, solicitor, advocate, attorney*. Одному русскому понятию соответствует, таким образом, структурированная совокупность английских, и вопрос состоит в том, чем различаются ее элементы.

Реконструкция содержания ряда по словарным и нормативным источникам обнаруживает не свободные синонимы, а единицы, распределенные по институциональным ролям. *Lawyer* выступает родовым термином, и *Black's Law Dictionary* определяет его через отсылку к остальным членам ряда – *a person learned in the law; as an attorney, counsel, or solicitor* (*Black's Law Dictionary*, 2009), а *A Dictionary of Modern Legal Usage* Б. А. Гарнера подтверждает его обобщающий характер (Garner, 1987). *Attorney* в американском узусе функционирует как практический синоним *lawyer* (исходно – лицо, действующее от имени другого, откуда *power of attorney*), тогда как в британском английском в этом значении почти не употребляется. *Counsel* привязан к ведению конкретного дела: в британском контексте он традиционно обозначает барристера, выступающего по делу, что отражено и в словоупотреблении *Commercial Bar Association* (*COMBAR, Instructing barristers*), а в американском относится к любому представителю стороны. Эти три единицы

дифференцированы слабо, их различия лежат в региональном узусе и родо-видовых отношениях.

Корпусные данные поддерживают это разграничение. По абсолютной частоте в BNC ряд распределяется неравномерно: *solicitor* (3069) и *lawyer* (2098) образуют ядро британского узуса, *counsel* (1273) и *barrister* (508) занимают промежуточное положение, а *attorney* (661), несмотря на сопоставимую общую частоту, как наименование практикующего юриста почти не используется. Его коллокационный профиль показывает, что в британском корпусе *attorney* живет прежде всего в двух устойчивых сочетаниях: *Attorney General* (365 совместных употреблений – обозначение должности, а не профессии) и *power of attorney* (*power* 75, *enduring* 10, *donee* 4 – институт доверенности). Употребление *attorney* как родового наименования юриста реализуется преимущественно в американском контексте (*district attorney*, *federal*). Корпус подтверждает, таким образом, что в составе ряда *attorney* в значении «юрист, адвокат» регионально маркирован как американизм, а не как общеанглийский термин.

Основное различие проходит между *solicitor* и *barrister*, и оно институциональное, а не лексическое. Это разграничение не ново: как отмечают Н. А. Калмазова, В. Ф. Борисова и Ю. А. Кузнецова, строгое разделение адвокатов, отразившееся в терминах *barrister* и *solicitor*, сложилось в Англии и Уэльсе уже в XV в. и сохранилось до настоящего времени (Калмазова и др., 2020, с. 87). *Solicitor* – категория юристов, чья практика регулируется Solicitors Act 1974: согласно s. 1, лицо не вправе действовать как солиситор, если оно не внесено в реестр и не имеет действующего сертификата Общества (Solicitors Act 1974, s. 1); регулятором выступает независимая Solicitors Regulation Authority, учрежденная Law Society и поднадзорная Legal Services Board. *Barrister* – категория, специализирующаяся на судебном представительстве, и членство в одном из четырех Inns of Court для нее обязательно (Britannica, Barrister); регулирование осуществляет Bar Standards Board, а старшие барристеры получают звание King's Counsel. К этому ядру примыкает *advocate*, маркированный регионально. В Шотландии *advocate* по функции близок английскому барристеру (судебное представительство в высших судах), однако было бы неточным сводить его к простому «аналогу»: шотландские адвокаты объединены в Faculty of Advocates – самостоятельную профессиональную корпорацию с собственной историей, уставом и порядком приема, входящую в College of Justice и организационно не совпадающую с английской системой Inns of Court и Bar (Faculty of Advocates, History of Faculty). Тем самым *advocate* иллюстрирует институциональную асимметрию уже внутри самого общего права: за близкой функцией стоят разные профессиональные институты Англии и Шотландии. В американском же английском термин теряет дифференцирующий признак и сближается с *attorney*.

Расхождение, таким образом, локализуется не в значении отдельной единицы, а в самой дробности поля. Английский ряд дробен, потому что разделен обозначаемый институт: профессия распадается на барристеров и солиситоров, к которым примыкают регионально и функционально маркированные *advocate*, *attorney*, *counsel*. Русское поле обобщенно, потому что российский институт адвокатуры не предполагает аналогичного функционального разделения, и один адвокат осуществляет и подготовку дела, и представительство в суде. Каждое из двух полей по своему строению воспроизводит тот институт, который оно обслуживает, и именно на этом уровне залегает асимметрия, отличающая данный случай от предыдущих.

Аутентичный материал подтверждает эту институциональную дифференциацию. В решении Верховного суда Великобритании *For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers* [2025] UKSC 16 шапка состава представителей сторон построена по стандартной формуле:

Appellant: Aidan O'Neill KC, Spencer Keen (Instructed by Balfour + Manson LLP (Edinburgh))
Respondent: Ruth Crawford KC, Lesley Irvine (Instructed by Scottish Government Legal Directorate)

(For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers [2025] UKSC 16)

В переводе: «Апеллянт: Эйдан О'Нилл, КС, Спенсер Кин (по поручению фирмы Balfour + Manson LLP (Эдинбург))»; «Ответчик: Рут Кроуфорд, КС, Лесли Ирвин (по инструкции Юридического директората шотландского правительства)». В одной строке решения видны три институциональные роли. Перед фамилиями стоит *KC* (King's Counsel), маркирующее старших барристеров, выступающих в суде; формула *Instructed by* указывает на солиситорскую фирму (*LLP* – Limited Liability Partnership), которая ведет дело и инструктирует барристеров. Это классическое британское разделение функций, которому в российской системе соответствует одна фигура адвоката. Словоупотребление аутентичного судебного источника прямо отражает то структурное соответствие терминополья и института, которое мы рассматриваем как механизм институциональной асимметрии.

5. ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотренные случаи образуют не разрозненный набор примеров, а упорядоченную последовательность, в которой межъязыковое расхождение локализуется на разных уровнях институциональной структуры. Если расположить четыре случая по глубине расхождения, обнаруживается градация: от несовпадения в статусе отдельного термина до несовпадения в строении целого терминологического поля. Эту градацию мы и определяем как шкалу институциональной асимметрии.

Таблица 2 сводит результаты анализа по уровням асимметрии.

Таблица 2. Уровни институциональной асимметрии в англо-русской юридической терминологии

Случай	Уровень асимметрии	Что совпадает	Что расходится	Следствие для перевода
<i>magistrate</i> / «мировой судья»	Статус института	Функция (рассмотрение мелких дел в первой инстанции)	Профессиональный статус (непрофессионал vs профессиональный судья), процессуальная форма (коллегияльность vs единоличность)	Словарный эквивалент верен по функции, но скрывает различие в статусе; требуется пояснение
<i>felony</i> / <i>misdemeanour</i>	Классификация	Сам принцип деления преступлений по тяжести	Граница и основание классификации (по сроку наказания vs по категориям УК РФ)	Словарный эквивалент («тяжкое преступление») искажает объем понятия; требуется экспликация критерия
<i>injunction</i>	Категория правового средства	Функция (судебный запрет действия)	Принадлежность к equity, отсутствующей в континентальной системе	Словарный эквивалент («судебный запрет») верен по функции, но теряет категорию equitable remedy; требуется пояснение
«адвокат» / <i>counsel</i> , <i>lawyer</i> , <i>barrister</i> , <i>solicitor</i> , <i>advocate</i> , <i>attorney</i>	Структура терминополья	Общая профессиональная сфера (юридическое представительство)	Дробность поля: развитый английский ряд против обобщающего русского термина	Словарный эквивалент (один из ряда) недостаточен; требуется выбор единицы по институциональной роли с пояснением

На этой шкале уровень асимметрии нарастает: в первом случае расходится статус одной единицы, в последнем – устройство целого поля. При этом во всех четырех случаях расхождение имеет общую природу. Оно локализуется не в денотате и не в функции термина, а в институциональной структуре, которая за ним стоит. Функция при этом нередко совпадает: *magistrate* и мировой судья рассматривают мелкие дела, *injunction* и обеспечительная мера служат запрету, английский адвокатский ряд и русский «адвокат» обозначают юридическое представительство. Совпадение функции и создает иллюзию эквивалентности, которую закрепляет словарный перевод.

Этот результат развивает положение Г.-Р. де Гроота о том, что функциональной близости для признания эквивалентности недостаточно и что необходимо сходное системное и структурное укоренение термина (de Groot, 2006, p. 425). Наш материал показывает, где именно проходит граница такого укоренения. В случае *injunction* она пролегает по линии *law / equity*: русские обеспечительные меры функционально близки, но категориально принадлежат к иной системе, в которой противопоставления *law* и *equity* нет. В случае *felony / misdemeanour* граница проходит по основанию классификации: оба правовые порядки делят преступления по тяжести, но проводят черту в разных местах и по разным критериям. Расхождение не устраняется подбором функционального эквивалента, поскольку лежит глубже функции.

Наиболее показателен в этом отношении случай адвокатского ряда. Здесь асимметрия проявляется не в отдельной единице, а в самом строении терминологического поля. Английское поле дробно, поскольку дробен обозначаемый институт: профессия разделена на барристеров и солиситоров, к ним примыкают регионально и функционально маркированные *advocate*, *attorney*, *counsel*. Русское поле обобщенно, поскольку российский институт адвокатуры устроен иначе и не предполагает аналогичного функционального разделения. Структура поля в каждом языке повторяет структуру института, который это поле обслуживает. Показательно, что институциональную структуру воспроизводит и частотная иерархия ряда в корпусе: *solicitor* как массовая, повседневная фигура профессии почти в шесть раз частотнее специализированного *barrister* (3069 против 508), а обобщающее *lawyer* уступает *solicitor*, но опережает узкоспециальные единицы. Тем самым структура словоупотребления повторяет структуру института так же, как ее повторяет структура самого поля, – и этот параллелизм служит дополнительным, независимым подтверждением предлагаемого механизма. Именно такое соответствие между устройством терминополья и устройством правового института мы и считаем ключевым механизмом институциональной асимметрии: расхождение терминологий двух языков есть прямое следствие расхождения стоящих за ними институтов.

Из этого вытекает методологическое следствие. Описание и перевод юридической терминологии требуют не только семантического и функционального, но и институционального анализа. Семантический анализ устанавливает значение термина, функциональный близость выполняемых ролей, однако ни тот, ни другой не выявляет уровня, на котором расположено расхождение. Сопоставление *injunction* с обеспечительными мерами по значению или функции дало бы вывод о близости, тогда как институциональный анализ обнаруживает категориальный разрыв. Лексикографическое следствие столь же определено: словарь, фиксирующий функциональный эквивалент без указания на институциональную принадлежность термина, систематически теряет информацию. Это наблюдается во всех рассмотренных случаях, от *magistrate*, переданного нейтральным «мировой судья», до *injunction*, переданного «судебным запретом» без пометы об *equity*. На материале терминополья

«юридическая профессия» к близкому выводу приходят Н. А. Калмазова, В. Ф. Борисова и Ю. А. Кузнецова: единый перевод английского ряда через «адвокат» (прием генерализации) допустим лишь там, где речь идет об общих положениях, тогда как при передаче национально-специфических аспектов требуются транслитерация или описательный перевод (Калмазова и др., 2020, с. 88). Выбор приема, таким образом, определяется уровнем институциональной асимметрии, на котором находится термин.

Полученные результаты соотносятся с предшествующими исследованиями и развивают их. Д. Цао описала англоязычный ряд наименований юриста и отнесла *magistrate* к терминам, связанным со структурой судебной системы (Сао, 2007, pp. 60–62); Г.-Р. де Гроот сформулировал общий принцип системно-структурного укоренения (de Groot, 2006, p. 425). Наша работа сводит эти наблюдения в единую рамку: отдельные случаи оказываются точками на общей шкале, а принцип укоренения получает конкретизацию в виде уровней, на которых расхождение локализуется. Контрастивный англо-русский материал, не привлекавшийся в названных работах, и аутентичные судебные источники (решения Верховного суда США и Верховного суда Великобритании) обнаруживают в институциональной асимметрии градуированное явление с собственной внутренней структурой, а не недифференцированную «непереводимость» юридического термина.

5.1. Институциональная помета: образец лексикографического воплощения

Предложенная типология имеет прямой выход в двуязычную лексикографию. Если расхождение локализуется не в значении термина, а в институциональной структуре за ним, то словарная статья, ограниченная переводным эквивалентом, систематически теряет ту информацию, которая определяет корректность перевода. Восполнить эту потерю способна институциональная помета – краткое указание на характер институционального расхождения, сопровождающее переводной эквивалент. Ниже приводятся образцы того, как такая помета могла бы выглядеть для трех рассмотренных терминов; помета вводится условным маркером [инст.] и набирается отдельно от собственно переводного соответствия.

magistrate – мировой судья [инст.: статус института] *англ. magistrate по умолчанию – непрофессиональный судья (lay magistrate), действующий коллегиально; функциональный аналог рос. мирового судьи – District Judge (Magistrates' Courts). Эквивалент «мировой судья» верен по функции, но не передает различия в профессиональном статусе.*

felony – тяжкое преступление [инст.: категориальная классификация] *амер. felony охватывает все преступления с наказанием свыше 1 года; не совпадает по объему с рос. категорией «тяжкое преступление» (ст. 15 УК РФ). В англ. праве деление felony/misdemeanour упразднено (Criminal Law Act 1967).*

injunction – судебный запрет [инст.: тип правового средства] *injunction – equitable remedy, не имеющий прямого аналога в романо-германской традиции; рос. обеспечительные меры близки лишь interim injunction. Эквивалент передает функцию (запрет), но не принадлежность к equity.*

«адвокат» – counsel / lawyer / barrister / solicitor / advocate / attorney [инст.: структура поля] *единому русскому наименованию отвечает не эквивалент, а целый английский ряд, дробность которого повторяет устройство профессии (solicitor и barrister как разделенные функции, counsel в суде, регионально маркированный attorney); выбор единицы определяется институциональной ролью, а не поиском «того же слова».*

Помета строится по единому формату: тип институционального расхождения и краткое пояснение, указывающее, на чем именно расходятся термин и его переводной эквивалент.

Такая структура отличает институциональную помету от обычного энциклопедического комментария: она не просто добавляет сведения, а указывает пользователю, в каком отношении переводной эквивалент перестает быть надежным. На практике помета факультативна и масштабируема: в случае если нет возможности полного написания, она сворачивается до краткого маркера типа расхождения, в развернутом виде – до полноценного институционального комментария, так что переводчик или лексикограф выбирает ее объем по месту, не жертвуя ни точностью, ни стилем. Для случая структуры терминополья помета принимает форму отсылки ко всему ряду: статья «адвокат» снабжается указанием на то, что английскому ряду соответствий (*solicitor, barrister, counsel* и др.) отвечает дифференциация института, отсутствующая в русском.

5.2. Ограничения исследования

Предложенная типология носит предварительный характер, и ее границы следует обозначить прямо.

Во-первых, выборка из четырех случаев является иллюстративной, а не репрезентативной. Она подобрана так, чтобы каждый случай демонстрировал отдельный уровень асимметрии, а не чтобы статистически охватить корпус юридической терминологии. Поэтому предложенная шкала описывает выделенные уровни, но не претендует на исчерпывающую полноту: между обозначенными уровнями возможны промежуточные (например, расхождение в процессуальной форме реализации института или в объеме понятия), а сама шкала остается открытой для уточнения и пополнения.

Во-вторых, исследование ограничено англо-русской парой. Вопрос о том, является ли градуированность институциональной асимметрии универсальным свойством межъязыкового соответствия или специфична для данной пары правовых систем, требует проверки на ином материале – в частности, на других парах, не связанных противопоставлением *common law* и романо-германской традиции. За рамками работы остается и сопоставление с иными ареалами внутри общего права (австралийским, канадским), где терминология юридической профессии также дифференцирована, а равно сравнение английского *injunction* с функционально близкими средствами французского и немецкого права.

В-третьих, корпусная составляющая выполняет верифицирующую, а не самостоятельную функцию. Привлеченные частотные и коллокационные данные подтверждают качественные наблюдения, но не образуют статистической модели; кроме того, BNC отражает британское словоупотребление конца XX века, что объясняет преобладание дореформенных единиц (*stipendiary magistrate*) и требует осторожности при переносе выводов на современное состояние. Привлечение специализированных юридических корпусов и сопоставление с данными Национального корпуса русского языка составляют отдельную задачу.

В-четвертых, анализ носит качественный характер и выполнен одним исследователем; отнесение каждого случая к тому или иному уровню асимметрии опирается на экспертную интерпретацию словарных, нормативных и корпусных источников. Межкодерная проверка разметки (*inter-coder agreement*) в настоящем исследовании не проводилась и составляет направление дальнейшей работы по верификации предложенной шкалы.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Четыре рассмотренных случая обнаруживают особый тип межъязыкового расхождения в юридической терминологии, который мы определяем как институциональную асимметрию. Ее носителем выступает не отдельный термин и не его денотат, а соответствие между строением терминологического поля и устройством правового института. Расхождение между английской и русской юридической терминологией оказывается прямым следствием расхождения стоящих за ней институтов *common law* и романо-германской традиции.

Из четырех рассмотренных случаев наиболее показательным представляется, на наш взгляд, первый – соответствие *magistrate* и «мирового судьи». Именно он лучше всего обнажает природу институциональной асимметрии: внешне здесь все совпадает – одинаковая подсудность, сходный круг дел, устойчивый словарный эквивалент, – и переводчик не имеет видимых оснований усомниться в его надежности. Между тем за этим формально безупречным соответствием скрываются фигуры различной природы: в одном случае – судья-волонтер без юридического образования, представитель местного сообщества, в другом – профессиональный юрист с высшим образованием и стажем. Контраст тем разительнее, что он не лежит на поверхности и не улавливается ни словарем, ни проверкой по функции; обнаружить его можно, лишь обратившись к устройству самого института. Этот случай, по существу, и показывает, почему совпадение функции создает наиболее опасную разновидность переводческой иллюзии – ту, которую труднее всего распознать.

Главный теоретический результат состоит в том, что институциональная асимметрия не однородна, а градуирована. Четыре рассмотренных случая образуют шкалу, на которой расхождение последовательно углубляется: от статуса отдельного термина (*magistrate*) через основание категориальной классификации (*felony / misdemeanour*) и природу правового средства (*injunction*) к строению целого терминологического поля (русский «адвокат» против английского ряда наименований юриста). Общим для всех четырех уровней оказывается то, что функция термина и его переводного соответствия совпадает, а институциональная структура за ними – нет; место этого несовпадения и задает уровень асимметрии.

Перспектива исследования связана с проверкой и расширением предложенной шкалы. Во-первых, выделенные уровни асимметрии могут быть верифицированы на ином материале – на других парах правовых систем, не ограниченных противопоставлением *common law* и российского права, что позволит установить, является ли градация универсальным свойством межъязыковой юридической терминологии или специфична для данной пары. Во-вторых, результаты применимы к двуязычной юридической лексикографии: словарная статья, дополненная краткой институциональной пометой о месте термина в его правовой системе, передавала бы не только функцию термина, но и уровень его расхождения с переводным соответствием. Тем самым предложенный подход выходит за пределы описания отдельных терминологических случаев и намечает направление как для теории юридического перевода, так и для лексикографической практики.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атабекова А. А. Юридический перевод в междисциплинарном контексте. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 131 с.
2. Борисова Л. А. Основы юридического перевода. М.: Р.Валент, 2024. 208 с.
3. Бушев А. Б. Терминообразование в юридическом дискурсе и способы перевода терминов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Д. Голев, Т. В. Чернышова. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. С. 21–25.
4. Власенко С. В., Заславская В. А. Юридический перевод в условиях унификации терминологии частного права в юридическом пан-европейском языке // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 222–234.
5. Голев Н. Д. (отв. ред.) Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. 181 с.
6. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 302 с.
7. Калмазова Н. А., Борисова В. Ф., Кузнецова Ю. А. Англоязычные термины терминополья «юридическая профессия»: мотивация выбора перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 3. С. 84–96. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.3.8.
8. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10(44). С. 4–11.
9. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2023. 336 с.
10. Левитан К. М. Юридический перевод и сравнительное правоведение // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 46–54.
11. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
12. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
13. Фомина И. Н. Eurospeak and the Russian terminology of law: translation challenges // Professional Discourse & Communication. 2019. Т. 1, № 3. С. 41–49. DOI 10.24833/2687-0126-2019-1-3-41-49.
14. Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 132 с.
15. Хижняк С. П. Когнитивная проблематика в общей теории термина: монография. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. 171 с.
16. Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993. 246 p.
17. Biel Ł. Corpora in Institutional Legal Translation: Small Steps and the Big Picture // Institutional Translation for International Governance / F. Prieto Ramos (ed.). London: Bloomsbury, 2018. P. 25–36. DOI 10.5040/9781474292320.0010.
18. Cao D. Translating Law. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2007. 189 p.
19. Cheng L., Sin K. K. Terminological Equivalence in Legal Translation: A Semiotic Approach // Semiotica. 2008. Vol. 172, no. 1–4. P. 33–45. DOI 10.1515/SEMI.2008.088.
20. David R., Brierley J. E. C. Major Legal Systems in the World Today. 2nd ed. New York: Free Press, 1978. 584 p.

21. de Groot G.-R. Legal Translation // Elgar Encyclopedia of Comparative Law / J. M. Smits (ed.). Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2006. P. 423–433.
22. Mattila H. E. S. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. 2nd ed. / transl. by C. Goddard. Farnham: Ashgate, 2013. 485 p.
23. Prieto Ramos F. (ed.) Institutional Translation for International Governance: Enhancing Quality in Multilingual Legal Communication. London; New York: Bloomsbury, 2018. 228 p.
24. Šarčević S. New Approach to Legal Translation. The Hague; London; Boston: Kluwer Law International, 1997. 308 p.
25. Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. 3rd ed. / transl. by T. Weir. Oxford: Clarendon Press, 1998. 714 p.

Словари и справочные источники

26. Андрианов С. Н., Берсон А. С., Никифоров А. С. Англо-русский юридический словарь. М.: Русский язык, 1993. 509 с.
27. Борисенко И. И., Саенко В. В. Русско-английский юридический словарь = Russian-English Law Dictionary. М.: РУССО, 2000. 608 с.
28. Мамулян А. С., Кашкин С. Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Рэббит, 1993. 400 с.
29. Black's Law Dictionary / B. A. Garner (ed.). 9th ed. St. Paul: West, 2009. 1920 p.
30. Garner B. A. A Dictionary of Modern Legal Usage. Oxford: Oxford University Press, 1987. 587 p.
31. Martin E. A. (ed.) A Dictionary of Law. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 1997. 515 p.

Нормативные правовые акты и судебные решения

32. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Гл. 8 (ст. 90–100). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 17.08.2026).
33. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.08.2026).
34. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Ст. 1065. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 17.08.2026).
35. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Гл. 13 (ст. 139–146). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 17.08.2026).
36. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/ (дата обращения: 17.08.2026).
37. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Ст. 15. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 17.08.2026).
38. Access to Justice Act 1999 (с. 22). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/22/contents> (дата обращения: 17.08.2026).

39. Baldwin v. New York, 399 U.S. 66 (1970). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/399/66/> (дата обращения: 17.08.2026).
40. Courts Act 2003 (с. 39). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/39/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
41. Criminal Law Act 1967 (с. 58). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
42. For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers [2025] UKSC 16. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2024-0042> (дата обращения: 17.08.2026).
43. Solicitors Act 1974 (с. 47). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1974/47/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
44. Supreme Court of Judicature Act 1873 (36 & 37 Vict. с. 66). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/36-37/66/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
45. Supreme Court of Judicature Act 1875 (38 & 39 Vict. с. 77). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/38-39/77/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
46. Winter v. Natural Resources Defense Council, Inc., 555 U.S. 7 (2008). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/555/7/> (дата обращения: 17.08.2026).
47. 18 U.S.C. § 3559. Sentencing classification of offenses. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title18-section3559> (дата обращения: 17.08.2026).

Электронные ресурсы

48. Barrister // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/barrister> (дата обращения: 17.08.2026).
49. Become a magistrate // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/become-magistrate> (дата обращения: 17.08.2026).
50. District Judges (Magistrates' Courts) // Courts and Tribunals Judiciary. URL: <https://www.judiciary.uk/about-the-judiciary/who-are-the-judiciary/judges/district-judge-mags-ct/> (дата обращения: 17.08.2026).
51. Felony and misdemeanour // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/felony> (дата обращения: 17.08.2026).
52. History of Faculty // Faculty of Advocates. URL: <https://www.advocates.org.uk/faculty-of-advocates/history-of-faculty> (дата обращения: 17.08.2026).
53. Injunction // Practical Law UK Glossary. Thomson Reuters. URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/4-502-4584> (дата обращения: 17.08.2026; доступ по подписке).
54. Instructing barristers // COMBAR – The Commercial Bar Association. URL: <https://www.combar.com/about-us/instructing-barristers/> (дата обращения: 17.08.2026).
55. Magistrates // Courts and Tribunals Judiciary. URL: <https://www.judiciary.uk/about-the-judiciary/who-are-the-judiciary/magistrates/> (дата обращения: 17.08.2026).
56. Misdemeanor // Wex. Legal Information Institute, Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/wex/misdemeanor> (дата обращения: 17.08.2026).
57. The British National Corpus, XML Edition / BNC Consortium. Oxford: Oxford Text Archive, 2007. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 17.08.2026).

REFERENCES

1. 18 U.S.C. § 3559. Sentencing classification of offenses. <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title18-section3559>
2. Access to Justice Act 1999, c. 22 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/22/contents>
3. Andrianov, S. N., Berson, A. S., & Nikiforov, A. S. (1993). *Anglo-russkiy yuridicheskiy slovar'* [English-Russian law dictionary]. Russkiy yazyk. (in Russian)
4. Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (in Russian)
5. Atabekova, A. A. (2013). *Yuridicheskiy perevod v mezhdistiplinarnom kontekste* [Legal translation in an interdisciplinary context]. YUNITI-DANA. (in Russian)
6. Baldwin v. New York, 399 U.S. 66 (1970). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/399/66/>
7. Barrister. (n.d.). In *Encyclopaedia Britannica*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.britannica.com/topic/barrister>
8. *Become a magistrate*. (n.d.). GOV.UK. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.gov.uk/become-magistrate>
9. Bhatia, V. K. (1993). *Analysing genre: Language use in professional settings*. Longman.
10. Biel, Ł. (2018). Corpora in institutional legal translation: Small steps and the big picture. In F. Prieto Ramos (Ed.), *Institutional translation for international governance* (pp. 25–36). Bloomsbury. <https://doi.org/10.5040/9781474292320.0010>
11. *Black's law dictionary* (B. A. Garner, Ed.; 9th ed.). (2009). West.
12. BNC Consortium. (2007). *The British National Corpus* (XML ed.). Oxford Text Archive. <https://www.english-corpora.org/bnc/>
13. Borisenko, I. I., & Saenko, V. V. (2000). *Russko-angliyskiy yuridicheskiy slovar'* [Russian-English law dictionary]. RUSSO. (in Russian)
14. Borisova, L. A. (2024). *Osnovy yuridicheskogo perevoda* [Foundations of legal translation]. R. Valent. (in Russian)
15. Bushev, A. B. (2010). Terminoobrazovanie v yuridicheskom diskurse i sposoby perevoda terminov [Term formation in legal discourse and methods of translating terms]. In N. D. Golev & T. V. Chernyshova (Eds.), *Yurislingvistika-10: Lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya* [Legal linguistics-10: Linguistic conflictology and jurisprudence] (pp. 21–25). Altai State University Press. (in Russian)
16. Cao, D. (2007). *Translating law*. Multilingual Matters.
17. Cheng, L., & Sin, K. K. (2008). Terminological equivalence in legal translation: A semiotic approach. *Semiotica*, 172(1/4), 33–45. <https://doi.org/10.1515/SEMI.2008.088>
18. Courts Act 2003, c. 39 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/39/contents>
19. Courts and Tribunals Judiciary. (n.d.-a). *District Judges (Magistrates' Courts)*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.judiciary.uk/about-the-judiciary/who-are-the-judiciary/judges/district-judge-mags-ct/>
20. Courts and Tribunals Judiciary. (n.d.-b). *Magistrates*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.judiciary.uk/about-the-judiciary/who-are-the-judiciary/magistrates/>
21. Criminal Law Act 1967, c. 58 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/contents>

22. David, R., & Brierley, J. E. C. (1978). *Major legal systems in the world today* (2nd ed.). Free Press.
23. de Groot, G.-R. (2006). Legal translation. In J. M. Smits (Ed.), *Elgar encyclopedia of comparative law* (pp. 423–433). Edward Elgar.
24. Faculty of Advocates. (n.d.). *History of Faculty*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.advocates.org.uk/faculty-of-advocates/history-of-faculty>
25. Federal'nyy zakon ot 17.12.1998 № 188-FZ «O mirovykh sud'yakh v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of December 17, 1998, No. 188-FZ “On Justices of the Peace in the Russian Federation”]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/ (in Russian)
26. Felony and misdemeanour. (n.d.). In *Encyclopaedia Britannica*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.britannica.com/topic/felony>
27. Fomina, I. N. (2019). Eurospeak and the Russian terminology of law: Translation challenges. *Professional Discourse & Communication*, 1(3), 41–49. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-3-41-49>
28. For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers [2025] UKSC 16. <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2024-0042>
29. Garner, B. A. (1987). *A dictionary of modern legal usage*. Oxford University Press.
30. Golev, N. D. (Ed.). (1999). *Yurilingvistika-1: Problemy i perspektivy* [Legal linguistics-1: Problems and prospects]. Altai State University Press. (in Russian)
31. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (in Russian)
32. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (in Russian)
33. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (in Russian)
34. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology science]. Akademiya. (in Russian)
35. Injunction. (n.d.). In *Practical Law UK glossary*. Thomson Reuters. Retrieved August 17, 2026, from <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/4-502-4584>
36. *Instructing barristers*. (n.d.). COMBAR – The Commercial Bar Association. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.combar.com/about-us/instructing-barristers/>
37. Kalmazova, N. A., Borisova, V. F., & Kuznetsova, Yu. A. (2020). English terms of terminological field legal profession: Motivation of choice and translation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 19(3), 84–96. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.8> (in Russian)
38. Karasik, V. I. (2009). Kontsept kak edinita lingvokul'turnogo koda [The concept as a unit of linguistic cultural code]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (10), 4–11 (in Russian)
39. Khizhnyak, S. P. (1997). *Yuridicheskaya terminologiya: Formirovanie i sostav* [Legal terminology: Formation and composition]. Saratov University Press. (in Russian)
40. Khizhnyak, S. P. (2016). *Kognitivnaya problematika v obshchey teorii termina* [Cognitive aspects of the general theory of the term]. Nauka. (in Russian)

41. Komarova, Z. I. (2023). *Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i eyo leksikograficheskoe opisanie* [The semantic structure of a special word and its lexicographic description] (2nd ed.). FLINTA. (in Russian)
42. Leichik, V. M. (2007). *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology science: Subject, methods, structure] (3rd ed.). LKI. (in Russian)
43. Levitan, K. M. (2012). Yuridicheskiy perevod i sravnitel'noe pravovedenie [Legal translation and comparative law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (5), 46–54 (in Russian)
44. Mamulyan, A. S., & Kashkin, S. Yu. (1993). *Anglo-russkiy polnyy yuridicheskiy slovar'* [Comprehensive English-Russian law dictionary]. Rabbit. (in Russian)
45. Martin, E. A. (Ed.). (1997). *A dictionary of law* (4th ed.). Oxford University Press.
46. Mattila, H. E. S. (2013). *Comparative legal linguistics: Language of law, Latin and modern lingua francas* (C. Goddard, Trans.; 2nd ed.). Ashgate.
47. Misdemeanor. (n.d.). In *Wex*. Legal Information Institute, Cornell Law School. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.law.cornell.edu/wex/misdemeanor>
48. Prieto Ramos, F. (Ed.). (2018). *Institutional translation for international governance: Enhancing quality in multilingual legal communication*. Bloomsbury.
49. Šarčević, S. (1997). *New approach to legal translation*. Kluwer Law International.
50. Solicitors Act 1974, c. 47 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1974/47/contents>
51. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., & Vasilyeva, N. V. (2012). *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: Theoretical issues] (6th ed.). LIBROKOM. (in Russian)
52. Supreme Court of Judicature Act 1873, 36 & 37 Vict. c. 66 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/36-37/66/contents>
53. Supreme Court of Judicature Act 1875, 38 & 39 Vict. c. 77 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/38-39/77/contents>
54. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (in Russian)
55. Vlasenko, S. V., & Zaslavskaya, V. A. (2015). Yuridicheskiy perevod v usloviyakh unifikatsii terminologii chastnogo prava [Legal translation under unification of private law terminology]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, (4), 222–234 (in Russian)
56. Winter v. Natural Resources Defense Council, Inc., 555 U.S. 7 (2008). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/555/7/>
57. Zweigert, K., & Kötz, H. (1998). *An introduction to comparative law* (T. Weir, Trans.; 3rd ed.). Clarendon Press.

Информация об авторе

Жилина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Воронеж, Россия). Область научных интересов: юрислингвистика, юридический перевод, сопоставительное терминоведение, корпусная семантика.

ORCID: 0009-0005-9134-8831.

Получено: 5 июня 2026 г.

Принято к публикации: 18 августа 2026 г.

TERMINOLOGICAL FIELD STRUCTURE AS A REFLECTION OF LEGAL INSTITUTIONS IN ENGLISH-RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY

Irina A. Zhilina

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Central Branch
(Voronezh, Russian Federation)
irina1985_2004@mail.ru*

Abstract: Institutional asymmetry of legal terms is not uniform but graduated: the divergence between a term and its translation equivalent is located at different levels, from the status of an individual unit to the structure of an entire terminological field. The present study aims to demonstrate that the structure of a terminological field reproduces the structure of the legal institution it serves, determining the level at which the translation equivalent ceases to be reliable. Drawing on four illustrative cases arranged by an increasing degree of divergence – from the status of an institution (magistrate) through categorical classification (felony / misdemeanour) and the type of legal remedy (injunction) to the structure of the field (the English series of names for a legal practitioner against the single Russian *advokat*) – the article identifies a scale on which the function of a term and its equivalent may coincide, creating an illusion of equivalence, while the actual divergence lies in the institutional structure. The analysis combines dictionary, statutory, and corpus data (the British National Corpus) with authentic court judgments. Corpus data are used to independently verify dictionary and statutory observations by establishing absolute frequencies and building collocation profiles for the core terms. Based on the analysis, a typology of four levels of asymmetry is constructed. The practical value of the results is twofold: for translation, they indicate when a functional equivalent suffices and when an institutional note is required; for bilingual lexicography, they justify an institutional label marking the level of a term's divergence from its equivalent. The proposed approach shifts the description from merely stating cross-systemic differences towards explaining their mechanism. Institutional asymmetry is thus described as an ordered, graduated phenomenon, offering the notion of correspondence between terminological fields and legal institutions as an effective tool for comparative terminology studies beyond the examined language pair.

Keywords: institutional asymmetry, legal terminology, legal translation, terminological field, functional equivalence, legal institution, corpus linguistics.

How to cite this article: Zhilina, I.A. (2026). Terminological Field Structure as a Reflection of Legal Institutions in English-Russian Legal Terminology. *Professional Discourse & Communication*, 8(3), 85–113. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-85-113>

About the author

Irina A. Zhilina, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at the Central Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Voronezh, Russian Federation). Her research interests include legal linguistics, legal translation, comparative terminology, and corpus semantics.

ORCID: 0009-0005-9134-8831.

Received: June 5, 2026.

Accepted: August 18, 2026.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-114-130>

VARIATION AND DIACHRONIC CHANGE IN EPISTEMIC STANCE: TESTING PROMOTIONAL TRENDS IN NSF GRANT PROPOSAL ABSTRACTS

Dmitriy S. Tulyakov

HSE University (Perm, Russia)

dstuliakov@hse.ru

Abstract: Although epistemic stance in academic discourse has been extensively researched in linguistics, relatively little is known about diachronic change and variation in its expression across disciplines, and still less about the grant proposal abstract, a genre produced under strong promotional pressure. The present paper addresses this gap by testing whether the widely reported trend towards research “hype” is reflected in the epistemic stance of grant proposal abstracts and, if so, whether it is uniform across disciplines. We examined three groups of epistemic stance expressions (hedges, boosters, and modal auxiliaries) in a 99.4-million-word corpus of openly available abstracts of successful NSF grant proposals representing seven disciplinary groups (biological sciences, computer and information science, engineering, geosciences, mathematical and physical sciences, social, behavioral and economic sciences, and education) and spanning the period 1987–2024. Using Kendall’s tau and linear regression, complemented by autocorrelation diagnostics, we established whether there is a consistent upward or downward trend in the incidence of these features in each discipline over time and estimated the size of the differences. The results complicate the picture drawn by existing discipline-specific studies of epistemic stance. Contrary to the upward trend observed in medical research abstracts, the frequency of boosters decreases consistently across four disciplines and in the corpus overall; the frequency of hedges follows a comparable downward trajectory, and modal auxiliaries decline overall, a trend accounted for largely by the high-frequency future marker *will*, though one that falls short of our consistency criterion, while individual modals move in opposite directions. These findings suggest that trends in the expression of epistemic stance are highly dependent on discipline and genre, and that the assumption that the language of research is becoming uniformly less cautious and more promotional merits comprehensive, cross-disciplinary empirical examination. The study contributes to ESP research by demonstrating that the promotionalisation of academic writing does not operate uniformly across professional genres and disciplines.

Keywords: epistemic stance, disciplinary variation, English for Specific Purposes, grant proposal abstracts, diachronic corpus linguistics, hedges and boosters, promotional language, academic discourse.

How to cite this article: Tulyakov, D.S. (2026). Variation and Diachronic Change in Epistemic Stance: Testing Promotional Trends in NSF Grant Proposal Abstracts. *Professional Discourse & Communication*, 8(3), 114–130. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-114-130>

1. INTRODUCTION

The importance of the research abstract as a genre has long been recognised. Abstracts are expected to provide accurate summaries of full papers or projects, yet they are also widely reproduced across bibliographic databases, institutional repositories, and funding agencies' portals, making them a common first point of contact between readers and research (Swales & Feak, 2009; Tseng, 2011). With the volume of scientific literature constantly growing, researchers increasingly rely on abstracts not only when selecting relevant work but also when navigating the broader landscape of academic knowledge production (Bondi & Lorés Sanz, 2014; Egbert & Plonsky, 2015; Kaplan et al., 1994; Melander et al., 1997).

Contrary to the view that abstracts are brief, dispassionate descriptions wholly defined by the Introduction – Methods – Results – Conclusions move structure, a substantial strand of research literature argues that abstracts are uniquely promotional: they need to “hook the reader” (Hyland & Tse, 2005) and present the research they represent as interesting, significant, and worthy of attention (Bordignon et al., 2021; Jiang & Qiu, 2022; Martín & Burgess, 2024; Martín & León Pérez, 2024). This promotional function plays an important role in grant proposal abstracts in particular. Most applications for public research funding face strong competition (Arora-Jonsson et al., 2023), so applicants have powerful incentives to make their proposals stand out, and self-promotion has been identified as a defining generic property of grant proposals (Connor & Mauranen, 1999; Feng, 2008). As a result, grant proposal abstracts sit at the intersection of two broad tendencies in contemporary academic discourse: the increasing promotionalisation of research writing in general, and the distinctive rhetorical pressures of the grant genre in particular.

Epistemic stance, defined as the expression of “attitudes, feelings, judgments, or commitment concerning the propositional content of a message” (Biber & Finegan, 1989, p. 93), reflects how promotional an academic text is. In research writing, epistemic stance positions authors in relation to their claims, their audiences, and their disciplinary communities in many divergent ways (Hyland, 2005). Because epistemic stance expressions have the power to make a statement sound more certain and confident, or conversely more tentative and cautious, the language of epistemic stance is intimately bound up with the dynamics of research promotion. Increased hyping of research over time would imply a higher incidence of certainty-expressing features such as boosters and a lower incidence of caution-expressing features such as hedges, while a retreat from hype would predict the reverse.

The purpose of this paper is to examine changes over time in the frequency of a set of epistemic stance expressions in a large diachronic corpus of NSF grant proposal abstracts, and to assess whether those changes vary across academic disciplines. More specifically, by looking at epistemic stance features in a 99.4-million-word corpus spanning 1987–2024 and representing seven disciplinary groups, we seek to test whether the claim that “there is a growing tendency for authors to hype their research” (Millar et al., 2020, p. 53) applies to grant proposal abstracts across disciplines. The paper asks whether trends in the frequency of boosters, hedges, and modal auxiliaries can actually be observed in this genre, and whether those trends are uniform and show systematic disciplinary variation.

2. THEORETICAL BACKGROUND

2.1. Rise of promotional language in academic writing

Promotional features, broadly defined as “linguistic choices that seek to change or affect the opinions or behaviours of an audience in terms of positively assessing the research contribution” (Martín & León Pérez, 2014, p. 1), are pervasive in contemporary research writing. Linguists have noted increasing “promotionalism” (Berkenkotter & Huckin, 1995; Thompson, 2016), “boost-erism” (Swales, 2004), and “marketization” (Fairclough, 1993; Hyland, 2009) across academic genres. What drives these tendencies is, arguably, the extent to which researchers depend on publishing in competitive journals and winning research grants: both activities imply promoting one’s own work in order to convince reviewers of its value and make it stand out against a background of constantly increasing output (Hyland, 2015; Lillis & Curry, 2010). Self-promotion in research writing has also been explained as a consequence of the “colonization” of academic genres by advertising discourse (Bhatia, 2005) and as a response to the specific attention economy of academic publishing, in which “papers are products competing for readers’ limited attention in a context of massively greater competition” (Hyland, 2023, p. 2).

Empirical studies confirm that promotional language is not only widespread but has increased substantially over recent decades. Millar et al. (2023) report that the use of promotional adjectives in medical journal abstracts from 1985 to 2020 increased on average by more than 1,400%, while Hyland and Jiang (2021) find that the use of hyping words in research articles across four disciplines almost doubled between 1965 and 2015, with hard sciences showing the sharpest increases. These trends are particularly evident in the abstract genre. Martín and León Pérez (2024) document a consistent rise in promotional communicative functions in medical research abstracts over an 80-year period, and Millar et al. (2022) establish comparable patterns in NIH grant proposal abstracts. Together, this body of evidence suggests that the promotionalisation of research writing is not a local or discipline-specific phenomenon but a broad tendency characterising academic discourse across a wide range of genres and fields.

2.2. Epistemic stance: hedges, boosters, and modals

Promotional tendencies in academic writing are realised through a variety of linguistic resources, of which epistemic stance expressions are among the most studied. Stance is a central interpersonal dimension of academic discourse, realised through linguistic resources that express authors’ degrees of commitment, evaluation, and alignment with readers (Hyland, 2005). Within this broader perspective, hedges and boosters constitute key stance markers: hedges allow writers to present claims as tentative and open to negotiation, whereas boosters signal confidence and emphasise the strength or certainty of propositions (Hyland, 1998). Modal auxiliaries cut across this distinction and can perform both hedging and boosting functions depending on the item and context, with verbs like *might* and *could* typically expressing epistemic tentativeness and *must* and *will* expressing strong commitment. Modal verbs are, however, functionally heterogeneous: alongside narrowly epistemic uses (e.g., *might* and *may* signalling possibility), they routinely carry deontic meanings of obligation or expectation (e.g., *should*, *must*) and dynamic meanings of ability or capacity (e.g., *can*, *could*). Following Biber and Finegan’s (1989) broad conception of stance and Millar and Batalo’s (2026) treatment of the modal system as a whole, we adopt a broad construal of stance rather than restricting the analysis to narrowly epistemic uses: in the persuasive genre of the grant abstract, the deontic projection of expected outcomes and the dynamic projection of

research capability are themselves rhetorically meaningful stance resources rather than noise to be excluded (see Section 3.2).

Corpus-based studies have consistently shown that writers deploy these stance resources not only to encode epistemic meanings but also to position themselves in relation to disciplinary norms and to construct a credible authorial identity (Hyland, 1998; Wang & Zeng, 2021). The promotional dimension of boosters in particular connects epistemic stance directly to the question of research hype: boosters such as *demonstrate*, *prove*, *clear*, and *obvious* are among the features most commonly identified in studies of promotional language in academic writing (Hyland & Jiang, 2021; Millar et al., 2022). At the same time, the behaviour of hedges under conditions of increasing promotionalism is less straightforward: if the language of research is becoming simultaneously more assertive and less cautious, one would expect booster frequencies to rise while hedge frequencies fall.

2.3. Disciplinary variation

The use of promotional language and epistemic stance in research writing is not uniform but shows substantial disciplinary variation. Hyland and Jiang (2021) find that the increase in hyping vocabulary is most pronounced in biological sciences and considerably less dramatic in soft disciplines such as sociology. At the same time, the specific lexical resources through which promotion is realised differ across fields: writing in hard sciences tends to favour adjectives promoting novelty and originality, while soft-discipline writing tends to foreground contribution and utility (Hyland & Jiang, 2024). In terms of epistemic stance more broadly, Hyland and Jiang (2016) observe that stance frequencies are increasing in the sciences while falling in the soft fields, pointing to a divergence in disciplinary trajectories rather than a single global trend. Such findings underscore the importance of disaggregating disciplinary data rather than treating “academic discourse” as a monolithic object of study.

A number of studies have also shown that disciplinary variation in promotional language and stance is genre-sensitive, meaning that the same discipline may exhibit different patterns in different text types (Xie & Mi, 2023). Grant proposal abstracts are a genre with distinctive rhetorical characteristics – they address programme officers rather than a broad research community, they are written to secure funding rather than to report completed work, and they are produced under conditions of direct institutional competition – and these characteristics may shape stance use in ways that differ from published research abstracts or full papers.

2.4. Diachronic change

Although much of the existing work on promotional language and epistemic stance is synchronic, a smaller body of research examines change over time. Hyland and Jiang (2016) provide a diachronic analysis of stance in research articles across four disciplines from 1965 to 2015, finding that while booster use increases in the sciences, hedge frequency shows a more complex and discipline-differentiated picture. Millar et al. (2022, 2023) offer the most directly relevant precedent: examining NIH grant proposal abstracts and the corresponding published research abstracts from 1985 to 2020, they find consistent growth in promotional adjective use across both genres. These studies demonstrate the value of diachronic corpus methods for identifying trends that would be invisible in a snapshot analysis. Crucially, however, no study to date has examined diachronic change in epistemic stance across a multi-disciplinary corpus of grant proposal abstracts spanning a relatively long period.

Recent diachronic work on other genres makes this gap more precise. Yao et al. (2023) trace a significant decline in uncertainty-marking hedges in Science research articles over twenty-five years and interpret it not as a retreat from promotion but as an implicit promotional strategy – a

reduction of uncertainty that aligns with rising linguistic positivity. In parallel, a growing body of research documents diachronic change in authorial self-mention: Wang and Hu (2023) report discipline-shaped shifts in how authors refer to themselves in research articles across five decades, and Abdeljaoued (2026) finds that, in doctoral theses, declining hedging is accompanied by a substantial increase in self-mention – a form of authorial presence that can itself perform evaluative and promotional work. Taken together, these studies suggest that a fall in one stance resource need not signal a fall in promotion overall, since promotional force may be redistributed across other channels such as self-mention, positive lexis, or framing. What remains unknown, and what the present study addresses, is whether and how these dynamics play out in a multi-disciplinary corpus of grant proposal abstracts spanning a long period.

The present study addresses this gap. By examining three categories of epistemic stance features (modal auxiliaries, hedges, and boosters) in a 99.4-million-word corpus of NSF grant proposal abstracts over a 38-year period (1987–2024 inclusive), it contributes to the growing body of diachronic research on evaluative and promotional language in academic writing, while also providing what is to our knowledge the first systematic multi-disciplinary account of long-term change in epistemic stance in the grant proposal abstract genre.

3. MATERIAL AND METHODS

3.1. Corpus

For this study, we used openly available abstracts of winning grant proposals submitted to the US National Science Foundation (NSF), one of the largest public research funders in the US, in the years from 1987 to 2024. The choice of 1987 as the starting year is explained by data inconsistencies and a highly uneven number of abstracts from different disciplines available on the NSF website for years prior to this date.

The corpus represents abstracts of all winning research grant proposals submitted to seven major NSF Directorates responsible for allocating public funds to research: the Directorate for Biological Sciences (BIO), the Directorate for Computer and Information Science and Engineering (CSE), the Directorate for Engineering (ENG), the Directorate for Geosciences (GEO), the Directorate for Mathematical and Physical Sciences (MPS), the Directorate for Social, Behavioral and Economic Sciences (SBE), and the Directorate for STEM Education (EDU).

The abstracts were retrieved from the NSF portal and then processed using a custom Python script that converted the original JSON files into plain text files, filtered research grants only, removed duplicate abstracts, and cleaned the data of HTML artefacts. Table 1 provides summary information about word counts for each of these subcorpora and the total word count of the NSF corpus (also see Appendix C).

Table 1. *Word counts (million words), number of files, and median number of abstracts per year for the NSF corpus*

(Sub)corpus	Word count (M)	No. of files	Median abstracts/yr
BIO	14.4	45742	1252
CSE	12.3	41729	1127
EDU	9.2	32025	833
ENG	15.5	49745	1276
GEO	13.9	47053	1266
MPS	23.3	78458	2076
SBE	10.8	31339	850
NSF Total	99.4	326091	8581

3.2. Feature selection

Modal auxiliaries, hedges, and boosters are essential categories of stance expressions (Gray & Biber, 2014; Hyland, 2005) that have been applied to a wide variety of genres of academic writing (Hyland, 1998; Hyland & Jiang, 2016; Loi & Lim, 2019; Millar et al., 2022; Takimoto, 2015). Each such study depends on the selection of stance expressions that are to be included in the analysis.

Following Millar and Batalo (2026), who analysed epistemic stance in abstracts of medical research papers, we searched the corpora for three groups of epistemic stance features: modal auxiliaries (e.g., *might*, *could*; 10 items total), hedges (e.g., *possible*, *apparently*; 69 items total), and boosters (e.g., *obvious*, *prove*; 57 items total; see Appendices A and B).

We adopted Millar and Batalo's (2026) feature set for three main reasons. First, their selection of stance markers appears quite comprehensive, and the hedging and boosting expressions in their list display a low degree of ambiguity. Second, using this selection of features ensures comparability of the results. Third, in contrast to stance and promotional features considered by Hyland and Jiang (2024), Millar and Batalo's list is openly available to other researchers.

Because the appropriateness of a pre-defined feature set cannot be taken for granted, we took steps to examine the provenance of this list and validate it for the present genre. Millar and Batalo's (2026) inventory was predominantly derived from the stance features in the appendix of Hyland (2005): modal auxiliary verbs, epistemic adverbs and adjectives, epistemic verbs, and multi-word phrases categorised as hedges and boosters. To this base they added a number of further features identified in their data and four modal verbs not in the original list, so that the inventory contained all core modal auxiliaries, and they combined inflectional variants of the same verb under a single headword while keeping related forms with distinct evaluative meanings (e.g., *apparent* vs. *apparently*) separate. Their compilation was accompanied by a disambiguation procedure: for each feature, a minimum of 200 instances were inspected for errors, searches were designed to separate epistemic uses from homographs (e.g., *may* the verb vs. the proper noun), and features showing consistent trends were further checked through concordance lines and collocations. We adopted this list because it is theoretically grounded in Hyland (2005), comparatively comprehensive, openly available, and compiled with a disambiguation procedure.

Three clarifications follow from this design. First, the three categories are mutually exclusive: the ten modal auxiliaries form a closed, discrete set (*can*, *could*, *may*, *might*, *must*, *ought*, *shall*, *should*, *will*, *would*) that does not overlap with the hedge or booster lists, so a modal is counted once, as a modal, and is never double-counted as a hedge or a booster (Appendix A). Second, modal auxiliaries are analysed as a separate category, rather than as distributed across hedges and boosters, because they cut across the certainty-tentativeness distinction and, as Millar and Batalo (2026) argue, changes in any one modal are best interpreted against the behaviour of the modal system as a whole; their high frequency and functional saliency make the system itself a unit of analysis. Third, as noted in Section 2.2, modal verbs span epistemic, deontic, and dynamic meanings; we therefore treat them as markers of stance broadly construed rather than of narrowly epistemic commitment, on the grounds that the projection of expected outcomes (deontic) and of research capability (dynamic) are themselves central rhetorical moves in the grant abstract.

Finally, to guard against importing items that do not function as stance markers in this register, we carried out two genre-validation checks reported in the supplementary materials (Appendices E and H). We first computed the raw and normalised frequencies of items whose function in impersonal grant abstracts might be questioned, including first-person hedges (*from the perspective*, *in my opinion*, *in my view*, *to our knowledge*), illocutionary verbs (*claim*, *argue*, *postulate*), and multifunctional boosters (*believe*, *demonstrate*, *establish*, *evidence*, *find*, *highlight*, *realize*, *reveal*,

show, think). First-person hedges occur at negligible frequencies, consistent with the impersonal style of the genre, and were retained only for comparability with Millar and Batalo (2026). We then examined a stratified random sample of concordance lines (see Section 3.3) to confirm that the items driving the reported trends function as stance markers rather than as, for example, purely procedural reporting verbs, and we cross-referenced the categorisations in Appendix A against these examples. As a robustness check, we additionally re-estimated the category-level trends with the most multifunctional items removed (sensitivity analysis reported in Appendix F).

3.3. Statistical analysis

Using a custom Python script, we calculated relative frequencies (normalised per million words) of all items belonging to each epistemic stance category in each subcorpus for each year in the period from 1987 to 2024. We then used several statistical measures to establish whether changes in the frequency of epistemic stance features in different subcorpora over the years amount to a consistent trend. To determine the direction and consistency of change, we used Kendall's tau (rank-order correlation; Hilpert & Gries, 2009). To estimate the size of the effect and the proportion of variance explained by time, we used linear regression, reporting the regression coefficient beta and the coefficient of determination R^2 (Millar & Batalo, 2026). Statistical significance thresholds follow the standard asterisk notation: *** = $p < 0.001$; ** = $p < 0.01$; * = $p < 0.05$; ns = $p > 0.05$. In Tables 2–5, the asterisks next to a tau refer to the p-value of the Kendall test and those next to the beta refer to the p-value of the regression coefficient; the two tests are reported independently, and their significance levels may differ for the same row.

Following Hilpert and Gries (2009), we interpret these metrics as follows. Kendall's tau over 0.4 (or under -0.4) indicates a consistent trend, with values approaching 1 (or -1) suggesting the highest consistency. The regression coefficient beta estimates the average effect size of the change over the years expressed in normalised frequency units ("the frequency of expression x decreased by about y words per million each year over the period"). The coefficient of determination R^2 estimates how much of the change in frequencies of stance expression, proportionately, is explained by the passage of time; the closer the value is to 1, the more we can be sure that this is a solid diachronic trend rather than a chance fluctuation.

Because annual frequency counts in a diachronic corpus may exhibit temporal autocorrelation, we do not rely on R^2 alone as a criterion of significance: for each consistent trend we additionally inspected the regression residuals for serial dependence using the Durbin-Watson statistic, and we report the regression p-values and 95% confidence intervals for each beta coefficient alongside these diagnostics in Appendix D. Annual token counts for every subcorpus, which allow the normalised frequencies to be related to the underlying corpus size and the influence of exogenous shocks (e.g., the 2008 financial crisis and the 2020 pandemic) to be assessed, are provided in Appendix C.

4. RESULTS

4.1. Overall trends in the NSF corpus

Table 2 shows the results of trend analysis for the three categories of epistemic stance features in the NSF corpus overall. Hereafter, frequency numbers refer to normalised values (words per million) and the asterisk notation is used to indicate statistical significance: *** = $p < 0.001$; ** = $p < 0.01$; * = $p < 0.05$; ns = $p > 0.05$.

The frequencies in Table 2 equal the sums of the item-level means reported in Appendix E; tau, beta and R^2 are as reported in Appendix D.

Table 2. *NSF trend analysis (overall corpus)*

Category	Frequency	Tau	Beta	R^2
Modals	18,653	−0.35**	−50.67***	0.40
Boosters	1,927	−0.66***	−12.29***	0.62
Hedges	3,162	−0.51***	−18.67***	0.50

Boosters and hedges follow a similar pattern, with boosters showing the more consistent downward trend of the two (tau −0.66 against −0.51), but the annual decrease is larger for hedges. Modal auxiliaries also show an overall decline, a trend carried almost entirely by the high-frequency form *will*. However, the decline in modals does not meet the consistency criterion adopted (its tau of −0.35 is below the $|\text{tau}| > 0.4$ threshold, as is the tau of *will*, −0.29). The overall decline in modals is therefore a robust effect-size finding rather than a consistent trend and should be treated as such.

4.2. Disciplinary trends

Table 3 shows the trends identified in the disciplinary subcorpora, including only those that are consistent (tau > 0.4 or tau < −0.4) and statistically significant ($p < 0.01$) – for details, see Appendix D.

Table 3. *Disciplinary trend analysis (significant trends only)*

Subcorpus	Category	Frequency	Tau	Beta	R^2
BIO	Boosters	1,920	−0.76***	−27.43***	0.84
BIO	Hedges	3,337	−0.72***	−33.89***	0.80
SBE	Hedges	4,487	−0.60***	−40.69***	0.60
GEO	Boosters	1,680	−0.58***	−14.86***	0.55
SBE	Boosters	2,569	−0.57***	−22.43***	0.58
MPS	Modals	17,656	−0.53***	−145.31***	0.60
GEO	Hedges	3,346	−0.43***	−15.55***	0.38
CSE	Boosters	1,848	−0.41***	−11.27***	0.32
EDU	Boosters	1,530	+0.48***	+18.25***	0.46

Six of the seven disciplines are characterized by at least one consistent, statistically significant trend in the use of epistemic stance expressions; only engineering (ENG) shows no disciplinary trend that meets the inclusion criteria. Most disciplinary trends concern the same categories that show trends in the corpus as a whole: consistent downward trends in the use of boosters and hedges in BIO, SBE, and GEO, a downward trend in the use of modal verbs in the mathematical and physical sciences (MPS), and a downward trend in the use of boosters in computer and information science (CSE). The only upward trend strong enough to meet these criteria is an increase of approximately 18 words per million per year in the use of boosters in education (EDU).

Engineering is not, however, without a diachronic movement: its hedges fall at 14.59 words per million per year (tau −0.39, $p < 0.001$), narrowly below the consistency threshold, and its flat booster series hides a decline that becomes significant once multifunctional items are removed (Appendix F; see Section 5.4).

4.3. Individual epistemic expressions

A look at epistemic stance expressions rather than categories suggests that expressions of all kinds show consistent trends in many disciplines and in the whole corpus (Table 4, Appendix E). Tables 4 and 5 include only those (expression x corpus) pairs in which the item is encountered in at least half of the 38 years; items present in fewer years cannot support a rank-order estimate, since their annual series consist largely of tied zero values, and Appendix E marks them accordingly.

Table 4. *Top 10 epistemic stance expressions with the most consistent downward trend*

Expression	Corpus	Category	Frequency	Tau	Beta	R ²
should	NSF	Modal	335	−0.94***	−14.53***	0.96
should	BIO	Modal	385	−0.90***	−19.92***	0.92
should	ENG	Modal	282	−0.88***	−14.28***	0.87
probably	NSF	Hedge	17	−0.87***	−1.10***	0.92
should	SBE	Modal	535	−0.86***	−25.92***	0.79
possible	NSF	Hedge	400	−0.86***	−8.42***	0.93
should	GEO	Modal	310	−0.85***	−14.38***	0.94
very	NSF	Booster	459	−0.84***	−10.07***	0.84
possible	ENG	Hedge	362	−0.83***	−9.11***	0.87
very	SBE	Booster	380	−0.83***	−13.54***	0.82

The decrease in *should* emerges as the most pronounced downward trend, appearing consistently across the full corpus and in every one of the seven disciplinary subcorpora. Other notable downward trends involve the hedge *possible* and the booster *very*.

Table 5 presents the ten expressions with the most consistent upward trends, comprising five boosters, four hedges, and one modal (also see Appendix E). The largest increase is the booster evidence in the education subcorpus (EDU), which rises at approximately 31 words per million per year. The boosters *highlight* and *realize* show the strongest upward tendencies overall, particularly in the mathematical and physical sciences (MPS). Among high-frequency items, the modal *can* also rises steadily at the corpus level (tau +0.70, about +23 words per million per year), mirroring the decline of *should*.

Table 5. *Top 10 epistemic stance expressions with the most consistent upward trend*

Expression	Corpus	Category	Frequency	Tau	Beta	R ²
highlight	NSF	Booster	25	+0.84***	+1.02***	0.92
realize	MPS	Booster	30	+0.82***	+1.74***	0.85
realize	NSF	Booster	31	+0.81***	+1.30***	0.90
evidence	EDU	Booster	387	+0.78***	+30.62***	0.78
broadly	GEO	Hedge	68	+0.77***	+3.50***	0.85
often	CSE	Hedge	380	+0.76***	+8.08***	0.81
highlight	MPS	Booster	22	+0.75***	+0.99***	0.82
broadly	NSF	Hedge	91	+0.75***	+4.44***	0.85
could	MPS	Modal	302	+0.75***	+5.58***	0.85
broadly	SBE	Hedge	123	+0.74***	+5.79***	0.81

5. DISCUSSION

The present study set out to test whether the widely reported trend towards increasing promotionalisation in academic discourse is found in NSF grant proposal abstracts. Rather than showing a unidirectional increase in assertiveness, the results reveal a parallel decline in both boosters and

hedges, together with an aggregate decline in modal auxiliaries that is carried by the high-frequency future marker *will* rather than by any uniform epistemic shift, and that is an effect-size rather than a consistency finding (see Section 4.1). These findings call for a re-examination of how epistemic stance functions in grant proposal abstracts and how it relates to broader claims about the “hype” in research writing.

5.1. Beyond the hype hypothesis: Convergence rather than polarisation

The results show that epistemic stance in grant abstracts does not appear to be evolving towards greater certainty at the expense of caution, as might be predicted by the promotionalisation literature (e.g., Hyland & Jiang, 2021; Millar et al., 2022). Instead, the simultaneous downward trends in boosters and hedges suggest a process of convergence.

The concordance data illustrate that earlier abstracts rely heavily on explicit lexical signalling of both certainty and tentativeness. On the boosting side, such items as *clearly*, *obvious*, *indeed*, and *prove* are used to foreground importance and epistemic confidence (e.g., “these studies will clearly set the stage for significant future work”; “the implications ... are obvious”). At the same time, these texts are densely hedged with items such as *appear*, *likely*, *possible*, and *suggest*, which temper claims and align them with disciplinary expectations of caution (e.g., “results are likely to be useful”; “data suggest microtubules may regulate...”).

This coexistence reflects the dual interpersonal function of stance (Hyland, 1998, 2005), a balancing of persuasion and defensibility. The diachronic reduction of both types of markers thus might indicate not a shift towards one pole but a reduced reliance on overt stance marking altogether. We advance the convergence of boosters and hedges as a hypothesis rather than an established finding. Writers may be increasingly relying on other forms of evaluation to establish credibility. Existing diachronic accounts of stance in academic writing suggest a redistribution, in which research promotion and self-positioning migrate from single-word hedges and boosters towards other channels such as evaluative framing and promotional lexis; in other genres this redistribution has been observed to include rising first-person self-mention (Abdeljaoued, 2026; Biber & Finegan, 1989; Wang & Hu, 2023; Yao et al., 2023).

As preliminary support, Appendix G reports diachronic counts of self-mention markers and promotional adjectives. Promotional adjectives (e.g., *novel*, *innovative*, *significant*) rise visibly and consistently in most disciplines; first-person self-mention, by contrast, shows no consistent overall trend in this genre: it rose through the 1990s, peaked around 2001, and has since fallen back, ending only modestly above its 1987 level and well below that peak. This pattern suggests that in NSF abstracts promotional rhetoric is often expressed through evaluative lexis rather than boosters, a genre-specific qualification of the self-mention findings cited above. We, however, still treat this account as provisional, because the observed decline may be attributed to alternative explanations that our present design cannot exclude (for example, to a drift towards multi-word epistemic expressions not included in the feature list, or to shifts in editorial or formatting conventions); we return to these in the Limitations section.

This interpretation could explain the present findings in the context of broader literature on promotional features of academic texts. With rare exceptions, studies documenting increased “hype” have typically focused on evaluative lexical items (e.g., promotional adjectives, such as “innovative” or “groundbreaking”) rather than on epistemic stance expression per se (Hyland & Jiang, 2021; Millar et al., 2023). It is therefore possible that promotionalisation is occurring through different linguistic channels, while epistemic stance marking becomes more restrained.

5.2. Shifts within stance categories

A closer look at individual items suggests that the observed decline at the category level masks important functional shifts within categories. Not all hedges and boosters behave alike: some decrease sharply (e.g., *possible*, *very*, *should*), while others increase (e.g., *often*, *potentially*, *highlight*, *realize*). We therefore treat the category-level decline as a first-order finding that is qualified, but not overturned, by these item-level dynamics: the aggregate downward trend is the net result of heterogeneous item trajectories. Several rising items (for instance, *often* and *broadly* among the hedges and *highlight* and *realize* among the boosters) perform scope-limiting or contribution-signalling functions rather than the certainty- or uncertainty-marking functions of the items that decline most steeply. The sensitivity analysis reported in Appendix F demonstrated that the category-level trends remain consistent in direction and significance when the most multifunctional items are removed in fourteen of the sixteen category/discipline combinations tested, which suggests that the first-order finding is robust to these item-level complications. The two exceptions concern boosters in EDU: the trend reverses from +18.25 to -7.07, and in ENG a non-significant decline of -3.99 becomes a significant one of -15.76. We return to both in Section 5.5.

The concordance evidence indicates that rising hedging items tend to perform different discourse functions from those declining. For example, traditional epistemic hedges such as *possible* and *probably*, which signal uncertainty, contrast with increases in items like *often* and *broadly*, which concern distribution, scope, or generalisation rather than doubt.

A similar pattern can be observed among boosters. Early abstracts frequently rely on high-certainty boosters such as *prove*, *clear*, and *obvious*, often in evaluative statements about the significance of the research. By contrast, items showing upward trends (e.g., *highlight*, *realize*) tend to foreground contribution or potential without making strong epistemic claims. For instance, “the conference will highlight exciting developments” promotes importance, but does not assert epistemic certainty in the same way as “this work will prove...”

5.3. Modal auxiliaries: Obligation to potential

Modal auxiliaries present a different picture, with an overall decline carried almost entirely by the high-frequency future marker *will*, alongside sizeable changes at the level of individual forms, most notably *should* and *can*. As noted in Section 4.1, neither the category as a whole, nor *will* individually, meets our consistency criterion, so the aggregate trend is best read as an effect size trend. Other item-level trends are, by contrast, among the most consistent in the corpus: *should* falls at tau -0.94 and *can* rises at tau +0.70.

In the concordance data, *should* is commonly used in earlier abstracts to express expected outcomes or normative evaluations, as in “these studies should provide insights...” This usage frames claims in terms of anticipated success or desirability. By contrast, *can* typically refers to capacity and possibility, often in terms of practical application or methodology, as in descriptions of what a model or method can achieve.

The shift from *should* to *can* could reflect a reorientation from normative evaluation towards potential and capability. This aligns closely with the forward-looking nature of grant proposals: rather than emphasising what outcomes ought to follow, contemporary abstracts increasingly foreground what the proposed research is capable of doing. Such a shift is consistent with present-day funding discourse, which prioritises feasibility, scalability, and impact.

It is important to be precise about the nature of this shift: it is a movement across modal domains, from the deontic, obligation-oriented use of *should* to the dynamic, ability-oriented use of *can*, rather than a change within the epistemic system, and we therefore do not interpret it as a

change in epistemic certainty as such. The concordance data also indicate that *should* is not exclusively evaluative in this genre: it additionally appears in methodological and recommendation contexts (e.g., specifying what a procedure should do or what future work should address), so part of its decline may be tied to changing conventions for describing methods and anticipated outcomes rather than a matter of rhetorical promotion.

5.4. Disciplinary selectivity

Another important finding is that diachronic change in epistemic stance is uneven across disciplinary groupings. Statistically robust category-level trends are observed in six of the seven disciplines: the most pervasive are in Biological Sciences (BIO), Social, Behavioral and Economic Sciences (SBE), and Geosciences (GEO), where both boosters and hedges decline; Mathematical and Physical Sciences (MPS) shows a decline in modal verbs, Computer and Information Science (CSE) a decline in boosters, and Education (EDU) a rise in boosters, the only upward category-level trend. Only Engineering (ENG) shows no category-level trend that meets the inclusion criteria. This pattern lends strong support to the view that diachronic developments in academic discourse are discipline-sensitive rather than uniform (Hyland & Jiang, 2016).

At the same time, the stability of engineering should not be interpreted as an absence of change. Engineering hedges fall at a rate narrowly short of the consistency threshold, and the flat booster series becomes a robust decline once the ten most multifunctional items are removed, because the rise of those items (+11.77 words per million per year in aggregate) offsets a fall of -15.76 across the remaining forty-seven boosters (Appendix F). Engineering therefore does exhibit compensatory developments at a more granular level, in the form of shifts in the distribution of individual lexical items within categories. It is also possible that disciplines differ in how they negotiate the balance between epistemic caution and persuasive force, depending on their methodological traditions, evidential standards, and evaluative cultures.

In this respect, the findings reinforce the importance of treating “academic discourse” as a heterogeneous and locally regulated construct, shaped by discipline-specific epistemologies as well as by the rhetorical demands of particular genres.

A further qualification concerns the status of the disciplinary groupings themselves. The NSF Directorates are administrative units rather than purely disciplinary ones, and several are internally heterogeneous: the Mathematical and Physical Sciences Directorate (MPS), for example, encompasses disciplines as disparate as mathematics, physics, chemistry, and astronomy. Where category-level signals appear weak, this may partly reflect the aggregation of opposing trends in such constituent fields cancelling at the Directorate level rather than genuine stasis. We return to this in the Limitations section.

5.5. Disciplinary variation in the strength and direction of change

Although six of the seven Directorates show at least one consistent category-level trend, the disciplines differ significantly in the strength and even the direction of change, and this variation is itself informative. The clearest parallel declines in both boosters and hedges occur in the Biological Sciences (BIO), Geosciences (GEO), and Social, Behavioral and Economic Sciences (SBE); Computer and Information Science (CSE) shows a decline in boosters, the Mathematical and Physical Sciences (MPS) a decline in modal verbs, and Engineering (ENG) only a weaker, sub-threshold decline in hedges. Education (EDU) is a notable outlier: boosters here rise rather than fall. The sensitivity analysis (see Appendix F) shows that the increase is carried by the multifunctional, contribution-signalling subset of the booster inventory rather than by boosters as a

class, as removing the ten most multifunctional items reverses the trend. Within that subset, the increase is concentrated in a single item. The booster *evidence* rises at 30.62 words per million per year in EDU, the largest item-level increase anywhere in the corpus (Table 5), while the other nine removed items contribute –5.30 together. The education subcorpus therefore records a growing appeal to evidence as a booster rather than a broad rise in expressed certainty.

The modal auxiliaries are similarly uneven: in effect-size terms they fall in GEO, MPS and SBE and rise in BIO. However, of the four, only MPS meets our consistency criterion. The remaining three changes are best read as directional tendencies in magnitude rather than as consistent monotonic trends.

5.6. Limitations

Several limitations qualify the interpretation of these results. First, the corpus consists of funded NSF award abstracts only. It therefore documents the language of successful proposals and says nothing about how the stance profile of funded abstracts compares with that of unfunded ones.

Second, NSF award abstracts are a hybrid genre. They originate in a competitive, persuasive process but are published, after the award decision, as public-facing summaries on the NSF Award Search database, where they serve accountability and dissemination functions for an audience that includes Congress, journalists, and the general public as well as fellow researchers. Their stance profile reflects this dual orientation, and changes over time may track shifts in either the persuasive or the public-communication dimension.

Third, as discussed in Sections 5.4 and 5.5, the disciplinary groupings are NSF Directorates, which are administrative rather than epistemological units and are in several cases internally heterogeneous. Null results at the Directorate level may conceal compensating trends in constituent subfields, and the disciplinary findings should be read with this aggregation in mind.

Fourth, the feature inventory was imported from research on a different genre – NIH grant applications and, ultimately, an appendix compiled for academic writing more broadly – and may not capture every stance resource that is salient in NSF abstracts, while including some that are marginal here. Although we inspected a minimum of 200 hits per feature and ran concordance and sensitivity checks, lexical polysemy and functional multifunctionality mean that automatic frequency counts remain approximations of the underlying pragmatic categories.

Fifth, we did not control for abstract length, which can vary across time and discipline and may affect normalised frequencies; nor can we fully exclude the effect of changes in NSF submission guidelines and abstract conventions over the 1987–2024 period. The filter used to restrict the dataset to research-grant abstracts, while validated on a sample, may also admit a small proportion of non-research awards.

Finally, the statistical models treat annual frequencies as independent observations; although we report autocorrelation diagnostics and confidence intervals in the supplementary materials (see Appendix D), the time series are relatively short and sensitive to exogenous shocks such as the 2008 financial crisis and the 2020 pandemic. For all these reasons, the trends reported here should be generalised to other genres, funding bodies, and national contexts only with caution.

6. CONCLUSION

This study has examined diachronic change in epistemic stance across a 99.4-million-word corpus of NSF grant proposal abstracts spanning the period 1987–2024 and representing seven disciplinary groupings. The analysis shows that the language of stance in this genre does not con-

form to a simple trajectory of increasing promotionalism. At the level of the corpus as a whole, both boosters and hedges display consistent downward trends, while modal auxiliaries decline in combined frequency, a trend carried by the high-frequency marker *will* rather than by a uniform epistemic shift, and one that falls below our consistency threshold even though the item-level shift from *should* to *can* within the category does not. Rather than indicating a straightforward rise in certainty or a retreat into caution, these patterns point to a reduction in overt epistemic marking across the genre.

The disciplinary results further complicate any general claim about uniform rhetorical change in academic discourse. Category-level trends are observed in six of the seven disciplines, most consistently in Biological Sciences, Social, Behavioral and Economic Sciences, and Geosciences, with further trends in the Mathematical and Physical Sciences, Computer and Information Science, and Education, while only Engineering shows no category-level change meeting the criteria. This uneven distribution suggests that diachronic developments in epistemic stance are shaped by disciplinary and genre-specific norms and cultures.

The findings contribute to current research on academic promotional language in two ways. First, they suggest that claims about the growing trend towards “hype” in research writing cannot simply be generalised across genres or linguistic subsystems. In NSF grant proposal abstracts, the decline of both boosters and hedges indicates not a move towards stronger certainty, but a more complex restructuring of stance. Second, the analysis of individual expressions points to a qualitative shift within stance categories: highly explicit lexical markers of certainty and uncertainty appear to be giving way, at least in part, to expressions that foreground capability, scope, and relevance rather than categorical epistemic commitment.

The results support a view of academic discourse as heterogeneous, locally regulated, and highly sensitive to disciplinary and genre-specific conditions. If research writing is indeed becoming more promotional in some contexts, that development is unlikely to be uniform across all genres or realised through the same linguistic resources everywhere. A fuller understanding of diachronic change in academic discourse will therefore require further large-scale, cross-disciplinary, and multi-genre studies combining category-level analysis with closer attention to the shifting functions of individual lexical items.

Grant information

This article is an output of a research project HSE-BR-2025-032 implemented as part of the Basic Research Project at HSE University.

Conflict of interest

The author states that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Abdeljaoued, M. (2026). From hedging to self-mention: Seventy years of stance in doctoral theses and what it means for EAP. *Journal of English for Academic Purposes*, 79, 101616. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2025.101616>

2. Arora-Jonsson, S., Brunsson, N., & Edlund, P. (2023). The construction of competition in public research funding systems. In B. Lepori, B. Jongbloed, & D. Hicks (Eds.), *Handbook of public funding of research* (pp. 172–184). Edward Elgar Publishing.
3. Berkenkotter, C., & Huckin, T. N. (1995). *Genre knowledge in disciplinary communication: Cognition/culture/power*. Lawrence Erlbaum Associates.
4. Bhatia, V. (2005). Generic patterns in promotional discourse. In H. Halmari & T. Virtanen (Eds.), *Persuasion across genres: A linguistic approach* (pp. 213–225). John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.130.13bha>
5. Biber, D., & Finegan, E. (1989). Styles of stance in English: Lexical and grammatical marking of evidentiality and affect. *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 9(1), 93–124. <https://doi.org/10.1515/text.1.1989.9.1.93>
6. Bondi, M., & Lorés Sanz, R. (Eds.). (2014). *Abstracts in academic discourse: Variation and change*. Peter Lang.
7. Bordignon, F., Ermakova, L., & Noel, M. (2021). Over-promotion and caution in abstracts of preprints during the COVID-19 crisis. *Learned Publishing*, 34(4), 622–636. <https://doi.org/10.1002/leap.1411>
8. Connor, U., & Mauranen, A. (1999). Linguistic analysis of grant proposals: European Union research grants. *English for Specific Purposes*, 18(1), 47–62. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(97\)00026-4](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(97)00026-4)
9. Egbert, J., & Plonsky, L. (2015). Success in the abstract: Exploring linguistic and stylistic predictors of conference abstract ratings. *Corpora*, 10(3), 291–313. <https://doi.org/10.3366/cor.2015.0079>
10. Fairclough, N. (1993). Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities. *Discourse & Society*, 4(2), 133–168. <https://doi.org/10.1177/0957926593004002002>
11. Feng, H. (2008). A genre-based study of research grant proposals in China. In U. Connor, E. Nagelhout, & W. Rozycki (Eds.), *Contrastive rhetoric: Reaching to intercultural rhetoric* (pp. 63–86). John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.169.07fen>
12. Gray, B., & Biber, D. (2014). Stance markers. In K. Aijmer & C. Rühlemann (Eds.), *Corpus pragmatics: A handbook* (pp. 219–248). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139057493.012>
13. Hilpert, M., & Gries, S. Th. (2009). Assessing frequency changes in multistage diachronic corpora: Applications for historical corpus linguistics and the study of language acquisition. *Literary and Linguistic Computing*, 24(4), 385–401. <https://doi.org/10.1093/lc/fqn012>
14. Hyland, K. (1998). *Hedging in scientific research articles* (Vol. 54). John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.54>
15. Hyland, K. (2005). Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*, 7(2), 173–192. <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>
16. Hyland, K. (2009). *Academic discourse: English in a global context*. Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781474211673>
17. Hyland, K. (2015). *Academic publishing: Issues and challenges in the construction of knowledge*. Oxford University Press.
18. Hyland, K. (2023). Academic publishing and the attention economy. *Journal of English for Academic Purposes*, 64, 101253. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2023.101253>

19. Hyland, K., & Jiang, F. (Kevin). (2016). Change of attitude? A diachronic study of stance. *Written Communication*, 33(3), 251–274. <https://doi.org/10.1177/0741088316650399>
20. Hyland, K., & Jiang, F. (Kevin). (2021). ‘Our striking results demonstrate ...’: Persuasion and the growth of academic hype. *Journal of Pragmatics*, 182, 189–202. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.06.018>
21. Hyland, K., & Jiang, F. (Kevin). (2024). Hying the REF: Promotional elements in impact submissions. *Higher Education*, 87(3), 685–702. <https://doi.org/10.1007/s10734-023-01030-y>
22. Hyland, K., & Tse, P. (2005). Hooking the reader: A corpus study of evaluative that in abstracts. *English for Specific Purposes*, 24(2), 123–139. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2004.02.002>
23. Jiang, F. (Kevin), & Qiu, X. (2022). “These findings are very astonishing”: Hying of disciplinary research in 3MT presentations and thesis abstracts. *Australian Journal of Linguistics*, 42(3–4), 300–322. <https://doi.org/10.1080/07268602.2023.2180320>
24. Kaplan, R. B., Cantor, S., Hagstrom, C., Kamhi-Stein, L. D., Shiotani, Y., & Zimmerman, C. B. (1994). On abstract writing. *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 14(3), 401–426. <https://doi.org/10.1515/text.1.1994.14.3.401>
25. Lillis, T., & Curry, M. J. (2010). *Academic writing in a global context: The politics and practices of publishing in English*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203852583>
26. Loi, C. K., & Lim, J. M.-H. (2019). Hedging in the discussion sections of English and Malay educational research articles. *GEMA Online® Journal of Language Studies*, 19(1), 36–61. <https://doi.org/10.17576/gema-2019-1901-03>
27. Martín, P., & Burgess, S. (2024). “Our study offers insight into...” Rhetorical promotion in English and Spanish conference abstracts. *International Journal of Applied Linguistics*, 34(1), 134–149. <https://doi.org/10.1111/ijal.12483>
28. Martín, P., & León Pérez, I. K. (2014). Convincing peers of the value of one’s research: A genre analysis of rhetorical promotion in academic texts. *English for Specific Purposes*, 34, 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2013.09.002>
29. Martín, P., & León Pérez, I. (2024). The rise of promotional communicative functions in medical research article abstracts: A diachronic (1940–2022) perspective. *Higher Education*, 88(1), 209–223. <https://doi.org/10.1007/s10734-023-01112-x>
30. Melander, B., Swales, J. M., & Fredrickson, K. M. (1997). Journal abstracts from three academic fields in the United States and Sweden: National or disciplinary proclivities? In A. Duszak (Ed.), *Culture and styles of academic discourse* (pp. 251–272). Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110821048.251>
31. Millar, N., & Batalo, B. (2026). Comparative analysis of epistemic stance in abstracts of published biomedical research and associated National Institutes of Health funding applications (1985–2020). *Applied Linguistics*, 47(1), 73–92. <https://doi.org/10.1093/applin/amae072>
32. Millar, N., Batalo, B., & Budgell, B. (2022). Trends in the use of promotional language (hype) in abstracts of successful National Institutes of Health grant applications, 1985–2020. *JAMA Network Open*, 5(8), e2228676. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2022.28676>
33. Millar, N., Batalo, B., & Budgell, B. (2023). Promotional language (hype) in abstracts of publications of National Institutes of Health–funded research, 1985–2020. *JAMA Network Open*, 6(12), e2348706. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2023.48706>

34. Millar, N., Budgell, B., & Salager-Meyer, F. (2020). Hype in reports of clinical research: The authors' perspectives. *English for Specific Purposes*, 60, 53–64. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2020.07.001>
35. Swales, J. M. (2004). *Research genres: Explorations and applications*. Cambridge University Press.
36. Swales, J. M., & Feak, C. B. (2009). *Abstracts and the writing of abstracts*. University of Michigan Press.
37. Takimoto, M. (2015). A corpus-based analysis of hedges and boosters in English academic articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 5(1), 95–105. <https://doi.org/10.17509/ijal.v5i1.836>
38. Thompson, P. (2016). Genre approaches to theses and dissertations. In K. Hyland & P. Shaw (Eds.), *The Routledge handbook of English for academic purposes* (pp. 379–391). Routledge.
39. Tseng, M.-Y. (2011). The genre of research grant proposals: Towards a cognitive-pragmatic analysis. *Journal of Pragmatics*, 43(8), 2254–2268. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.02.015>
40. Wang, H., & Hu, Z. (2023). Changes in the ways authors refer to themselves: A diachronic study of self-mention in English research articles. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10, 646. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02099-7>
41. Wang, J., & Zeng, L. (2021). Disciplinary recognized self-presence: Self-mention used with hedges and boosters in PhD students' research writing. *SAGE Open*, 11(2), 21582440211005454. <https://doi.org/10.1177/21582440211005454>
42. Xie, S., & Mi, C. (2023). Promotion and caution in research article abstracts: The use of positive, negative and hedge words across disciplines and rankings. *Learned Publishing*, 36(2), 249–265. <https://doi.org/10.1002/leap.1515>
43. Yao, M., Wei, Y., & Wang, H. (2023). Promoting research by reducing uncertainty in academic writing: A large-scale diachronic case study on hedging in Science research articles across 25 years. *Scientometrics*, 128(8), 4541–4558. <https://doi.org/10.1007/s11192-023-04759-6>

About the author

Dmitriy S. Tulyakov received his PhD in Literary Theory from Ural State Pedagogical University (Russia) and is currently an Associate Professor at HSE University. His research interests include applied linguistics, English for academic purposes, and stylistics.

ORCID: 0000-0003-3272-6925.

Received: June 2, 2026.

Accepted: August 18, 2026.

Appendices

Appendices A–H are available online at https://www.pdc-journal.com/jour/manager/files/Tulyakov_pdc_supplementary_materials.xlsx

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-131-154>

RHETORICAL STRUCTURE OF AN OCCLUDED ACADEMIC GENRE: A CORPUS-BASED MOVE ANALYSIS OF TEACHING PHILOSOPHY STATEMENTS

Atekah Abaalkhail

Al-Baha University (Saudi Arabia)

aabaalkhail@bu.edu.sa

Abstract. Teaching philosophy statements (TPSs) are high-stakes promotional documents required for academic hiring, tenure, and promotion in higher education worldwide. Despite their gatekeeping function in professional academic discourse, TPSs remain an underexamined occluded genre: prescriptive writing guides offer general advice, but few empirical studies have described the rhetorical structure of authentic statements. This study addresses this gap by investigating the move-step structure and lexicogrammatical features of TPSs from an English for Specific Purposes (ESP) perspective. A specialized corpus of 46 authentic TPSs written by faculty members and graduate students from North American universities (2004-2016) was compiled and analysed using corpus-based genre analysis. Functional moves were coded in MAXQDA with an inter-rater reliability of 94.9%, and keywords and three-word n-grams for each conventional move were extracted with AntConc. The analysis identified fourteen moves across three categories (teacher-focused, classroom-focused, and teaching/evaluation process), of which five were conventional. The most frequent and cyclical move was focus on teaching practices (100%), indicating that concrete classroom examples outweigh abstract philosophical declarations. The genre proved hybrid and flexible, with no fixed move order, combining features of academic prose (prepositional-phrase n-grams) and promotional genres such as CVs and application letters. Substantial variation emerged between faculty and graduate-statement corpora: faculty privileged philosophical concepts and mentorship, while graduate students foregrounded concrete activities, technology use, and diversity. A systematic comparison with twelve prescriptive writing guides revealed partial alignment but also several moves – such as acknowledging mentors and addressing students’ difficulties – that occur in authentic texts but are absent from the guides. The study contributes a genre model grounded in authentic data, offers empirically derived lexicogrammatical resources for novice writers, and provides pedagogical implications for teacher training and ESP instruction in academic genres.

Keywords: teaching philosophy statements, occluded genre, English for Specific Purposes, move analysis, corpus-based genre analysis, rhetorical structure, lexicogrammatical features, academic promotional genres.

How to cite this article: Atekah Abaalkhail (2026). Rhetorical Structure of an Occluded Academic Genre: A Corpus-Based Move Analysis of Teaching Philosophy Statements. *Professional Discourse & Communication*, 8(3), 131–154. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-131-154>

1. INTRODUCTION

A teaching philosophy statement (TPS) is a statement in which “applicants seek to establish credible claims to effective pedagogy and instructional practices” (Albakry & Bryan, 2025, p. 9). In higher education, a TPS is required as part of the hiring process and usually included in tenure and promotion applications (Solin, 2018). TPSs are needed for navigating academia, which Swales and Feak (2011) consider it a *supporting genre* for the career of academics and teachers. These documents promote the individual and support career advancement (Albakry & Bryan, 2025). This “high-stakes document” (Neaderhiser, 2016a, p. 415) explains the teacher’s philosophy that guides their practice in the classroom (Crookes, 2015; Hall et al., 2021). TPSs serve different purposes, such as being part of reflective practice to improve teaching (Eierman, 2008) or as part of professional teaching recognition (Heim & Holt, 2025).

TPSs function as gatekeeping instruments in academic professional discourse communities. They are not merely reflective texts because they operate as professional accreditation documents that regulate entry into the academic profession and govern subsequent advancement through hiring, tenure, and promotion reviews (Albakry & Bryan, 2025; Solin, 2018). As high-stakes promotional genres, they require candidates to demonstrate that their pedagogical beliefs and classroom practices meet the disciplinary and institutional standards expected of accredited academics.

Previous studies on TPSs (e.g., Alghbaban et al., 2017; Payant & Hirano, 2018; Hall et al., 2021) focused on teacher identity in texts, evidence of teaching effectiveness, metaphors, and themes. These, although important, do not offer teachers and academics a structure or an organization of the TPS to be followed, especially if the teacher or academic is writing a TPS for the first time.

TPS writing guides are available to offer advice on writing the statements. These writing guides offer instructions such as length and preference for first-person pronouns when constructing the text (e.g., Chism, 1997; Coppola, 2002; Goodyear & Allchin, 1998). The guidelines, however, are too general and cannot be employed in the different contexts in which a TPS is required. In addition, most of these guidelines are not written based on empirical studies of TPSs but offer prescriptive guidelines on TPSs. Despite their importance (Neaderhiser, 2016a), TPSs remain underexamined. There has been little focus on their overall rhetorical organization or recurrent lexicogrammatical features, which can be attributed to their occlusion, i.e., being out of sight (Swales & Feak, 2004).

One of the approaches to genre analysis is the *English for Specific Purposes* (ESP) approach, which was devised by Swales (1990) based on the structure of research article introductions, which is known as the CARS model. In his work, Swales developed a genre model based on *moves* and *steps*. *Moves* are defined as units that serve a specific communicative function in discourse, and *steps* are those smaller units that help a move realize its function (Swales, 2004). The model is known as *move analysis*, and it has been widely applied to various genres (Casal & Kessler, 2024). The present study employs move analysis to describe the TPS genre structure and its lexicogrammatical features.

Given the limited focus of previous research on the structure of a TPS and the language in which moves are realized, the present study aims to provide teachers and instructors with a genre model based on authentic examples of TPSs. Corpus-based ESP genre analysis (Biber et al., 2007a) is used to describe the rhetorical structure of the TPS genre. The study aims to answer the following questions:

- 1) What are the move and step patterns in the TPS genre?
- 2) What are the lexicogrammatical features associated with the identified moves?
- 3) Are there any differences in the moves and steps of TPSs written by faculty members and those written by graduate students?
- 4) In what ways, if any, do the genre discourse and organization identified in the present study align with the published advice on writing TPSs?

The following section reports on previous studies of TPSs. The theoretical framework of the study is discussed. This is followed by the methodology and findings of the analysis. The paper concludes with the discussion of the findings and the implications of the research.

2. LITERATURE REVIEW

2.1. Teaching philosophy statements

TPSs are recognized as a distinct academic self-promotional genre within higher education (Albakry & Bryan, 2025), closely related to other academic promotional genres such as research statements, cover letters, and academic CVs. TPSs are often required for academic job applications, promotion, tenure reviews, and teaching awards (Neaderhiser, 2016a). These statements are crucial documents for academics to articulate their pedagogical beliefs, teaching practices, and commitment to student learning. In addition, they are used as a reflective activity by teachers in classrooms to improve teaching (Caukin & Brinthaupt, 2017).

Many research studies have considered TPSs to be an occluded or semi-occluded genre (Merkel, 2020; Neaderhiser, 2009; Payant, 2017), examples of which are not readily available. Swales (1996) compares occluded (i.e., hidden) genres with open or public genres. Examples of occluded genres include statements of purpose used in MA applications, PhD confirmation reports, manuscript reviews, and extortion letters, to name a few (Ding, 2007; Jiang & Ma, 2018; Petyko et al., 2025; Swales & Feak, 2004). This limited access to hidden examples makes it particularly challenging for novice writers to successfully navigate writing in the genre.

TPSs have been investigated in previous literature to examine teacher identity and metaphors used in statements (e.g., Alghbban et al., 2017; Neaderhiser, 2009). Other studies focused on assessing teaching and ability through TPSs (e.g., Bruff, 2007; Rossetti & Fox, 2009). Moreover, themes and content analysis have been carried out on TPSs, concluding that topics such as learning goals, teacher professional development, and teaching beliefs and approaches were found to be dominant in TPSs (Hall et al., 2021; Payant & Hirano, 2018). The structure of the TPS did not receive much attention in the literature, and it is briefly discussed in the writing guides of TPSs based on suggestions rather than empirical investigations of TPSs.

Writing guides on TPSs offer several instructions, models, and rubrics (e.g., Chism, 1997; Coppola, 2002; O'Neal et al., 2007; Swales & Feak, 2004; Yeom et al., 2018). Some of the guides are developed using job ads (e.g., Bruff, 2007), while others examined successful applications of TPSs, such as O'Neal et al.'s (2007) guide, which used hiring committees' responses to examine TPSs. Writing guides offer some instructions for writers but still do not address the rhetorical structure or the organization of the document based empirically on authentic examples of TPSs.

This study aims to analyse the structure of TPSs using corpus-based ESP genre analysis, which focuses on the organization of a text. After developing a typical model of authentic TPSs, the prescriptive writing guides of TPSs are critically examined and compared to the generated model. The analysis aims to explore if the guides align with or diverge from the rhetorical structure of authentic TPSs.

2.2. Theoretical framework

2.2.1. ESP genre analysis

One of the approaches to genre analysis is the English for Specific Purposes (ESP) approach. Genre in ESP is defined as “communicative events, the members of which share some set of communicative purposes” (Swales, 1990, p. 58). Genres are named according to their users, such as lectures and research articles, and share similar conventions and linguistic features (J. Flowerdew, 2013).

Genre analysis in ESP identifies and describes the rhetorical structure of texts using the move-step analysis model. Moves are those units that achieve a specific or mini communicative purpose, and texts from the same genre share those moves and the overall structure (Hyon, 2018). Moves are categorized as conventional, i.e., occurring in all the texts, or optional, which occur in half or less of the texts of a specific genre (Casal & Kessler, 2024).

The Create-a-Research-Space (CARS) model was devised by Swales (1990). He examined research article introductions and introduced the shared moves and steps. The model has been influential in guiding novice writers in navigating introductions. Following the CARS model, researchers extensively applied the model to different sections of the research article such as abstracts (e.g., Lorés, 2004; Martín, 2003; Pho, 2008), methods sections (e.g., Arsyad, 2013; Cotos et al., 2017), and discussion sections (e.g., Liu & Buckingham, 2018; Yang & Allison, 2003).

Researchers expanded the ESP genre analysis to include various academic genres such as TESOL conference proposals, calls for papers, and grant proposals (e.g., Connor & Mauranten, 1999; Kessler, 2020; Yang, 2015). Other researchers investigated PhD theses and dissertations (Giannoni, 2002; Lim, 2014; Samraj, 2014), editorial letters to journals (Flowerdew & Dudley-Evans, 2002), and written feedback (Yelland, 2011).

The move analysis model proves useful and robust in analysing different genres. One of the critiques of the move analysis is its subjectivity. The researcher identifies sections of the text according to their communicative purpose. Such a problem can be avoided by using inter-rater reliability to validate the findings. This research study applies the move analysis model to TPSs and identifies the different moves and steps that constitute the genre. It extends the move analysis model by identifying the lexicogrammatical features of moves in the TPS genre through corpus-based genre analysis.

2.2.2. Corpus linguistics and ESP genre analysis

Corpus linguistics is “the application of computational tools to the analysis of corpora, in order to reveal language patterns which systematically occur in them” (J. Flowerdew, 2013, p. 160). Exploring discourse structure using corpus linguistics tools has been widely supported and applied in research (Baker, 2006; Biber et al., 2007b; L. Flowerdew, 1998). Combining corpus-based analysis in discourse structure can offer “very fine-grained description” (Biber et al., 2007b, p. 249) of the genre. When these two methods are combined, researchers segment texts based on the functional moves, and each move is examined for typical lexicogrammatical features. This offers a more accurate description of the genre moves and the language used in each move to achieve its communicative purpose.

Previous research has combined these methods in exploring environmental reports (L. Flowerdew, 2008), Ph.D. abstracts in Mathematics and Science (Bordet, 2015), and students' written essays (Durrant & Mathews-Aydinli, 2011). Researchers investigated the structure of occluded genres using corpus-based analysis such as the statement of purpose (López-Ferrero & Bach, 2016), grant proposals (Casal & Kessler, 2020; Charles & Whiteside, 2024; Cotos, 2019), and extortion letters (Petyko et al., 2025).

The present study adopts a corpus-based approach to move analysis to achieve the objectives of the study. TPSs are examined using the theoretical framework of the ESP move analysis, a pre-existing genre theory which assumes that TPSs follow a certain rhetorical structure. The move analysis is applied to a corpus of TPSs to develop a genre model, and then corpus tools are utilized to explore the lexicogrammatical features such as keywords and n-grams. The linguistic features are explored using these corpus methods on the move level.

The next section describes the corpus of the study and data analysis procedures.

3. METHODOLOGY

3.1. Data description

A specialized corpus for the study was compiled using Google search for *statement of teaching philosophy*, *teaching statement* and *teaching philosophy*. The statements were available publicly and had open access on websites of universities and teaching centres. The statements were sourced from US-based and Canada-based universities, where TPSs are widely known and required (Kaplan et al., 2008).

The total number of statements is 46 texts collected from three different sources in North America, written between 2004 and 2016. While these statements are somewhat dated considering the years they were produced, the occluded nature of the genre played a major role in acquiring examples of TPSs. Efforts were made to collect more recent TPSs from the UK context. However, no TPSs were shared with the researcher due to the pandemic situation when this study was first conducted as part of a doctoral dissertation (Abaalkhail, 2022). These texts are authentic examples of TPSs written for different purposes, as shown in Table 1. Each text was assigned a code and a number denoting the corpus name and the number of the text. Table 1 shows the details of each corpus.

Table 1. *The corpora of the study*

Corpus	Years	No. of texts	No. of words	Average words	Authors	Disciplines
U-C	2014–2016	13	18,617	1,432	Faculty members	Mix of disciplines
U-M	2005–2009	19	20,104	1,058	Graduate students	Humanities, Sciences, Social Sciences
OSU	2004–2012	14	19,273	1,376	Graduate students (winners of an award)	Humanities, Sciences, Social Sciences
Total		46	57,994			

The size of the corpus, although considered small, is suitable for the objectives of the study, as the macrostructure of these texts is examined for the rhetorical structure shared in these texts. Since this research study is examining an occluded genre, whose authentic examples are not readily available, this specialized and compiled corpus would be valuable for the investigation carried out in the study. In genre analysis, L. Flowerdew (2012, p. 4) points out that corpora “can be from around 50,000 to 250,000 words”. The corpus contains historical samples of the genre under in-

vestigation – the TPS – drawn from a specific period (2004-2016) and region (North America). Because the statements were collected prior to the widespread shift to online and hybrid instruction, the corpus is best understood as a pre-pandemic baseline against which future, more current analyses can be compared, rather than as a synchronically representative sample of the genre.

As Table 1 shows, the TPSs are sourced from different disciplines. ESP genre analysis does focus on and highlight disciplinary differences when genre structures are explored. In this study, no attempt is made to examine such differences, as it is the goal of the study to explore the genre structure and compare it to existing writing guides. Future research can focus on those disciplinary differences with a larger corpus sample.

Internet-mediated research guidelines (British Psychological Society, 2021) maintain that any public documents available online which are used in research must pose no risk to individuals. Privacy must be protected by anonymizing identifying details. As the TPSs were available online and publicly accessible, any identifying information of the writers was removed, and excerpts presented in the study are brief and limited in number.

3.2. Data analysis

Two software programs were used for the analysis of the TPSs. The first one is MAXQDA, a qualitative data analysis software (VERBI Software, 2018). It was used for coding functional moves in the TPSs and exporting the sub-corpus of each move for further analysis. The second software is AntConc (Anthony, 2019), a concordance program that can extract frequent words, keywords, and n-grams.

In move analysis, segments in the texts are assigned a communicative purpose and considered as a move. After assigning all the possible moves and steps in a genre, the frequency of occurrence of each move is calculated, and a cut-off point is identified. If a move occurs in 50% of the texts or less, it is considered an optional move. If a move occurs in more than 50% of the texts, it is considered conventional (Casal & Kessler, 2024; Joseph et al., 2014; Li & Ge, 2009). In the case of occluded genres, conventional moves might not be present in 100% of the texts (Kessler, 2020), and frequency of occurrence might be adjusted in unconventional genres. For example, the TESOL conference proposal did not have any 100% occurrence of conventional moves (Halleck & Connor, 2006). Similarly, Petyko et al. (2025) found only two conventional moves in extortion letters with 92% occurrence in the letters' corpus. Since there was no pre-existing genre model of TPSs, multiple readings of the texts were conducted and then moves, based on the communicative function, were assigned.

A pilot study was conducted to identify the different moves in the genre and to test the genre model by applying inter-rater reliability. The pilot study involved 25% of the texts, which is a customary number used in pilot studies of move analyses (Kanoksilapatham, 2007; Parkinson, 2017). A PhD candidate in Applied Linguistics coded 25% of texts independently, and then the genre model was refined after many discussions with the independent coder. This is in line with procedures of move analyses of different genres (Casal & Kessler, 2024). Raw agreement was used to calculate the inter-rater reliability, which was 94.9%. Disagreements were resolved through discussion until consensus was reached.

After coding moves in MAXQDA, each sub-corpus of conventional moves was exported to AntConc. The program was used for examining keywords and n-grams in each identified move, comparing each word list of one conventional move against the remainder of the conventional moves, acting as a reference corpus, to extract keywords. This is done in many studies to highlight the keywords of moves in a genre (Baker, 2006; Fitzgerald, 2020; McEnery, 2016) rather than

using a corpus of a different genre, which would result in characterizing the TPS genre as a whole and not the moves identified. As describing the lexical choices of the moves is one of the aims of the study, the reference corpus used was the conventional moves. The keywords had to be frequent in at least six texts to be considered in the analysis, and the log-likelihood statistical test was used to extract keywords in AntConc.

For the n-grams analysis, three criteria are important to decide on. The length of the n-gram, the number of texts that must have the n-grams, and the frequency of n-grams in the corpus. The length of the n-grams was set to three-word n-grams, which are common (Hyland, 2012). The distribution of the n-grams was set to three texts for all the moves. As for the frequency of the n-gram in each move, dynamic cut-off points are usually used when corpora of different sizes are compared (Chen & Baker, 2016). I tested different cut-off points between 2 and 10 in order to generate a representative number of n-grams. Each move had a different cut-off point because of the variable move corpus size, as follows: The cut-off point for Moves 1 and 9 was set to 7, for Move 10 it was set to 10 as this move was the largest in regard to word count (20,939), and for Moves 11 and 12 it was set to 6. The extracted n-grams are further analysed structurally according to Biber et al.'s (1999) model into noun phrases (NP-based), prepositional phrases (PP-based), and verb phrases (VP-based). The functional categories are stance expressions, discourse organizers, and referential expressions (Biber et al., 2004) (see Appendix A for details of the two models).

In addition to the textual and corpus-based analysis of the TPSs, the present study examines the writing guides of TPSs on how they align or diverge from the genre model developed in this study, based on the analysis of the authentic examples of the statements. The guides that are examined in the study are listed in Appendix B. Those are the most popular guides when searching for writing TPS instructions and guides. The comparison involves the genre moves versus the components or elements recommended in the guides.

4. FINDINGS

4.1. Move and step patterns in TPSs

To answer the first research question concerning the move and step patterns in TPSs, move analysis was conducted according to the procedures outlined in the data analysis section. Three broad categories and fourteen different moves were identified in the analysis. The categories are teacher-focused, classroom-focused, and teaching/evaluation process. These are presented in Table 2. The discussion of the moves will concentrate on those conventional moves that occur in more than 50% of the statements.

Table 2. *Identified moves in the TPS genre*

Move/step	Frequency N=46	Percentage of occurrence	Total no. of words
Teacher-focused category			
Move 1: focusing on philosophical concepts	33	72%*	7,579
Step 1: background to the philosophy	13	28%	
Step 2: applying learning to life outside the classroom	19	41%	
Step 3: using a quote or simile	7	15%	
Move 2: improving teaching (professional development)	22	48%**	2,869
Move 3: reasons or motivation for teaching	18	39%**	1,517
Move 4: showing the experience and qualifications of teaching	12	26%**	1,546

Move/step	Frequency N=46	Percentage of occurrence	Total no. of words
Move 5: emphasizing the rewards of being a teacher	12	26%**	679
Move 6: acknowledging mentors and other teachers for current experience	8	17%**	662
Move 7: setting a good example for students	6	13%**	231
Classroom-focused category			
Move 8: pointing to students' difficulties, mistakes, or preconceptions	16	35%**	2,343
Move 9: describing features of the learning environment	26	57%*	4,207
Teaching/evaluation process category			
Move 10: focus on teaching practices	46	100%*	20,939
Step 1: give concrete examples of teaching activities	36	78%	
Step 2: technology use in the classroom	6	13%	
Step 3: focusing on diversity	25	54%	
Move 11: evaluation and assessment of teaching and learning process	31	67%*	5,610
Step 1: provide examples of evaluation	18	39%	
Step 2: using feedback to adapt methods	16	35%	
Move 12: stating teaching goals and outcomes	43	93%*	6,443
Move 13: focusing on the subject/course taught	11	24%**	931
Move 14: facing a problem or challenge	20	43%**	2,116

* = conventional move (>50%), ** = optional (≤50%)

The teacher-focused moves relate to the writer of the statement. In this category, seven moves were identified. The moves focus on the teaching philosophy adopted by the teacher, improving teaching or teaching experience. Based on the frequency of occurrence, move 1 is considered a conventional move, present in 72% of the statements. To illustrate, some examples of move 1 are

- (1) *I believe that students often learn a great deal from unanticipated discussion sparked by differences in interpretation and opinion surrounding sometimes controversial course topics.* (U-M SS 13).
- (2) *A key to my approach to teaching is my belief that it is my job not only to explain concepts and methods to students, but also to model the application of these ideas.* (U-C 43).

The classroom-focused category includes two moves. The category relates to the classroom environment, describing the difficulties and specifics of being in the classroom. One move is conventional in this category, i.e., move 9, which describes the features of the learning environment and is present in 57% of the statements. Examples of this move follow.

- (3) *I aim to create an environment in which students respect others and can expect others to respect them.* (OSU SS 29)
- (4) *Another aspect of collaboration that I have introduced into all of my classes is the role of class representatives, student volunteers with whom I meet weekly to discuss all aspects of the course.* (U-C 34).

In the teaching/evaluation process category, five moves are identified. This category includes teaching practices, assessment, teaching objectives, and challenges in teaching. In this category, three conventional moves are identified, occurring in more than 50% of the texts. Move 10: *focus on teaching practices* occurs in all the texts, with a frequency of occurrence of 100%. It also

contains the largest number of words (see Table 2), suggesting the importance of this move by the space it is given in the TPS. Teachers describe the teaching practice and what happens in the classroom on a practical level, focusing on examples, using technology, and addressing diversity in learning styles and students' backgrounds.

- (5) *I integrate things I have learned in my own classes, student evaluations, and a variety of studies and books I have read about teaching at the university level. (OSU SS 28).*
- (6) *I developed a WebQuest activity, included in my teaching portfolio in section three, to let the students become responsible for their own education and interact with the Argentine culture via the internet. (OSU H 20).*
- (7) *I know that students have a variety of learning styles and not all students are comfortable with making comments in class. Thus, I try to create many opportunities for a variety of types of participation; I conduct in-class experiments, do demonstrations and take frequent in-class polls to encourage less-verbal students to participate. (OSU SS 30).*

Another conventional move in this category is move 11, which focuses on the evaluation and assessment tools. This is done through providing examples of assessment or using feedback to adapt teaching methods. For example,

- (8) *The work that I require progresses from shorter, narrow tasks—such as describing, writing introductions or gathering evidence—to longer essays. (U-M H 2).*
- (9) *As I explore new approaches, I get formative feedback from my students as well as from colleagues through discussions, presentations, or workshops. (U-C 38).*

Move 12 presents teaching goals and outcomes and occurs in 93% of the statements. Examples of this move are:

- (10) *As an educator, my holistic objective during every teaching encounter is to transmit my enthusiasm for anatomy and spark curiosity in others. (U-C 35)*
- (11) *My goals when I teach involve not only practicing these skills on literary texts but also broadening for my students the definition of “text” itself, thus pointing them toward a more general application of these same skills beyond the literature classroom. (U-M H 2).*

In the description of moves, in addition to calculating move frequency to determine its status, move sequence and move cyclicity are examined. When move sequence is examined in the TPSs corpus, no fixed order is apparent. However, the opening move in 19 statements was Move 1: *focusing on philosophical concepts*. The closing move varied between Move 1, 2, and 5. In addition, some moves tend to co-occur. For instance, moves 10 and 12 frequently co-occur. In move 10, the teacher explains the teaching approach, followed by move 12 that focuses on the teaching goals and outcomes. This pattern of co-occurrence is observed as follows: move 10 followed by move 12 observed in 20 texts, move 12 followed by move 10 observed in 28 texts, moves 10-12-10 observed in 13 texts, move 12-10-12 observed in 1 text. The co-occurrence of these moves suggests how teaching practices are closely related to teachers' goals. These components should be aligned in the TPS as stated by O'Neal et al.'s (2007) guide on TPS writing.

Move cyclicity focuses on how many times the moves are repeated in each text. In the TPS genre, moves with the highest re-occurrence are the conventional moves that occurred in more than half of the texts. These are moves 1, 9, 10, 11, and 12. Out of these five moves, the most frequent to re-occur and co-occur are moves 10 and 12. This finding suggests that the focus of the TPS genre is illustrating the teaching practices carried out in the classroom and teaching goals expected by the teacher.

The move analysis shows five conventional moves in TPSs, occurring in more than half of the statements. Table 3 shows a summary of these moves and their communicative purpose.

Table 3. *Conventional Moves in TPSs and communicative purpose*

Conventional move	Communicative purpose
Move 1: <i>focusing on philosophical concepts</i>	to state teaching and learning beliefs on which teachers base their practice
Move 9: <i>describing features of the learning environment</i>	to provide a general description of the classroom that is not related to teaching but rather the environment, such as respect and support for students
Move 10: <i>focus on teaching practices</i>	to describe teaching approaches used in the classroom
Move 11: <i>evaluation and assessment of teaching and learning process</i>	to provide examples of the means of assessment employed in evaluating teaching and learning
Move 12: <i>stating teaching goals and outcomes</i>	to explain the objectives of teaching

The moves in Table 3 are the conventional moves that occurred in more than half of the texts in the study. These moves are further explored, using corpus tools, to observe the lexicogrammatical features and language mostly associated with the communicative functions.

4.2. The lexicogrammatical features of the moves

The second question of this research study concerns the lexicogrammatical features of the identified moves in the TPS genre. As five conventional moves were identified based on the frequency of occurrence, each conventional move corpus was explored against the other remaining four moves to extract keywords. N-grams were extracted according to the criteria outlined in the methodology section. The keyword analysis and n-grams analysis of the conventional moves, using AntConc software, show that several keywords correspond to the communicative function of the move. Table 4 illustrates the results of the keyword and n-grams analysis.

Table 4. *Keywords and N-grams in conventional moves in TPSs*

Move	Keywords	N-grams	N-grams raw frequency
Move 1: <i>focusing on philosophical concepts</i>	<i>philosophy, teaching, educational, belief, believe, my</i>	<i>I believe that</i>	16
		<i>my teaching philosophy</i>	12
		<i>of my teaching</i>	10
		<i>as a teacher</i>	7
		<i>in the classroom</i>	8
Move 9: <i>describing features of the learning environment</i>	<i>environment, office, respect</i>		
Move 10: <i>focus on teaching practices</i>	<i>use, example, or</i>	<i>a variety of</i>	29
		<i>in the classroom</i>	17
		<i>I try to</i>	15
		<i>in order to</i>	13
		<i>my students to</i>	13
		<i>encourage students to</i>	11
Move 11: <i>evaluation and assessment of teaching and learning process</i>	<i>feedback, evaluations, assess, exams, assignments, tests, grading, comments, assessment, papers</i>	<i>as well as</i>	6
Move 12: <i>stating teaching goals and outcomes</i>	<i>goal, their, thinking, challenge, skills, them, they</i>	<i>goal is to</i>	9
		<i>be able to</i>	8
		<i>in the classroom</i>	6
		<i>my students to</i>	6
		<i>of the course</i>	6

In move 1, the keywords identified reflect the communicative function of the move. This move focuses on articulating one's teaching philosophy and approach. The verb *believe* is not exclusively used in this move, but it is identified as a keyword. If we look at move 11, many keywords relate to assessment and evaluation practices in the classroom and explain the ways in which assessment is carried out. Move 12 has keywords that relate to students such as *their, them* and *they*.

These pronouns show that the teacher directs their teaching practice towards achieving goals and outcomes for students.

The analysis of three-word n-grams in the conventional moves resulted in 17 n-grams characteristic of these moves. A look at Table 4 shows that there is an alignment between the keywords and the n-grams identified, which all serve the sub-communicative purpose of the moves in the TPS genre. The n-grams are classified into structural and functional types according to the models presented in Appendix A (Biber et al., 1999, 2004). Table 5 shows the structural classification of the n-grams, and Table 6 shows the functional classification of the n-grams.

Table 5. *Structural classification of the N-grams in the conventional moves*

	NP-based	PP-based	VP-based	Other expressions
	29.4%	41%	23.5%	5.8%
Move 1	<i>my teaching philosophy</i>	<i>of my teaching as a teacher</i>	<i>I believe that</i>	
Move 9		<i>in the classroom</i>		
Move 10	<i>a variety of my students to</i>	<i>in the classroom in order to</i>	<i>I try to encourage students to</i>	
Move 11				<i>as well as</i>
Move 12	<i>goal is to my students to</i>	<i>in the classroom of the course be able to</i>		

Table 6. *Functional Classification of the N-grams in the Conventional Moves*

	Stance expressions	Discourse organizers	Referential expressions
	35.2%	17.6%	47%
Move 1	<i>I believe that</i>		<i>as a teacher my teaching philosophy of my teaching</i>
Move 9			<i>in the classroom</i>
Move 10	<i>my students to encourage students to I try to</i>	<i>in order to</i>	<i>a variety of in the classroom</i>
Move 11		<i>as well as</i>	
Move 12	<i>my students to be able to</i>	<i>goal is to</i>	<i>of the course in the classroom</i>

Categorizing the extracted n-grams structurally, we can see that most of the n-grams in the conventional moves are PP-based, such as *of my teaching*, *in the classroom*, and *of the course*. The use of PP-based structures in the TPS genre matches these structures used in academic writing. Payant (2017, p. 649) asserts that TPSs “follow the conventions of academic papers, especially when intended to be shared with potential employers”.

The functional classification shows that move 1 is the only move with a personal epistemic stance reflected in *I believe that* which corresponds to the function of the move, which revolves around the teaching philosophy. The highest category in the functional classification is referential expressions such as *as a teacher*, referring to intangible framing attributes such as *my teaching philosophy*, and place references such as *in the classroom* which appears as an n-gram in three conventional moves. These place references connect the learning environment, teaching practices, and teaching goals to the physical classroom where teachers and learners meet, and where teaching philosophy is enacted. As Beatty et al. (2020) argue, teachers’ beliefs affect their daily practices in the classroom. In TPSs, the teaching philosophy is articulated, which helps align the teaching philosophy and classroom practices in reality. Referential expressions are a common characteristic

found in classroom teaching discourse (Biber et al., 2004), which might explain the presence and the frequent use in the TPS genre. Teachers describe, report, and reflect on the practices referring to intangible attributes such as *teaching philosophy* and to places such as *in the classroom*.

The corpus-based analysis shows a strong relationship between the functions of the moves and their lexis by using words and phrases that serve the writer's communicative purpose. The next section examines the genre structure of TPSs written by faculty and graduate students.

4.3. Genre analysis of faculty and graduate students' TPSs

To answer the third question, a distinction between the TPSs written by faculty members (U-C corpus) and TPSs written by graduate students (U-M and OSU corpora) was made. The examination focused on move frequency, move sequence, and move cyclicity. Table 7 shows the move frequency in both corpora.

Table 7. *Move frequency in faculty and GS corpora*

Move/step	Faculty corpus N=13	GS corpora N=33
Move 1: focusing on philosophical concepts	12 (92%)	21 (64%)
Step 1: background to the philosophy	6 (46%)	7 (21%)
Step 2: applying learning to life outside the classroom	4 (31%)	15 (45%)
Step 3: using a quote or simile	2 (15%)	5 (15%)
Move 2: improving teaching (professional development)	6 (46%)	16 (48%)
Move 3: reasons or motivation for teaching	6 (46%)	12 (36%)
Move 4: showing the experience and qualifications of teaching	6 (46%)	6 (18%)
Move 5: emphasizing the rewards of being a teacher	2 (15%)	10 (30%)
Move 6: acknowledging mentors and other teachers for currentn experience	4 (31%)	4 (12%)
Move 7: setting a good example for students	2 (15%)	4 (12%)
Move 8: pointing to students' difficulties, mistakes, or preconceptions	5 (38%)	11 (33%)
Move 9: describing features of the learning environment	9 (69%)	17 (52%)
Move 10: focus on teaching practices	13 (100%)	33 (100%)
Step 1: give concrete examples of teaching activities	8 (62%)	28 (85%)
Step 2: technology use in the classroom	--	6 (18%)
Step 3: focusing on diversity	5 (38%)	20 (61%)
Move 11: evaluation and assessment of the teaching and learning process	8 (62%)	23 (70%)
Step 1: provide examples of evaluation	5 (38%)	13 (39%)
Step 2: using feedback to adapt methods	6 (46%)	10 (30%)
Move 12: stating teaching goals and outcomes	11 (85%)	32 (97%)
Move 13: focusing on the subject/course taught	6 (46%)	5 (15%)
Move 14: facing a problem or challenge	6 (46%)	14 (42%)

All the moves identified in the analysis were present in both corpora, and the five conventional moves occur in the faculty and graduate students' corpora with a frequency of occurrence of more than 50%. Examining the differences between the percentages in the two corpora, we can see that move 1: *focusing on philosophical concepts* occurs in 92% of the texts in the faculty corpus, suggesting that the move is almost universal in this corpus. The faculty are considered the established members of the discourse community of TPSs (Bhatia, 2004), and articulating their philosophical concepts is an important element in their TPSs. Move 4: *showing experience and qualifications of teaching* occurs in a higher percentage in the faculty corpus. This is expected as these members might have been teaching for a longer period than graduate students, and this is reflected in the use of this move. Acknowledging mentors (move 6) is another move that is used differently by

the two writer groups, which faculty members employ more frequently in their TPSs. In move 10, although being frequently used in both corpora with a frequency of 100%, many differences in the realization of the move are present. For example, in step 1, which focuses on providing concrete examples of teaching activities, graduate students realize the move by focusing on these examples more than faculty do. Step 2: *technology use in the classroom*, occurs in the graduate students' TPSs with 18% while it had zero occurrence in the faculty corpus, suggesting less attention is given to technology use by faculty members or the mention of such use is not considered important in a TPS by faculty. Focusing on diversity in teaching practices (step 3) is also more frequent in the graduate students' corpus. A possible explanation of focusing on diversity is that graduate students are still learners and can reflect on the differences between learners that they observe.

Exploring the move sequence, move 1 is used as the opening move in both faculty and GS corpora. In the faculty corpus, move 2 is used as the ending move, while the GS corpora use move 1 and move 10 to end the statements. Move 10 in both corpora is the most cyclical move, repeated throughout the statements. Both corpora share the opening move, i.e., move 1, which focuses on philosophical concepts, and the cyclical move, move 10, which focuses on teaching practices in the classroom.

Preliminary comparisons suggest that while the same repertoire of moves and steps was identifiable in both corpora, the frequency and realization of these moves varied considerably between faculty and graduate students. Faculty members focus on philosophical concepts, experience, acknowledging mentors, and approach their teaching practices in a different way than graduate students, who focus more on concrete examples, technology use, and accommodating diversity in their TPSs.

4.4. Writing guides on TPSs

Following the corpus-based move analysis of authentic TPSs, we compared the resulting genre model and lexicogrammatical features with the recommendations in the writing guides to determine their alignment or divergence. A survey of TPS writing guides (see Appendix B) reveals that the guides are either journal articles devoted to the writing of the statements or a portion of a larger guide on writing resumes or teaching portfolios (e.g., Swales & Feak, 2011). Twelve journal articles and two websites that provide TPS writing guidelines are included in the comparison. The agreed-upon structure and elements of TPSs, as well as the language suggested by the guides, are first explained in the following sections. Following that, an examination of the recommendations in these guides and the findings of the genre analysis is presented.

The guides on TPS writing focused on general guidelines and included some elements such as beliefs of teaching and learning, teaching objectives, methods and assessment, and a description of the learning environment (Boye, 2012; Faryadi, 2015; Goodyear & Allchin, 1998). Only two sources, i.e., Coppola (2002) and Eierman (2008), provided a structure of the TPS, not based on authentic examples but suggestions from the authors. The recommended language to use in TPSs includes first-person pronouns, present tense, and easy-to-understand vocabulary. When it comes to language, the focus seems to be on what not to use, rather than guiding writers to use the appropriate language (Neaderhiser, 2016a).

Based on the genre analysis done in the present study, Table 8 illustrates the shared moves between the writing guides and the examples investigated in the study and shows which moves only appear in the authentic examples.

Table 8. *Comparison of moves in the writing guides and the authentic examples*

Shared moves	Moves that only appear in the authentic examples
Move 1: Focusing on philosophical concepts	Move 5: Emphasizing the rewards of being a teacher
Move 2: Improving teaching (professional development)	Move 6: Acknowledging mentors and other teachers for current experience
Move 3: Reasons or motivation for teaching	Move 7: Setting a good example for students
Move 4: Showing experience and qualifications for teaching	Move 8: Pointing to students' difficulties, mistakes, or preconceptions
Move 9: Describing features of the learning environment	Move 13: Focusing on the subject/course taught
Move 10: Focus on teaching practices	Move 14: Facing a problem or a challenge
Move 11: Evaluation and assessment of the teaching and learning process	
Move 12: Stating teaching goals and outcomes	

As shown in Table 8, the conventional moves identified in the study are consistent with what the guides recommend including in a TPS. These moves are mentioned as components in the writing guides. The move analysis conducted here identified other moves that were not present in the guides, such as move 5: emphasizing the rewards of being a teacher and move 8: pointing to students' difficulties, mistakes, or preconceptions. Based on the frequency of these moves, these did not appear to be conventional moves, but the writers still focused on these communicative purposes in the TPS. This divergence suggests that the TPS is a personal statement in which no «one size fits all» (Neaderhiser, 2016b, p. 8). This variation can be due to the writer's own choices, the context in which these statements are required, and the instructions provided in some cases for the writers. Another important issue is how these moves are realized using steps that are suggested in the genre model based on authentic examples. Novice writers in the genre can refer to the way these moves are realized by focusing on the steps and the linguistic features explored in the study. These are not available in the writing guides, which only mention specific elements to be included in the TPS with no description of what to focus on specifically.

The move sequence in the TPSs is not fixed, as shown in the analysis. Such observation is also present in the writing guides in which a flexible order of components is recommended (Coppola, 2002; Supasiraprapa & De Costa, 2017).

Examination of the language of TPSs is rather limited in writing guides. The lexicogrammatical analysis of the identified moves shows the typical keywords and n-grams that realize the conventional moves such as *I believe that* in Move 1 and *I try to* in Move 10. The identified lexicogrammatical features can be utilized by teachers and academics when constructing a TPS.

5. DISCUSSION

This study investigated TPSs' authentic examples using Swales' (1990) move-step analysis. Fourteen moves were identified, with five conventional moves, and a genre model is suggested for writers. Move frequency was calculated to investigate the most frequent moves (i.e., conventional) in the corpus. The limited number of conventional moves in the TPS genre can be attributed to the occluded nature of the genre. Previous investigations of occluded genres (Loudermilk, 2007; Petyko et al., 2025; Samraj & Monk, 2008) conclude that these genres are characterized by a lack or limited number of conventional moves.

There was no consistent move order found when examining the TPS genre. This finding is also consistent with earlier genre analysis research on occluded and semi-occluded genres, such as organizational strategic plans (Cornut et al., 2012), doctoral theses in the performing and visual arts (Paltridge et al., 2012), grant proposals (Cotos, 2019), manuscript reviews (Samraj, 2016), the MBA thought essay (Loudermilk, 2007), and extortion letters (Petyko et al., 2025). Spoken genres

such as lecture introductions (Thompson, 1994) and TED talks (Chang & Huang, 2015) also exhibit a lack of a linear sequence of moves.

According to Loudermilk (2007), occluded genres have two features: variation and hybridity. Variation means that occluded genres have a flexible organization and lexicogrammatical features, which is reflected in the non-stable order of the moves occurring in TPSs. The flexibility in the genre moves may be explained by the fact that the TPS genre in this study and occluded genres in previous examinations are not conventionalized (L. Flowerdew, 2005), as other genres such as research articles, whose rhetorical structure has been extensively examined, and several genre models are produced and verified. Furthermore, rhetorical structure analyses of occluded genres have reported the variable order of moves, such as Ding (2007), Loudermilk (2007), Flowerdew and Dudley-Evans (2002), and Samraj (2016). The emphasis on the teacher as an individual and the statement as a personal document reflecting identity may be another factor contributing to the TPS genre's lack of a set order of moves (Beatty et al., 2009; Coppola, 2002; Payant & Hirano, 2018).

The hybridity of occluded genres indicates that the genre incorporates and embodies various traits of several genres that authors employ to create the occluded genre because they lack the necessary genre knowledge or access to examples. Based on the corpus-based move analysis, we can consider TPSs to be a hybrid genre (Bhatia, 2017) that blends different characteristics from other promotional genres such as the CV and job application letters. This is expected as TPSs are part of job applications and teaching positions materials required to be submitted by academics and teachers (Albakry & Bryan, 2025; Swales & Feak, 2011) to promote oneself and facilitate entry into the academic profession. TPSs share some of the moves in these promotional genres, such as experience and professional development, which serve to self-promote the teaching and experience of an individual (Albakry & Bryan, 2025; Macfarlane, 2020; Solin, 2018). It also exhibits features of academic writing such as the PP-based n-grams that mostly appear in academic prose and n-grams that function as referential expressions, a feature found in classroom teaching discourse (Biber et al., 2004).

Viewed through this lens, the moves identified in the genre model reflect the gatekeeping function of the statement. Moves that emphasize teaching experience, professional development, and concrete classroom practices serve to credential the writer as a legitimate member of the academic profession. Because TPSs are evaluated by hiring and promotion committees as evidence of professional competence, the rhetorical choices writers make are constrained by the need to satisfy institutional standards of pedagogical accreditation.

The most frequent and cyclical move found in the TPS genre is move 10: *focus on teaching practices*. This suggests that it is a core move that can show how classrooms are managed. Although the name of the statement is teaching philosophy statement, the most important aspect of discussion in this genre is teaching practices and concrete examples rather than discussion of a teaching philosophy. It might be that a philosophy is explained through practice in the classroom, and this is why such focus is given to teaching practices in the statements (Beatty et al., 2020).

The analysis of moves and steps in the faculty and graduate students' TPSs shows that each group realizes some moves and steps in a different way. Faculty members who might have more experience in teaching and are considered the experts in the discourse community (Bhatia, 2017) choose to focus on philosophical concepts, experience, and acknowledging mentors. Graduate students realized the teaching practices with more focus on concrete examples, technology use, and diversity integration into teaching.

Comparing the writing guides with the findings of this study, the genre structure aligns with some of the recommendations in the writing guides, while other moves are found in the genre mod-

el, such as moves of recognizing the rewards of being a teacher, acknowledging previous mentors, and explaining students' difficulties. These are optional moves according to the frequency calculations. However, they still occur in the TPS genre and are choices that can be used by the writers of TPSs. The genre structure developed in this study contains steps that can be utilized by novice writers in the genre, offering specific components to follow rather than general advice not based on empirical investigation of TPSs.

6. CONCLUSION

This study provided a move analysis of an occluded genre to explore the structure of TPSs. The theoretical contribution of the study is a rhetorical genre model based on authentic examples that were produced in the same period and in the same context. The study also offers a methodological contribution by using MAXQDA as a tool to uncover moves and steps in the genre. The findings of the study can be utilized by teacher preparation programs and offered to graduate students who might identify a need for writing a TPS for their career.

The TPS genre is characterized by several specific moves and steps, as the genre model that is presented in this study shows. The most frequent and cyclical move in TPSs is *focusing on teaching practices*, which occurred in all the texts. A conclusion can be made that TPSs focus specifically on what happens in the classroom by providing examples of activities. The present study offered a more complete picture of the TPS genre by developing a rhetorical genre structure and linguistic features associated with the conventional moves. Writers can refer to the genre model when they are required to write a TPS. Nevertheless, because the model is derived from a historical corpus, its direct applicability to post-pandemic and contemporary writing contexts requires verification against more recent data.

This study is based on a sample of TPSs written between 2004 and 2016. The proposed model is a pre-pandemic model for the TPS genre, with which future and more current examinations of the genre can be compared, and other contexts of the genre can be explored. The genre of TPS might have evolved in recent years, and new moves and steps might be present. This is due to developments in writing and adapting to emerging online teaching post-pandemic, such as increased technology use and hybrid teaching practices (Albakry & Bryan, 2025; Sharmin & Chow, 2024), which might influence and change the genre characteristics reported here. Future studies can benefit from this study and might include different contexts and a larger sample of TPSs.

Statement of Conflict of Interest

The author states that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Abaalkhail, A. (2022). *Understanding teaching philosophy statements as a genre: A corpus-based discourse analysis of rhetorical moves and linguistic features* [Unpublished doctoral dissertation]. The University of Sheffield.
2. Albakry, M., & Bryan, C. (2025). *Presentation of self in academic support genres: Job application statements*. University of Michigan Press/ELT. <https://doi.org/10.3998/mpub.14362754>

3. Alghbban, M. I., Ben Salamh, S., & Maalej, Z. (2017). Metaphoric modeling of foreign language teaching and learning, with special reference to teaching philosophy statements. *Applied Linguistics*, 38(4), 559–580. <https://doi.org/10.1093/applin/amv053>
4. Anthony, L. (2019). *AntConc (Version 3.5.8)*. Waseda University. <https://www.laurenceanthony.net/software>
5. Arsyad, S. (2013). A genre-based analysis of Indonesian research articles in the social sciences and humanities written by Indonesian speakers. *Journal of Multicultural Discourses*, 8(3), 234–254. <https://doi.org/10.1080/17447143.2013.849711>
6. Baker, P. (2006). *Using corpora in discourse analysis*. Continuum.
7. Beatty, J. E., Leigh, J. S. A., & Lund Dean, K. (2009). Philosophy rediscovered: Exploring the connections between teaching philosophies, educational philosophies, and philosophy. *Journal of Management Education*, 33(1), 99–114. <https://doi.org/10.1177/1052562907310557>
8. Beatty, J. E., Leigh, J. S. A., & Lund Dean, K. (2020). Republication of: Philosophy rediscovered: Exploring the connections between teaching philosophies, educational philosophies, and philosophy. *Journal of Management Education*, 44(5), 543–559. <https://doi.org/10.1177/1052562920912915>
9. Bhatia, V. K. (2004). *Worlds of written discourse*. Continuum.
10. Bhatia, V. K. (2017). *Critical genre analysis: Investigating interdiscursive performance in professional practice*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315690315>
11. Biber, D., Connor, U., & Upton, T. A. (2007a). Discourse analysis and corpus linguistics. In D. Biber, U. Connor, & T. A. Upton (Eds.), *Discourse on the move: Using corpus analysis to describe discourse structure* (pp. 1–20). John Benjamins.
12. Biber, D., Connor, U., & Upton, T. A. (2007b). *Discourse on the move: Using corpus analysis to describe discourse structure*. John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/sci.28>
13. Biber, D., Conrad, S., & Cortes, V. (2004). If you look at ...: Lexical bundles in university teaching and textbooks. *Applied Linguistics*, 25(3), 371–405. <https://doi.org/10.1093/applin/25.3.371>
14. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., & Finegan, E. (1999). *Longman grammar of spoken and written English*. Pearson Education Limited.
15. Bordet, G. (2015). The Role of “Lexical Paving” in building a text according to the requirements of a target genre. In P. Thompson & G. Diani (Eds.), *English for academic purposes: Approaches and implications* (pp. 43–77). Cambridge Scholars Publishing.
16. Boye, A. (2012). Writing your teaching philosophy. *Texas Tech University Teaching, Learning, and Professional Development Center*, (7), 1–7.
17. British Psychological Society. (2021). *Ethics guidelines for internet-mediated research*. <https://doi.org/10.53841/bpsrep.2021.rep155>
18. Bruff, D. (2007). Valuing and evaluating teaching in the mathematics faculty hiring process. *Notices of the AMS*, 54(10), 1308–1315. <http://www.ams.org/notices/200710/tx071001308p.pdf>
19. Casal, J. E., & Kessler, M. (2020). Form and rhetorical function of phrase-frames in promotional writing: A corpus- and genre-based analysis. *System*, 95, 102370. <https://doi.org/10.1016/j.system.2020.102370>
20. Casal, J. E., & Kessler, M. (2024). Rhetorical move-step analysis. In M. Kessler & C. Polio (Eds.), *Conducting genre-based research in Applied Linguistics: A methodological guide* (1st ed., pp. 82–104). Routledge.

21. Caukin, N. G., & Brinthaupt, T. (2017). Using a teaching philosophy statement as a professional development tool for teacher candidates. *International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning*, 11(2), 1–9. <https://doi.org/10.20429/ijstl.2017.110218>
22. Chang, Y. J., & Huang, H. T. (2015). Exploring TED talks as a pedagogical resource for oral presentations: A corpus-based move analysis. *English Teaching and Learning*, 39(4), 29–62. <https://doi.org/10.6330/ETL.2015.39.4.02>
23. Charles, M., & Whiteside, K. (2024). Seeking research funding in a peripheral context: A learner corpus genre study of grant proposal summaries. *Journal of English for Academic Purposes*, 71. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2024.101431>
24. Chen, Y., & Baker, P. (2016). Investigating criterial discourse features across second language development: Lexical bundles in rated learner essays, CEFR B1, B2 and C1. *Applied Linguistics*, 37(6), 849–880. <https://doi.org/10.1093/applin/amu065>
25. Chism, N. V. N. (1997). Developing a philosophy of teaching statement. *Essays on Teaching Excellence*, 9(3), 1–2.
26. Connor, U., & Mauranen, A. (1999). Linguistic analysis of grant proposals: European Union research grants. *English for Specific Purposes*, 18(1), 47–62. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(97\)00026-4](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(97)00026-4)
27. Coppola, B. P. (2002). Writing a statement of teaching philosophy. *Journal of College Science Teaching*, 31(7), 448–453.
28. Cornut, F., Giroux, H., & Langley, A. (2012). The strategic plan as a genre. *Discourse & Communication*, 6(1), 21–54. <https://doi.org/10.1177/1750481311432521>
29. Cotos, E. (2019). Articulating societal benefits in grant proposals: Move analysis of Broader Impacts. *English for Specific Purposes*, 54, 15–34. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2018.11.002>
30. Cotos, E., Huffman, S., & Link, S. (2017). A move/step model for methods sections: Demonstrating rigour and credibility. *English for Specific Purposes*, 46, 90–106. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2017.01.001>
31. Crookes, G. V. (2015). Redrawing the boundaries on theory, research, and practice concerning language teachers' philosophies and language teacher cognition: Toward a critical perspective. *The Modern Language Journal*, 99(3), 485–499. <https://doi.org/10.1111/modl.12237>
32. Ding, H. (2007). Genre analysis of personal statements: Analysis of moves in application essays to medical and dental schools. *English for Specific Purposes*, 26(3), 368–392. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2006.09.004>
33. Durrant, P., & Mathews-Aydinli, J. (2011). A function-first approach to identifying formulaic language in academic writing. *English for Specific Purposes*, 30(1), 58–72. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2010.05.002>
34. Eierman, R. J. (2008). The teaching philosophy statement: Purposes and organizational structure. *Journal of Chemical Education*, 85(3), 336–339. <https://doi.org/10.1021/ed085p336>
35. Faryadi, Q. (2015). Teaching philosophy statements. *IOSR Journal of Research & Method in Education*, 5(6), 61–66.
36. Fitzgerald, S. (2020). «There's only one pot of money it can come from»: A corpus-based analysis of the International Baccalaureate in Canada's Provinces. *Canadian Journal of Education*, 43(3), 862–890.

37. Flowerdew, J. (2013). *Discourse in English language education*. Routledge.
38. Flowerdew, J., & Dudley-Evans, T. (2002). Genre analysis of editorial letters to international journal contributors. *Applied Linguistics*, 23(4), 463–489. <https://doi.org/10.1093/applin/23.4.463>
39. Flowerdew, L. (1998). Corpus linguistic techniques applied to textlinguistics. *System*, 26(4), 541–552. [https://doi.org/10.1016/S0346-251X\(98\)00039-6](https://doi.org/10.1016/S0346-251X(98)00039-6)
40. Flowerdew, L. (2005). An integration of corpus-based and genre-based approaches to text analysis in EAP/ESP: Countering criticisms against corpus-based methodologies. *English for Specific Purposes*, 24(3), 321–332. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2004.09.002>
41. Flowerdew, L. (2008). Determining discourse-based moves in professional reports. In A. Ädel & R. Reppen (Eds.), *Corpora and discourse: The challenges of different settings* (pp. 117–131). John Benjamins.
42. Flowerdew, L. (2012). Corpus-based discourse analysis. In J. P. Gee & M. Handford (Eds.), *The Routledge handbook of discourse analysis* (pp. 174–187). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203809068.ch13>
43. Giannoni, D. S. (2002). Worlds of gratitude: A contrastive study of acknowledgement texts in English and Italian research articles. *Applied Linguistics*, 23(1), 1–31. <https://doi.org/10.1093/applin/23.1.1>
44. Goodyear, G. E., & Allchin, D. (1998). Statements of teaching philosophy. In M. Kaplan (Ed.), *To Improve the Academy* (Vol. 17, pp. 103–121). New Forums Press and the Professional and Organizational Development Network in Higher Education. <https://doi.org/10.1002/j.2334-4822.1998.tb00345.x>
45. Hall, D. P., Waalkes, P. L., & Smith, P. H. (2021). A content analysis of counselor educators' teaching philosophy statements. *Journal of Counselor Preparation and Supervision*, 14(1). <https://research.library.kutztown.edu/jcps/vol14/iss1/3/>
46. Halleck, G. B., & Connor, U. (2006). Rhetorical moves in TESOL conference proposals. *Journal of English for Academic Purposes*, 5(1), 70–86. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2005.08.001>
47. Heim, A. B., & Holt, E. A. (2025). The Teaching Philosophy Rubric (TPR): A reflection tool for teaching statements. *College Teaching*. <https://doi.org/10.1080/87567555.2025.2549329>
48. Hyland, K. (2012). Bundles in academic discourse. *Annual Review of Applied Linguistics*, 32, 150–169. <https://doi.org/10.1017/S0267190512000037>
49. Hyon, S. (2018). *Introducing genre and English for Specific Purposes*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315761152>
50. Jiang, F. (Kevin), & Ma, X. (2018). 'As we can see': Reader engagement in PhD candidature confirmation reports. *Journal of English for Academic Purposes*, 35, 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2018.05.003>
51. Joseph, R., Lim, J. M.-H., & Nor, N. A. M. (2014). Communicative moves in forestry research introductions: Implications for the design of learning materials. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 134, 53–69. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.224>
52. Kanoksilapatham, B. (2007). Rhetorical moves in biochemistry research articles. In D. Biber, U. Connor, & T. A. Upton (Eds.), *Discourse on the move: Using corpus analysis to describe discourse structure* (pp. 73–119). John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/scl.28.06kan>

53. Kaplan, M., Meizlish, D. S., O'Neal, C., & Wright, M. C. (2008). A research-based rubric for developing statements of teaching philosophy. In D. R. Robertson & L. B. Nilson (Eds.), *To improve the academy: Resources for faculty instructional and organizational developers* (Vol. 26, pp. 242–262). Jossey-Bass. <https://doi.org/10.1002/j.2334-4822.2008.tb00512.x>
54. Kenny, N., Berenson, C., Jeffs, C., Nowell, L., & Grant, K. (2018). *Teaching philosophies and teaching dossiers guide*. University of Calgary Taylor Institute for Teaching and Learning. <https://taylorinstitute.ucalgary.ca/resources/teaching-philosophies-and-teaching-dossiers-guide>
55. Kessler, M. (2020). A text analysis and gatekeepers' perspectives of a promotional genre: Understanding the rhetoric of Fulbright grant statements. *English for Specific Purposes*, 60, 182–192. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2020.07.003>
56. Li, L. J., & Ge, G. C. (2009). Genre analysis: Structural and linguistic evolution of the English-medium medical research article (1985–2004). *English for Specific Purposes*, 28(2), 93–104. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2008.12.004>
57. Lim, J. M.-H. (2014). Formulating research questions in experimental doctoral dissertations on Applied Linguistics. *English for Specific Purposes*, 35, 66–88. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2014.02.003>
58. Liu, Y., & Buckingham, L. (2018). The schematic structure of discussion sections in applied linguistics and the distribution of metadiscourse markers. *Journal of English for Academic Purposes*, 34, 97–109. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2018.04.002>
59. López-Ferrero, C., & Bach, C. (2016). Discourse analysis of statements of purpose: Connecting academic and professional genres. *Discourse Studies*, 18(3), 286–310. <https://doi.org/10.1177/1461445616634553>
60. Lorés, R. (2004). On RA abstracts: From rhetorical structure to thematic organisation. *English for Specific Purposes*, 23(3), 280–302. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2003.06.001>
61. Loudermilk, B. C. (2007). Occluded academic genres: An analysis of the MBA thought essay. *Journal of English for Academic Purposes*, 6(3), 190–205. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2007.07.001>
62. Macfarlane, B. (2020). The CV as a symbol of the changing nature of academic life: Performativity, prestige and self-presentation. *Studies in Higher Education*, 45(4), 796–807. <https://doi.org/10.1080/03075079.2018.1554638>
63. Martín, P. M. (2003). A genre analysis of English and Spanish research paper abstracts in experimental social sciences. *English for Specific Purposes*, 22(1), 25–43. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(01\)00033-3](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(01)00033-3)
64. McEnery, T. (2016). Keywords. In P. Baker & J. Egbert (Eds.), *Triangulating methodological approaches in corpus linguistic research* (pp. 20–32). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315724812-2>
65. Merkel, W. (2020). “What I mean is...”: The role of dialogic interactions in developing a statement of teaching philosophy. *Journal of Second Language Writing*, 48. <https://doi.org/10.1016/j.jslw.2019.100702>
66. Neaderhiser, S. E. (2009). *“Metaphors we teach by”: Representations of disciplinary and teacherly identity* [Doctoral dissertation]. University of Louisville, Louisville, Kentucky. <https://doi.org/10.18297/etd/1044>

67. Neaderhiser, S. E. (2016a). Conceiving of a teacherly identity: Metaphors of composition in teaching statements. *Pedagogy*, 16(3), 413–443. <https://doi.org/10.1215/15314200-3600781>
68. Neaderhiser, S. E. (2016b). Hidden in plain sight: Occlusion in pedagogical genres. *Composition Forum*, 33, 1–12.
69. O’Neal, C., Meizlish, D. S., & Kaplan, M. (2007). Writing a statement of teaching philosophy for the academic job search. *CRLT Occasional Papers*, 23, 1–8.
70. Paltridge, B., Starfield, S., Ravelli, L., & Tuckwell, K. (2012). Change and stability: Examining the macrostructures of doctoral theses in the visual and performing arts. *Journal of English for Academic Purposes*, 11(4), 332–344. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2012.08.003>
71. Parkinson, J. (2017). The student laboratory report genre: A genre analysis. *English for Specific Purposes*, 45, 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2016.08.001>
72. Payant, C. (2017). Teaching philosophy statements: In-service ESL teachers’ practices and beliefs. *TESOL Journal*, 8(3), 636–656. <https://doi.org/10.1002/tesj.290>
73. Payant, C., & Hirano, E. (2018). Recurring topics in English language teachers’ written teaching philosophy statements. *TESL Canada Journal*, 35(1), 29–51. <https://doi.org/10.18806/tesl.v35i1.1283>
74. Petyko, M., Busso, L., Atkins, S., Basu, N., Chiang, E., & Grant, T. (2025). “This is an extortion note”: A rhetorical move-analysis of discourse structure and genre in commercial extortion letters. *Language and Law/Linguagem e Direito*, 11(2), 160–178. https://doi.org/10.21747/21833745/lanlaw/11_2a7
75. Pho, P. D. (2008). Research article abstracts in applied linguistics and educational technology: A study of linguistic realizations of rhetorical structure and authorial stance. *Discourse Studies*, 10(2), 231–250. <https://doi.org/10.1177/1461445607087010>
76. Rossetti, J., & Fox, P. G. (2009). Factors related to successful teaching by outstanding professors: An interpretive study. *Journal of Nursing Education*, 48(1), 11–16. <https://doi.org/10.3928/01484834-20090101-09>
77. Samraj, B. (2014). Move structure. In K. P. Schneider & A. Barron (Eds.), *Pragmatics of discourse* (pp. 385–406). De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110214406-015>
78. Samraj, B. (2016). Discourse structure and variation in manuscript reviews: Implications for genre categorization. *English for Specific Purposes*, 42, 76–88. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2015.12.003>
79. Samraj, B., & Monk, L. (2008). The statement of purpose in graduate program applications: Genre structure and disciplinary variation. *English for Specific Purposes*, 27(2), 193–211. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2007.07.001>
80. Schönwetter, D. J., Sokal, L., Friesen, M., & Taylor, K. L. (2002). Teaching philosophies reconsidered: A conceptual model for the development and evaluation of teaching philosophy statements. *International Journal for Academic Development*, 7(1), 83–97. <https://doi.org/10.1080/13601440210156501>
81. Sharmin, N., & Chow, A. (2024). Teaching Philosophy Statement: It is time to think outside the box. *McGill Journal of Education / Revue Des Sciences de l’éducation de McGill*, 325–332. <https://doi.org/10.26443/mje/rsem.v58i3.10283>

82. Solin, A. (2018). Writing in the context of unstable norms: Teaching portfolios as a genre of academic recruitment. *International Journal of Applied Linguistics*, 28(3), 424–437. <https://doi.org/10.1111/ijal.12213>
83. Supasiraprapa, S., & De Costa, P. I. (2017). Metadiscourse and identity construction in teaching philosophy statements: A critical case study of two MATESOL students. *TESOL Quarterly*, 51(4), 868–896. <https://doi.org/10.1002/tesq.360>
84. Swales, J. M. (1990). *Genre analysis: English in academic and research settings*. Cambridge University Press.
85. Swales, J. M. (1996). Occluded genres in the academy: The case of the submission letter. In E. Ventola & A. Mauranen (Eds.), *Academic writing: Intercultural and textual issues* (pp. 45–58). John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/pbns.41.06swa>
86. Swales, J. M. (2004). *Research genres: Explorations and applications*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139524827>
87. Swales, J. M., & Feak, C. B. (2004). *Academic writing for graduate students: Essential tasks and skills* (2nd ed.). The University of Michigan Press.
88. Swales, J. M., & Feak, C. B. (2011). *Navigating academia: Writing supporting genres*. The University of Michigan Press. <https://doi.org/10.3998/mpub.3073304>
89. Thompson, S. (1994). Frameworks and contexts: A genre-based approach to analysing lecture introductions. *English for Specific Purposes*, 13(2), 171–186. [https://doi.org/10.1016/0889-4906\(94\)90014-0](https://doi.org/10.1016/0889-4906(94)90014-0)
90. VERBI Software. (2018). MAXQDA 2018. VERBI Software. <https://www.maxqda.com>
91. Yang, R., & Allison, D. (2003). Research articles in applied linguistics: Moving from results to conclusions. *English for Specific Purposes*, 22(4), 365–385. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(02\)00026-1](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(02)00026-1)
92. Yang, W. (2015). “Call for papers”: Analysis of the schematic structure and lexico-grammar of CFPs for academic conferences. *English for Specific Purposes*, 37, 39–51. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2014.06.006>
93. Yelland, C. (2011). A genre and move analysis of written feedback in higher education. *Language and Literature*, 20(3), 218–235. <https://doi.org/10.1177/0963947011413563>
94. Yeom, Y., Miller, M. A., & Delp, R. (2018). Constructing a teaching philosophy: Aligning beliefs, theories, and practice. *Teaching and Learning in Nursing*, 13(3), 131–134. <https://doi.org/10.1016/j.teln.2018.01.004>

About the author:

Dr. Atekah Abaalkhail is an assistant professor in the Department of Foreign Languages at Al-Baha University, Al-Baha, Saudi Arabia. The research interests include discourse analysis, genre analysis, corpus linguistics, and health communication. ORCID: 0000-0003-2148-7631

Received: April 11, 2026.

Accepted: June 1, 2026.

APPENDIX A

Structural types of N-grams (Biber et al., 1999, pp. 1015–1024)

Structure	Pattern	Examples
NP-based	NP + of	the end of the, the nature of the, the beginning of the, a large number of
	Other NP	the fact that the, one of the most, the extent to which, an important role in
PP-based	PP + of	at the end of, as a result of, on the basis of, in the context of
	Other PP	on the other hand, at the same time, in the present study, with respect to the
VP-based	Be + noun/adjective phrase	is the same as, is a matter of, is due to the, be the result of, is a significant difference
	Passive verb + prep phrase fragment	is shown in figure, is based on the, is defined as the, can be found in
	Anticipatory it + verb/adjective phrase	it is important to, it is possible that, it was found that, it should be noted
	(Verb phrase) + that clause fragment	should be noted that, that this is a, we assume that the
	(Verb/adjective) + to-clause fragment	are likely to be, to be able to, to determine whether the
Other expressions	Adverbial clause fragment	as shown in the table, if there is a, as can be seen in, as compared with the
	Pronoun/noun phrase + be (+...)	this is not the, there was no difference, this is the first
Other expressions	Other	did not differ between, as well as the

Functional categories of N-grams in academic prose (Biber et al., 2004, pp. 384–388)

Category	Function	Subcategories and Examples
Stance expressions	Expressing attitudes or assessments	A. Epistemic stance <i>Personal: I don't know if</i> <i>Impersonal: the fact that the</i> B. Attitudinal/modality stance <i>B1. Desire: if you want to</i> <i>B2. Obligation/directive</i> <i>Personal: I want you to</i> <i>Impersonal: it is important to</i> <i>B3. Intention/prediction</i> <i>Personal: I'm not going to</i> <i>Impersonal: going to be a</i> B4. Ability <i>Personal: to be able to</i> <i>Impersonal: it is possible to</i>
Discourse organizers	Shows relationships in discourse	A. Topic introduction/focus <i>what do you think</i> B. Topic elaboration/clarification <i>has to do with</i>
Referential expressions	Reference to physical or abstract entities	A. Identification/focus <i>that's one of the</i> B. Imprecision <i>or something like that</i> C. Specification of attributes <i>C1. Quantity specification: have a lot of</i> <i>C2. Tangible framing attributes: the size of the</i> <i>C3. Intangible framing attributes: the nature of the</i>

Special conversational functions

D. Time/place/text reference

D1. Place reference: in the United States

D2. Time reference: at the same time

D3. Text deixis: shown in figure N

D4. Multi-functional reference: the end of the

A. Politeness

thank you very much

B. Simple inquiry

what are you doing

C. Reporting

I said to him/her

APPENDIX B

*Titles of writing guides on TPSs selected for analysis***Publication title**

- *Writing your teaching philosophy* (Boye, 2012)
- *Developing a philosophy of teaching statement* (Chism, 1997)
- *Writing a statement of teaching philosophy* (Coppola, 2002)
- *The teaching philosophy statement: Purposes and organizational structure* (Eierman, 2008)
- *Teaching philosophy statements* (Faryadi, 2015)
- *Statements of teaching philosophy* (Goodyear & Allchin, 1998)
- *A research-based rubric for developing statements of teaching philosophy* (Kaplan et al., 2008)
- *Teaching philosophies and teaching dossiers guide* (Kenny et al., 2018)
- *Writing a statement of teaching philosophy for the academic job search* (O'Neal et al., 2007)
- *Teaching philosophies reconsidered: A conceptual model for the development and evaluation of teaching philosophy statements* (Schönwetter et al., 2002)
- *Navigating academia: Writing supporting genres* (Swales & Feak, 2011)
- *Constructing a teaching philosophy: Aligning beliefs, theories, and practice* (Yeom et al., 2018)
- *Philosophy of Teaching Statement* | Michael V. Drake Institute for Teaching and Learning (osu.edu)
- *Writing Your Teaching Philosophy* | Centre for Educational Innovation (umn.edu)